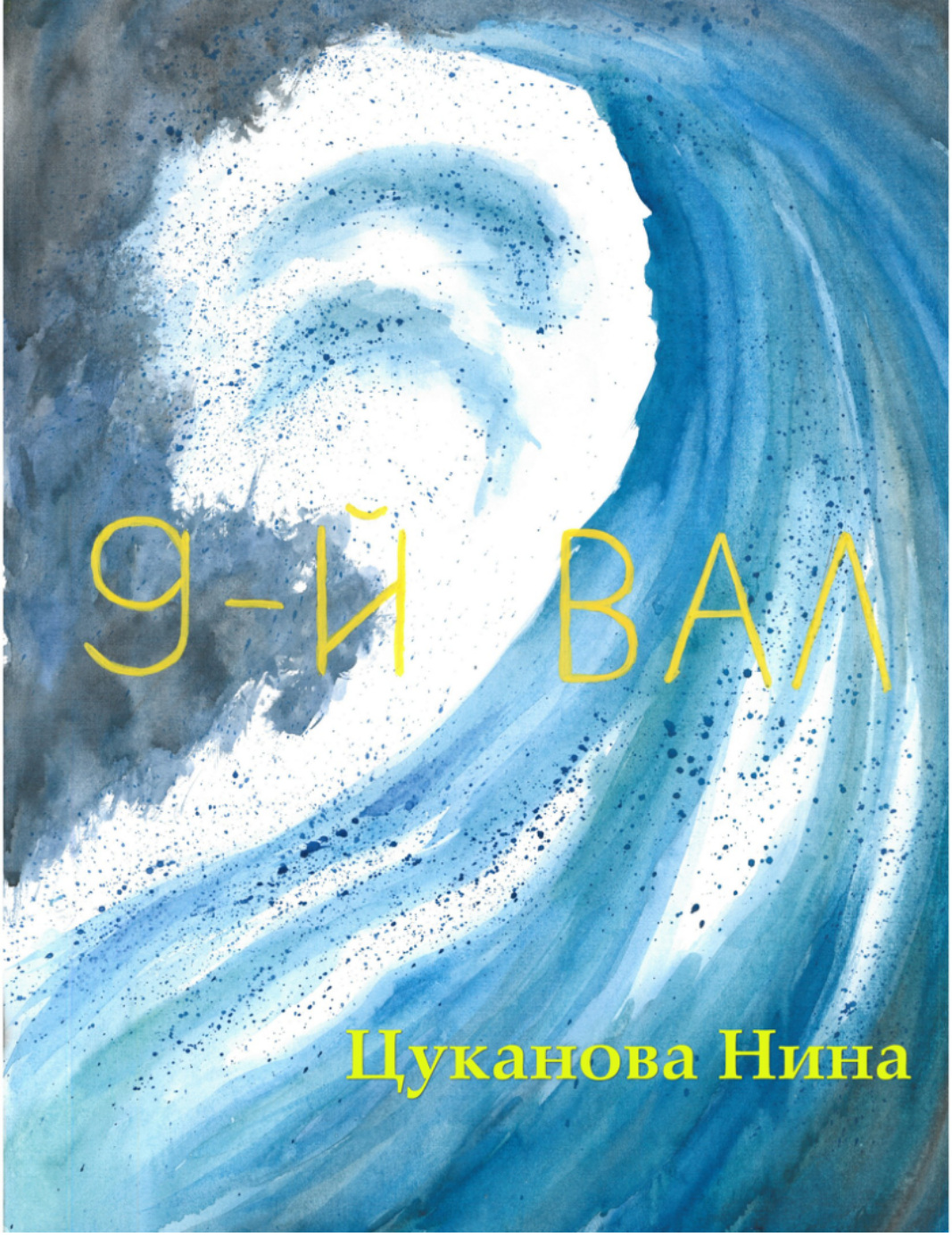
9-Й ВАЛ
Цуканова Нина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Девятым валом» часто иносказательно называют какую-то несокрушимую силу. … Что будет, если собрать людей с поломанными жизнями, так или иначе обиженных судьбой, увести их со скользкого пути бандитов и грабителей и направить их неистовую, кипучую энергию в мирное русло?..

- Пролог.
- Часть 1
  - (30 августа)
  - (2 сентября)
  - (4 сентября)
  - (5 сентября)
  - (8 сентября)
  - (11 сентября)
  - (12 сентября)
  - (13 сентября)
  - (14 сентября)
- Часть 2.
  - (22 сентября)
  - (23 сентября)
  - (25 сентября)
  - (26 сентября)
  - (27 сентября)
  - (28 сентября)
  - (25 сентября)
  - (26 сентября)
  - (27 сентября)
  - (28 сентября)
  - (29 сентября)
  - (29 сентября)
  - (30 сентября)
  - (30 сентября)
  - (1 октября)
  - (1 октября)
  - (2 октября)
  - (3 октября)
  - (4 октября)
  - (4 октября)
  - (5 октября)
  - (6 октября)
  - (7 октября)

- (7 октября)
- (8 октября)
- (8 октября)
- (9 октября)
- (9 октября)
- (12 сентября)
- (17 октября)
- (18 октября)
- (18 октября)
- (21 октября)
- (21 октября)
- (22 октября)
- (22 октября)
- (22 октября)

- Часть 3.
  - (29 октября)
  - (30 октября)
  - (1 ноября)
  - (4 ноября)
  - (5 ноября)
  - (6 ноября)
  - (10 ноября)
  - (13 ноября)
  - (19 ноября)
  - (20 ноября)
  - (25 ноября)
  - (28 ноября)
  - (29 ноября)
  - (30 ноября)
  - (1 декабря)
  - (1 декабря)
  - (2 декабря)
  - (5 декабря)
  - (6 декабря)
  - (7 декабря)
  - (9 декабря)
  - (11 декабря)
  - (11 декабря)
  - (13 декабря)
  - (21 декабря)
  - (22 декабря)
  - (25 декабря)
  - (29 декабря)
  - (30 декабря)

    - (31 декабря)
- Эпилог.

Пролог.

История эта началась давно: без малого четверть века назад.

Как ни в чем не бывало, я выходил из дома. В тот день я должен был стать крестным отцом новорожденного… наследного принца. Да-да! Не имея ни титулов, ни званий, я был очень близок с королем, Юстинианом IV. Мы дружили с детства, моя мать работала во дворце. Но, поскольку будущему монарху не пристало дружить с безродной детворой, дворцовая элита настояла на её увольнении.

Мы, в общем-то, и не надеялись увидеться, но… не было бы счастья, да несчастье помогло. Однажды мне выпала честь спасти его королевскую жизнь, что, в свою очередь, дало Юстиниану веское право приблизить меня к себе.

И вот теперь я должен был стать крестным отцом его сына.

Из дома я выходил заранее, времени было вагон и маленькая тележка. Привычным жестом я распахнул дверь и, тут же споткнувшись обо что-то мягкое, живописно полетел с крыльца. "Что-то мягкое", крайне недовольное моим негостеприимством, истошно заревело.

– А что, если бы я вообще сегодня из дома не вышел?! – как-то даже по-детски возмутился я. Лес, понятное дело, ничего мне не ответил.

– Ты опоздал, – недовольно заметил Его Величество, и только потом взглянул на мою кислую мину. И не менее кислую мину подброшенного мне ребенка – оставить его в доме одного я не решился.

– Отдай кормилице. А после, – Юстиниан понизил голос: – После можем крестить и его.

… То, что крестным отцом моего приемыша был сам король, разумеется, осталось государственной тайной…

Малыша, кстати, назвали Янги.

Наивно было надеяться, что этим все закончится. Тремя годами позже судьба столкнула меня с Айятой. На вид девочке было лет восемь. Рыжая, как рассветное солнце. И веснушки по всему лицу, словно сусальным золотом обрызгали.

Не уверен, что придал бы значение нашей встрече, если бы произошла она не вечером в лесу.

– Как твоя мама относится к столь поздним прогулкам? – с шутливой строгостью поинтересовался я.

– Не знаю, – беззаботно отозвалась девчонка с нижней ветки дуба. – Никогда её не видела.

– С кем же ты тогда живешь? Не белки же тебя воспитали.

Девчонка звонко рассмеялась.

– По секрету, меня воспитала лесная нимфа Саола, или, для своих, Солнце.

Я с серьезным видом кивнул, хоть и не верил в сказки.

… Айята проводила нас до дома и даже заглянула в гости.

Она моментально завоевала расположение Янги, выложив для него мордашку из ягод в тарелке с манной кашей.

Я подозревал, что она просто беспризорница, но девочка наотрез отказалась остаться и не позволила себя проводить, улизнула от меня так ловко, что я даже не заметил, в каком направлении – к городу или вглубь леса – она ушла.

Несколько дней я пытался ее найти, расспрашивая горожан, но безрезультатно…

Она явилась сама.

И сказала:

– Солнце говорит, что я человек, и должна жить среди людей. Она считает, что вы – хороший человек, и вам можно верить. Я останусь у вас, если вы не против.

Через четыре года мы приняли беспризорного мальчишку по имени Юджин. Он был Айятиным ровесником и впечатлил меня своим мастерством сражения с помощью рогатки и пращи.

Я начал подозревать, что скоро у меня будет личный детский дом.

Через пару лет я удостоверился в этой мысли.

Мы были в городе, я и трое "моих" детей (мой дом находится за чертой города, в лесу). Я пошел в ларек за специями, ребята остались у фонтана. Через какое-то время ко мне пробралась девчонка лет 10 и сообщила, что мои ребята задержали грабителя.

… Городская стража только-только показалась. Юджин сворачивал пращу, Айята деловито вязала руки лежащему лицом вниз человеку. Янги старательно делал вид, что задержание – всецело его заслуга, и читал преступнику нотации.

… Скарлетт – так звали девочку – стала, по сути, последним ребенком, взятым мною на воспитание… и первым действительным новобранцем *отряда*.

Часть 1

(30 августа)

Светало. Вдоль частокола мерил шаг часовой; дежурил сегодня Антуан. Он был замечательным лучником, но обладал на редкость дурным характером. Впрочем, тех, кто обладает не дурным характером, в отряде можно пересчитать по пальцам. Одной руки…

В ворота заколотили; часовой развернулся, возмутительно спокойно подошел к ним и выглянул в окошко.

Голос у докладчика был срывающийся, с истерическими нотками.

Часовой несколько раз ударил в гонг, и я понял: боевая тревога.

База одномоментно ожила.

Я стряхнул с себя остатки предрассветной дремы и, быстро одевшись, побежал в холл, по пути выстукивая комнаты на предмет все ли проснулись.

Здесь следовало уделить особое внимание Ка́риджану́, нашему оружейнику, которому ранние подъемы давались особенно тяжело. Но не стоило беспокоиться: дверь в его комнату была открыта, и там уже проводили некромантские ритуалы его лучший друг, Инвар (северный аристократ, талантливый шпажист) и Айята – рыжеволосая девчонка (хе-хе, девчонка… впрочем, для меня все они дети), вооруженная двумя мечами и непревзойденным чувством юмора.

Дверь по правой стороне от меня распахнулась, едва не дав мне по носу (конечно, мне стоило бы внимательнее бегать по коридорам, но и, распахивая дверь, не об одном себе надо думать!)

– Юссариан, я вам нужен? – сонно поинтересовался Алекс, наш шаман.

– Не нужен! – рявкнул я, неуклюже обходя дверь: – Можешь съезжать с базы!

– Понял, собираюсь, – вздохнул шаман и скрылся в комнате.

Конечно, как работать, так мы не хотим, но только звякнет золотишко, он тут как тут, за уши, точнее, за волосы не оттащишь!

На задания в отряде выходит ударная группа, иногда полным составом, иногда не вся, по ситуации.

В холле уже во всю кипела жизнь: ударный отряд вооружался, некоторые ожидали моего решения по вопросу, нужны ли они сегодня или могут с чистой совестью идти спать. Антуан уже стоял в дверях.

– Докладывай, – бросил я, заходя.

– Банда вооруженных грабителей в городе, – равнодушно сообщил часовой.

Действительно, подумаешь, эка невидаль!? С такой же интонацией можно рассуждать о погоде или цене на картошку в прошлом сезоне!

Ну вот, поймал себя на мысли, что опять злюсь на Антуана без особой причины: ну бесстрастный, ну нечувствительный, не казнить же за это… Впрочем, времени рассуждать сейчас нет.

В холл стягивался народ, а я тем временем прикидывал, кто нужен сегодня для операции.

Основной состав ударной группы, а из остальных: Лиана, знахарка, чересчур воинственная для своей профессии (ей шел *восемнадцатый* год, и она не выносила, когда кто-нибудь заявлял, что ей просто семнадцать); Скарлетт, нужна будет в качестве адъютанта и курьера, без нее будет проблематично координировать действия отряда на расстоянии; и шаман Алекс, обеспечивающий нам магическую поддержку.

Итого одиннадцать, не считая меня… Эх, на базе-то некого за старшего оставить: три девицы, маленький (относительно остальных, так-то ему было без малого 15) Джуно, внук ведьмы, изготавливающий амулеты для отряда, и Янги…

Эх, Янги, за 23 года я так и не сумел сделать из него стоящего бойца… Ведь невозможно научить, можно только научиться, а если учиться человек не хочет, заставить его невозможно…

Позвякивая золочеными шпорами на лакированных сапогах и звеня золотыми цепями неисчислимых артефактов (да, подозреваю, и просто украшений), в холл зашел шаман, заспанный, но оттого не менее (если не более) устрашающий. Я хотел было гаркнуть на него, как можно так долго копаться, чай не на прогулку собираемся, но хватился, что сам еще не готов, и принялся спешно вооружаться. Устрашающе зевнув, из коридора выполз восставший из мертвых Кариджану.

Я, наконец, собрался, озвучил список ударной группы данной операции и скомандовал выход.

До города мы добрались быстро, да и там все прошло гладко. Разве что, у Алекса сломалась сабля. Ну и времени потратили много, отлавливая бандитов по переулкам и закуткам. Как всегда, сдали пленных городской страже и двинулись назад.

На базе нас, к всеобщей радости, уже ждал горячий обед. Ребята разоружились и бросились наперегонки до кухни, а у меня заело крепление ножен, что заставило меня задержаться в оружейной. В придачу, какой-то умник (или шутник) еще и

закрыл туда дверь, спасибо хоть, не на запор. И я стал невольным свидетелем приватного разговора.

– Антик… – елейным голоском прощебетала Лай-лай. Она искусно шила и отвечала за отрядное обмундирование.

– Да, Лай-лай, – мигом вскинулся лучник. То, что он влюблен в нее по уши, ни для кого не было секретом. И Лай-Лай коварно пользовалась этим. Она бы никогда не подошла к нему просто так: раз заговорила, значит что-то ей от него нужно. Что же на этот раз?

– Слушай… я сегодня должна дежурить по кухне… – якобы смущенно начала она. – А у меня, как назло, запястье что-то разболелось… – с видом умирающего лебедя, девушка потерла вышеупомянутую часть тела. – Не мог бы ты?..

– Нет проблем, Лай-лай! Я подежурю за тебя! – парнишка улыбнулся (что он, в принципе, делал о-очень редко, причем – исключительно в ответ на "благосклонность" одной единственной избранной).

– Ах, спасибо! – всплеснула руками Лай-лай. – Знала, что на тебя можно положиться! – и торопливо ушла по коридору.

Антик проводил ее взглядом и ушел убрать шпагу, которая, как бы, у него была, но практически им не использовалась.

Лай-лай тем временем догнала Юджина и весело защебетала, что все-таки идет сегодня на маскарад. Юджин натянуто улыбнулся, а едва Лай-лай отвернулась, страдальчески закатил глаза.

… Взаимоотношения этой троицы были одним из больных мест отряда и представляли собой, в некотором роде, любовный треугольник.

В отряд Лай-лай попала 11 лет назад. Семнадцатилетней девчонкой я поймал ее на краю обрыва и с грехом пополам убедил, что несчастная любовь – не повод кончать собой. И она пришла в отряд, который, разрастаясь, нуждался в качественной одежде.

Человеком она была добрым, очень ласковым и дико боялась кого бы то ни было обидеть. Но однажды она тяжело заболела. Очень тяжело. Я даже выпросил у Юстиниана путевку к морю. Лечение ей помогло, девочка ожила, но вместе с ней в ее душе ожили обида и жажда мести за причиненную ей некогда боль.

… Когда полтора года назад в наши двери постучались, я и не думал, что приму кого-либо в отряд, потому что в последние годы участились случаи, когда к нам пытались затесаться совершенно заурядные личности, и ко всем, кто приходил сам, я относился с подозрением. Дверь в таких случаях открывал Кариджану, чтобы сразу отсеять слабонервных. Но на этот раз визитер выдержал

тяжелый взгляд потустороннего, и мне пришлось-таки подойти.

На пороге стоял мальчишка. Маленького роста, мне примерно по плечо. Странный плащ на длину руки. Сапоги явно большего, чем нужно, размера, на такой толстой подошве, что еще чуть-чуть, и ее можно было бы назвать платформой. Здоровенная бляха на широком ремне. И, наконец, шляпа, ширина полей которой превышала ширину его плеч. Не столько потому, что была настолько широкополой, сколько потому, что парнишка был слишком узкоплечим. Серьезное, можно даже сказать, суровое выражение лица, слегка смуглого, в обрамлении темно-каштановых волос до плеч, никак не сочеталось с общей карикатурностью его образа.

Смотрел он так нахально и, вместе с тем, снисходительно, словно это я стоял на коленях перед ним, умоляя осчастливить отряд, своим присутствием, а не он стучался в двери базы в поздний час.

– Это вы Юссариан? Который возглавляет боевое спецподразделение "9-й вал", – натянуто вежливо спросил он после паузы. Голос у мальчика был низкий, и можно было бы даже назвать его красивым. Если не знать внешний вид говорящего.

Поэтому его голос лишь добавлял карикатурности и без того перегруженному контрастами образу и произвел на меня резко раздражающее воздействие.

– К вашим услугам, – буркнул я.

– Я хочу, чтобы вы взяли меня в ваш отряд, потому что я великолепный лучник.

– От скромности не помрешь, – буркнул я. – А ты уверен, что через пару дней не начнешь плакать и звать маму?

Ответ, который меня покорил:

– Я храбрый воин. Я не буду плакать.

И я решил дать ему шанс.

Собрав ребят на плацу, я объявил испытания открытыми. За их проведение отвечали: лучник Гюстав (работающий с длинным английским луком) и условно лучник Кариджану (этот бес способен сражаться, в принципе, любым предметом, находящимся у него в руках).

– Попадешь? – с вызовом бросил Гюстав, кладя яблоко на столбик.

– Легко, – нахально ответил парнишка.

– А если я подброшу?

Мальчик кивнул.

– А если я кину сразу несколько? – не унимался Гюстав, подхватывая корзиночку с яблоками.

Испытуемый одарил его снисходительным взглядом и сказал:

– Давай.

… Это произошло настолько быстро, что с трудом можно было что-либо понять. Восемь выстрелов слились в один. Восемь яблок аккурат по центру прибило к мишени. На землю не упало ни одного.

Минут пять мы просто ошалело молчали.

– Этого достаточно, чтобы вы меня приняли? – поинтересовался парнишка, устав ждать.

– Более чем… – выдавил я.

На вид ему можно было бы дать лет пятнадцать-шестнадцать. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что "мальчик" почти на десять лет старше…

Серьезно, на три года старше моего Янги!

Характер Антуана в двух словах: до безрассудства смел и до жестокости хладнокровен.

Во взаимоотношениях с ребятами он был холоден, и я даже думал, что кроме презрения и чувства превосходства, он не обладает никакими чувствами… пока не вернулась Лай-лай.

Похудевшая и озлобленная, она подрастеряла почти всю свою красоту, но в душе каменного Антика пробудила неведомые ему доселе чувства.

Лай-лай, заметив патологический интерес новичка к ней, решила мстить за все свои страдания всем мужчинам в его лице и… начала кокетничать с Юджином.

Юджин по определению был бунтарь. Любой мой запрет он воспринимал в штыки и жаждал нарушить.

… Во времена своего расцвета отряд насчитывал 24 человека, включая меня. И как-то я упустил тот момент, что детки выросли. Первая пара (ожидавшая ребенка) покинула отряд с моим благословением и добрыми пожеланиями от всех ребят. Когда ко мне, смущаясь, подошли еще двое, я порадовался за них, но задумался. На третьей и четвертой паре начинался тихий ужас, а далее я уже рвал на себе волосы с криком: "Ребята! Вы чего!?" За три месяца отряд покинули шесть пар. Это было катастрофой для отряда – наши ряды поредели вдвое – мило нареченной "бэби-бум". Последнюю, седьмую пару "пронесло", и она распалась, убоявшись участи Карла и Долорес (так звали первых двух ребят, покинувших отряд; их имена стали впоследствии нарицательными).

Чтобы подобное не повторилось, я ввел непререкаемый запрет на любые отношения в отряде. Несколько лет это беспрекословно исполнялось, но постепенно печальный опыт "бэби-бума" начал забываться. То тут, то там пытались зародиться

мелкие интрижки, и я был вынужден ужесточить запрет.

Юджин традиционно счел, что это ущемление его прав, и взбунтовался. И принялся флиртовать с так удачно подвернувшейся Лай-лай.

Лай-лай кокетничала с Юджином исключительно ради того, чтобы поиздеваться над Антуаном, а потом сама не заметила, как в него влюбилась. Не в Антика, разумеется. В Юджина. Причем, втрескалась по уши.

В отряде создалась аварийная и, в общем-то, патовая ситуация. Еще точнее это описывается понятием "цугцванг" – ситуация, при которой любое действие приводит к еще большему ее ухудшению. Если я еще ужесточу запрет, Юджин наверняка отреагирует очередным бунтом, если отменю – по логике парень обязан будет позвать Лай-лай замуж… А страдать в любом случае будет Антик.

Причем, Юджин понимал, что поставил себя в весьма неудобное положение, но сделать уже ничего не мог.

Потому что в руках Лай-Лай было страшное оружие – влюбленный Антик. Она манипулировала им, как хотела, и ни у кого не было сомнений, что, если она чмокнет его в лобик и прошепчет "Убей!", он пойдет и убьет.

Сей любовный треугольник благополучно бы замкнулся, если бы Юджин хотя бы симпатизировал Лай-лай, но… у меня были все основания полагать (несмотря на всю его грубость и нарочито пренебрежительное отношение), что он все еще тайно любил Айяту. Они и были той самой седьмой парой.

После обеда Янги заявил, что желает учиться стрелять из лука. Желающих поддержать его в его великих начинаниях почему-то не нашлось. Во-первых, у Янги было не в привычке доводить начатое до конца, и все знали, что это очередной сиюминутный порыв – Янги давно грезил попасть в ударную группу – на который жалко времени и сил. Во-вторых, почти все готовились к маскараду. Гюстав, услышав о Янгиной затее, живо убрался в свою комнату; Антуана Янги сам просить не решился. И остался лишь Ка-ну. Оружейник хотел спать и не хотел кого-либо чему-либо учить, но скрыться с глаз не успел, а веских причин для отказа сходу придумать не смог.

Янги, восторженно подхватил его лук и стрелы и понесся на плац, Ка-ну, схоронив надежду отдохнуть – за ним.

Но Янги, увидев, как отряд облепил окна в предвкушении шоу, предложил пойти на полянку в лесу. Ка-ну не импонировала идея торчать в полдень на солнцепеке, поэтому идею он поддержал.

Ребята разочарованно вздохнули и занялись своими делами.

Я рассудил, что к маскараду мне готовиться не так уж и долго, уже было по-тихому направился следом за Янги и Ка-ну, но в воротах встретился с Алексом.

– Ты куда? – удивился я.

– В город. Сдавать работу.

– Какую работу?

– На диплом. Я полночи ее доделывал, сегодня – крайний срок, – ответил тот, стараясь побыстрее от меня отвязаться.

– Волосы собери, – крикнул я ему вслед. Он обернулся, одарил меня высокомерным взглядом и лишь откинул с лица длинные русые пряди .

Алекс шаман. Точнее, адепт неошаманизма (колдовать – это тоже наука, этому нужно лет 7 в академии учиться). Он в отряд сразу после Академии и пришел (года 4 назад). Но, по каким-то причинам – то ли у него с ними какие-то склоки, то ли за ним какие-то косяки – ни диплома, ни лицензии он не получил. Не думаю, что из-за какой-нибудь банальщины (лень, мелкие залеты, прочее), за это обычно так не наказывают. Да и, зная Алекса, я предположил бы, что он, напротив, раскопал что-то такое, чего раскапывать было нельзя.

В любом случае, он уже который год пытался получить диплом, но его всякий раз заворачивали.

… Сквозь кусты я наблюдал за Янги и Ка-ну. Ка-ну простреливает яблоко на пеньке и припечатывает его к дереву. Дает Янги задание учиться стрелять по цели, то есть по яблоку (почему-то в отряде очень любят работать именно с яблоками). Янги заранее примеряет вид победителя, стреляет… Ну как, стреляет… Пытается. Стрела летит в землю, причем, даже не втыкаясь в нее, просто падая. Ка-ну, по-доброму посмеиваясь, напутствует: "Учись!" – и ложится на траву в теньке деревьев, наблюдает за Янги оттуда.

Жаркий, душный августовский день. Воздух густой и тягучий, как кленовый сироп. Лесные травы заполняют все пространство своими приторными ароматами.

Поскрипывает тетива, стрела раз за разом то мягко уходит в землю, то бесшумно ввысь. Янги сбивчиво сопит.

Кариджану клюет носом. Встряхивается, потирает глаза. Идет умываться к ручью. Садится на траву и принимается собирать ягоды, поглядывая на горе-ученика.

Янги не сдается, хотя успехов у него не наблюдается. Хорошо, что у него всего одна стрела, за которой он вынужден бегать и искать ее – иначе расстрелял бы весь колчан.

Ягоды в радиусе вытянутой руки закончились, но встать и перейти было уже невыполнимо. Ка-ну безнадежно клевал носом,

но держался стоически, поглядывая на солнце сквозь листву: прошло уже около сорока пяти минут. Сорок пять минут! Целых 45 минут Ка-ну сражается со сном! Тут есть, чем гордиться!

Янги бесится, ничего у него не получается. Наконец, он срывается, бросает лук, хватает корягу и, набирая воздуха для яростного вопля, замахивается на злосчастное яблочко…

… Голова Ка-ну окончательно опускается на траву.

Янги так и замер с корягой и открытым ртом. И тут пришла ему в голову гениальная идея: пока "соглядатай" спит, насадить свое яблоко на стрелу и воткнуть сию конструкцию в предварительно расщепленную стрелу Ка-ну, а-ля Робин Гуд.

Янги тихонечко, для страховки, позвал. "Ка-ну!" – молчание. Позвал громче – тишина. Вытащил у товарища нож и начал делать свое черное дело… К чести Янги будет сказано, что махинатором он был таким же, как и лучником, то есть никаким. Закончив, вернул нож, подхватил лук, встал в стойку и окликнул товарища.

– Я не сплю! – вскинулся тот, потирая предательски слипающиеся глаза.

– Я знаю, – легко согласился Янги: – Смотри.

Ка-ну, честно сказать, обалдел. Но потом, пригляделся… и ухмыльнулся. Нахально взглянул прямо на меня сквозь кусты и подмигнул… Вот блин, он меня видел!

С серьезным видом Ка-ну сказал, что Янги, вероятно, очень талантлив и достоин занять его место в ударной группе. Янги был польщен и весьма горд собой, и они уже отправились было сообщать Юссариану о замене… Но тут на поляну выскочила Скарлетт, посыльная, спринтер и шпион заодно – не у одного меня было желание проследить за обучением Янги – и завопила: "Не верь ему, Ка-ну, я все видела!"

Тот согнулся пополам и с трудом, сквозь смех, выдавил: "Хорошего же ты обо мне мнения, если решила, что я куплюсь на такой дешевый развод!.. Но за бдительность спасибо!"

До Янги начало доходить, что его бессовестно разводят, а когда я, смеясь, вышел на поляну, он удостоверился в этой мысли.

На базу он припустил почти бегом, и там принялся живописать, как его гнусно обманули… Вникнув в суть дела, ребята гаденько захихикали, и Янги понял, что симпатии отряда в этом вопросе не на его стороне.

– Может… Может, я рожден героем! – пафосно воскликнул он в отчаянной попытке оправдать свои действия.

"Героями не рождаются, героями становятся", – веско заметил кто-то, на что Янги неожиданно резко и зло заявил:

– Ну так я стану!.. Стану героем! – и исчез в коридоре.

– Блин, звучит как угроза, – усмехнулся Томмазо.

Что ж, будем надеяться, что Янги, как всегда, вскорости забудет об этом, а ребятам хватит ума ему не напоминать.

Из другого коридора вышла Лай-лай в своем платье с ангельскими крыльями, которое было, бесспорно, прекрасно, но не очень-то подходило к выражению ее лица.

– Кажется, Айята сегодня на бал не идет, – сказала Лай-лай с плохо скрываемым злорадством: – Ей не в чем!

И, в ответ на вопросительные взгляды, пояснила:

– Она заказала платье и попросила уменьшить размеры для большей изящности. Я честно предупредила ее, что она не утянется настолько, но… как говорится, хозяин-барин!

Я помнил, как Айята заказывала платье. Наверное, все это помнили.

Она выбрала платье, и Лай-лай приняла заказ, но через несколько дней точно такое же платье заказала ей принцесса. Лай-лай пришлось отказать Айяте и предложить выбрать другое. Но Айята пошла и договорилась с принцессой Дианой прийти в одинаковых платьях и с одинаковыми прическами. Принцесса пообещала ей завить волосы и выкрасить их хной.

С размером Айята себе чуточку польстила, но уверяла, что утянется. Не думаю, что Лай-лай горела желанием ее разубеждать. Предупредила, и на том спасибо.

В холл влетела несколько всклокоченная Мэу, ворожея, лучшая подружка Айяты, и, окинув присутствующих взглядом, воскликнула:

– Ка-ну! Ты-то нам и нужен! Нам нужна твоя помощь!

И, не дав ему опомниться, утащила за собой в женское крыло.

Ребята проводили его завистливыми взглядами и отпустили вслед несколько шуточек (он комплексовал по поводу своего достаточно худощавого телосложения, упорно, но, увы, почти безрезультатно качался, что было теперь одним из популярнейших предметов для шуток и подколов)

– Природное обаяние, – осадил приколистов я.

Среди них, таких сильных, крепких парней, девчонки почему-то выбирали обычного такого Кариджану.

Обделенные вниманием парни шутили, что, мол, он сам как девчонка, вот они и общаются с ним, как с подружкой, но в душе завидовали.

Ка-ну последние пару лет был одержим идеей накачать мышечную массу. Его даже в шутку сравнивали с Долорес (да-да, той самой), хотя это было в корне неправильно. Долорес была жесткой и очень правильной, у нее был режим, которому она

неотступно следовала, и это было для нее так естественно, словно было у нее в крови.

Ка-ну был живым и порывистым, всяческая рутина его угнетала, и, чтобы соблюдать хотя бы некоторое подобие режима, ему приходилось прилагать уйму усилий.

Но занимался он старательно, в любую свободную минуту, мужественно игнорируя дружеские шпильки.

Правда, в последнее время он начал все более перегибать палку… и иногда с ним было просто невыносимо скучно.

– Лай-лай, а разве ты сегодня не дежурная? – спросил я, как бы, невзначай.

– А я поменялась, – отозвалась та.

Поменялась она, как же! За Антика-то она дежурить потом не собирается.

– И с кем же? – я продолжал косить под дурачка.

– С Антуаном.

– С Антуаном? Он, вообще-то, сегодня итак дежурил на воротах.

Лай-лай повернулась ко мне и раздраженно проговорила:

– Юссариан. Это наше с ним дело.

Я не сразу нашелся, что ответить. Пока думал, в коридоре женского крыла послышался топот и смех. В холл влетела Мэу и радостно "представила" Айяту.

Ее вел под руку Ка-ну, гордясь выпавшей ему честью и улыбаясь во все зубы.

Ярко-голубое платье потрясающе смотрелось с огненными волосами, собранными в непривычную прическу (обычно девушка только подвязывала челку). Платье было по щиколотку и открывало красивые туфли-лодочки с высоким каблуком, на которых Айята держалась так уверенно, словно не ходила постоянно в башмаках с плоской подошвой. Девушкой она была нехрупкой, но очень ладной, и платье удачнейшим образом подчеркивало все достоинства ее фигуры. Всё вместе придавало ей просто магнетическую красоту… Грешным делом, и сам позавидовал бы сейчас Кариджану.

– Ну как? – весело спросила Айята.

Народ вразнобой заговорил комплементы.

– Прическа так себе. Всклокоченная какая-то, – бросил Юджин, направившись к своей комнате.

Айята не придала особого значения его замечанию.

Маскарад проходил на главной городской площади. Я общался с Его Величеством; ребята смешались с толпой, танцевали, веселились. Воинам тоже иногда нужен праздник. Айята танцевала; она сегодня была нарасхват, впрочем, как и

всегда.

***

Лай-лай устала танцевать и отдыхала, сидя на скамье. Юджин, скучая, стоял рядом. Потом, под неодобряющее согласие спутницы, пошел танцевать общий танец.

Испанский вальс, танец несложный (на ходу выучить можно). С частым переходом. Ни девушки-горожанки, победнее, побогаче, ни сам танец Юджина особо не интересовали, он лишь хотел размяться. Пока… к нему, подобно свежему ветру, не подлетела Айята. Раскрасневшаяся и слегка всклокоченная, она со смехом перескочила к Юджину от предыдущего кавалера, согласно рисунку танца. Станцевав короткий тур, упорхнула к следующему.

Музыка кончилась. Заиграл новый вальс. Айята стояла в двух парах от Юджина, и ее уже приглашал ближайший кавалер. Юджин подбежал и, схватив ее руку, практически вырвал ее у партнера, чисто для проформы бросив "я вас приглашаю…", Айята лишь успела одарить извиняющимся взглядом несостоявшегося кавалера…

Они закружились в танце. Юджин почувствовал себя так, словно глотнул свежего воздуха. Он и забыл, каково это – танцевать с Ней. Она чувствовала каждое движение, малейшее изменение направления. Танцуя с Ней, необязательно было знать партию, можно было импровизировать как угодно, ибо Она читала мысли…

Ее рука была на его плече, он держал ее за талию. Его шеи и щеки периодически касалось ее легкое теплое дыхание. В ее глазах отражались звезды… Нет! Это небо отражало блеск ее глаз!

А Юджин тоже был сегодня при параде. В костюме темно-бежевого цвета, чтобы не контрастировать с его рыжими волосами. Сегодня они даже были причесаны (а не всклокочены, как всегда), даже прилизаны, и слегка затемнены. Веснушки на лице были ненавязчиво припудрены.

… Они были очень красивой парой.

Голова кружилась от воспоминаний. Когда-то они были вместе. Когда-то она принадлежала ему, Юджину, не только на один танец… Он дышал ею, как воздухом. Он все помнил. И понимал, что ничего уже не вернуть. И ничему уже не быть. Все утрачено безвозвратно… А она? Ей весело. Она ничего не чувствует. И никогда не чувствовала. Ее потолок – дружба, пусть и более близкая, чем с кем-либо другим. Она никогда не любила. Она неспособна любить. И она боялась, что придется уйти из отряда…

Она смотрит в глаза. Улыбается так же, как и всем. Словно ничего не было. Ей не больно.

А Юджину больно. Не хочется разжимать руку, отпускать ее на последних аккордах музыки. Не хочется возвращаться в реальность.

Айята делает ловкий, но не классический (можно было бы даже сказать – неправильный, чересчур вольный) реверанс. Но ей прощается. Таким, как она, прощается все. Она улыбается. И упархивает на следующий танец, приглашенная Его Высочеством.

После этого глотка свежего воздуха возвращаться к Лай-лай кажется осквернением святыни. А ведь она никогда ему даже не нравилась…

Лай-лай делает недовольное лицо, говорит что-то про "глупые танцульки"… В душе поднимается волна ненависти и раздражения, комом подкатывает в горлу… Настало время все ей высказать, сил больше нет!..

– З-знаешь, Лай-лай… – не сорваться на откровенное хамство стоит немалых усилий…

Но вдруг послышались тревожные вскрики…

***

Они напали внезапно, пока народ веселился. Им не нужны были ни жертвы, ни пленные, ни заложники. Их целью была принцесса Диана.

Некогда думали, что невестой принца станет другая девушка, но он выбрал Диану.

Когда они напали, жених не смог защитить ее, а она, запутавшись в длинной юбке, не смогла убежать.

Принцесса забилась, как птичка, в руках бандитов. Главарю и не верилось, что все вышло так гладко. Он сверился с портретом… А в жизни она даже красивее.

Ни убивать, ни похищать Ее Высочество не собирались. Ее нужно было только унизить. Заставить постоять на помосте обнаженной.

Остановить их мы уже не успевали.

Нож вспорол ткань платья, перерезал шнуровку корсета; девица осталась стоять в одном исподнем.

Люди смущенно опустили головы, но то тут, то там вдруг начали раздаваться веселые возгласы. Я с болью отметил, что их план сработал, и злоумышленники добились своего: народ смеется над посрамленной принцессой… Но вдруг прям рядом со мной раздался возмутительный окрик Гюстава:

– Ха-ха! Юссариан, ну-ка глянь!

Уж от кого-кого, но от своих я такого не ожидал. Голыми руками придушу, предателя – подумал я, против воли взглянув в

сторону принцессы.

И тут все встало на свои места.

Девушка стояла посреди площади, скрестив руки на груди и с беззлобным укором глядя на бандитов. Над ее левой ключицей была вытатуирована эмблема "9-й вал".

"Твою мать", – прошептал главарь.

Преступники поняли, что акция провалена, но бежать было уже поздно. "Принцесса" расправив плечи (тесное платье уже не сковывало движений), не по-женски жестко нокаутировала одного из державших ее. Красиво! Кроме того, то тут, то там среди толпы начали раскрывать свое инкогнито мои замаскированные бойцы. Попытки бегства преступникам еще и осложняла толпа.

Большое количество народу, правда, неслабо затрудняло работу и нам. Главарю и еще паре человек почти удалось сбежать… Но подошло наше подкрепление с базы. Несколько стрел накренившимся частоколом преградило бандитам путь.

Я вздохнул с облегчением. Антуан со стрелой на тетиве, целящийся в противника, всегда напрягал меня: в словосочетании "взять живыми" ключевым словом для Антика было "взять".

В общем, повязали бандитов и сдали их страже. Кто их нанял, зачем и прочее выяснять у них будут уже другие службы.

Народ радовался, поздравлял отряд и продолжал праздник. Я пробрался к Королю, принцу и настоящей принцессе. Нас окружила ликующая толпа. Я слишком поздно заметил приближающегося министра внутренних дел с его верным псом – начальником внутренней стражи.

– Дважды за один день, – нахально начал он. Мое "бегство" теперь было бы слишком позорным, так что вызов приходилось принять: – Многовато, не находите ли, Юссариан?

– Да уж не мало. Дважды за один день мы выполняем *вашу* работу, – едко заметил я, пытаясь торопливо (и вежливо) распрощаться с королевской четой и удалиться.

Но министр с нажимом продолжал:

– Есть основания полагать, что есть кто-то *над* всеми этими бандитами.

– Попрошу заметить, – сухо ответил я: – Что два сегодняшних происшествия, с высокой вероятностью, не связаны между собой.

– Ну, второе – явно акция против принцессы. Думаю, потерпев неудачу, завистники оставят затею строить глупые козни. А вот, что касается первого, оно вписывается в череду похожих нападений, а значит, все они могут иметь одинаковые корни.

– Вероятно, – осторожно согласился я. О нет! Вот только не надо вешать на нас работу, которая не по зубам их спецслужбам! Ловить вышестоящих, так? К этому он клонит? Нет, я не был "ни

сном, ни духом", сведения поступали… Но, не слишком ли они сильны? У меня всего 16 человек!

– А значит, – этот нахал смотрел на меня, обращаясь словно ко всем сразу: – Этого кого-то нужно поймать…

Нет! Нет! Только не это! Безнадежная затея… Может, удастся сделать вид, что я его не понял, увести разговор в другую сторону или, на худой конец, по-тихому смыться, пока он не сказал прямо, что…

– Вы возьметесь за это? – полуспросил, полуприказал министр, пристально глядя на меня. От, змеюка!

– Уж не пытаетесь ли вы повесить на нас работу, с которой не смогли справиться сами? – процедил я сквозь зубы.

Министр усмехнулся.

– Просто я решил, что ваш, любимый народом, отряд лучше всего подходит для таких заданий. Народ верит в своих героев!

Толпа одобрительно загудела. Черт! Ловко же он манипулирует людьми и общественным мнением! "Народ верит…" Конечно верит, глотает любую информацию, которую ему кидают!

– Так что же, Юссариан? Беретесь?

Это было безумной, безнадежной идеей. Нам не взять эту банду, по крайней мере вот так, с наскока… Но я проиграл эту информационную войну.

Я натянуто улыбнулся:

– Безусловно.

(2 сентября)

– Юссариан, помнишь медальон, в котором я была на балу? – Мэу, сама не своя, подкараулила меня у кабинета: – Серебряный такой, с подвесками. Не могу его найти.

– В городе потерять не могла?

– Исключено. Я помню, как на базу с ним вернулась. Единственное что… – Мэу нахмурилась: – я его в холле могла забыть.

– Ты там искала уже?

– Разумеется! Все там обшарила! Нету!.. А ведь это моя фамильная реликвия, можно сказать. Он мне от матери по наследству достался.

– Может, в щель какую-нибудь провалился? За тумбочку, там…

– Да нет же! Говорю, все обыскала!

– Ладно. Давай у ребят спросим, вдруг кто видел.

– Видел. Больше чем уверена, – фыркнула девушка.

Я осуждающе посмотрел на нее.

– Давай не будем делать поспешных выводов.

Я взял колокольчик и несколько раз встряхнул, объявляя общий сбор.

– Ребят, Мэу не может найти свой медальон. Может быть, видел кто-нибудь?

Девушка буравила присутствующих взглядом. Глаза ворожеи, вообще, были ее сильной стороной, но на этот раз не помогли.

– Точно? – недоверчиво спросила она: – Может, еще подумаете?

– Да не трогали мы твой медальон, Мэу, сказали же, – подал голос Алекс.

– Да что ты говоришь, Лекс?! – взорвалась вдруг девушка. И, осененная новой мыслью, выдала: – Это ты же его и украл!

Предотвратить конфликт не удавалось.

– Да-да! Ты, без сомнения! – продолжала Мэу: – Ты же у нас, как ворона, на все блестящее кидаешься!

– Да я даже не видел, как он выглядит, – вскинулся шаман, захлопнув и отбросив книгу.

– Алекс, не кипятись, – осадил его я: – И убери волосы, пожалуйста. Я глаз твоих не вижу. Мэу, успокойся. Опиши, для начала, как он выглядит.

– Он прямоугольный, – начала Мэу: – Размером со спичечный коробок, снизу три подвески. Серебряный…

Алекс мгновенно успокоился и, сделав недовольную мину,

чуть ли не с отвращением переспросил:

– Серебряный?

– Мэу, ты серьезно? – захохотал Гюстав.

Мэу уже и сама осознала свой прокол.

Алекс действительно проявлял нездоровый интерес, вот только – к золоту. Исключительно.

И конфликт бы угас, если бы Алекс, уже вполне оправданный в глазах Мэу и отряда, не бросил напоследок:

– У нас есть в отряде другой любитель серебра…

Мэу медленно оглянулась на Ка-ну.

Ка-ну не был человеком. Он был потусторонним. Свои привыкли, а вот чужие частенько неадекватно реагировали.

Раса потусторонних не принадлежала к нашему миру, они жили за Гранью (*по ту сторону*). И за всю историю человечества переходили границу очень-очень редко, буквально по пальцам пересчитать, причем, все их контакты с людьми носили исключительно печальный характер.

Мифов и легенд про них была уйма, причем – самых пессимистичных. Им приписывались все классические свойства нечисти, плюс взгляд, заставляющий человека без серебряного креста окаменеть на месте, нечеловеческая сила, скорость и ловкость, способность и/или необходимость до капли высасывать жизнь из человека, по разным версиям, либо через укус шеи (классика!), либо при помощи своей гнусной потусторонней магии.

Изображались они стилизованно, нечеловеческими чудовищами с белыми фосфоресцирующими глазами, кожистыми крыльями, когтями, зубами… Нечто среднее между Ыркой и мантихорой. И достоверность их существования была под большим вопросом.

Я и не верил. И даже не интересовался.

Пока в какой-то лавчонке один дядька не пристал ко мне с вопросом "не боюсь ли я потусторонних". Я открестился, что не верю в подобную чушь. На это лавочник пообещал показать мне нечто такое, что не оставит сомнений.

Я закатил глаза, но посмотреть зашел.

Он показал мне череп. Древний. Человеческий …как мне сначала показалось.

Он был крепкий, как камень (я даже предположил – окаменелый, но лавочник исключил эту версию). Глазницы крупнее человеческих, миндалевидные, раскосые, близко посаженные. Переносица слабо выражена – почти сразу провал носа ("Это самое слабое место. Черепушку этой твари можно проломить только ударом по переносице"). Но самое разительное

отличие заключалось в строении челюстей. Они были мощные, крупные – на пол-лица. Насчитывали 16 зубов. Два заостренных резца сверху, такие же, только чуть короче и подгибающиеся вовнутрь, снизу. Но плотно зубы не смыкаются. По сторонам от них – клыки, такой же ширины, но куда длиннее, особенно верхние (нижние заходят вовнутрь, скрываются под верхними). Зубы крупные, массивные, раза в полтора-два шире (не говоря уже про длину) человеческих. Далее – по круглому зубу с каждой стороны, как объяснил лавочник, дробить кости. И последние – широкие и короткие (ну, относительно) коренные – как у слона – чтобы перемалывать остатки костей.

Сказать, что я был впечатлен – ничего не сказать.

Я по-настоящему заинтересовался. Изучил всю литературу: описание, свойства, меры предосторожности – и загорелся желанием раздобыть себе чучело. Причем, самому поймать и убить. Ну, в крайнем случае, сделать кубок из черепа…

Лавчонка давно закрылась, дядька уехал со своими книжками и черепами, а я все сильнее жаждал встречи с потусторонним. Да – большая редкость, да – событие века, а то и тысячелетия, да – ребята уже похихикивали над моей причудой. Но я свято верил, что мне повезет.

И мне повезло…

Была поздняя осень, мы с Янги пошли за хворостом. Он, не переставая, ныл, за что ему такая участь и почему именно он, почему не Юджин, не Томмазо, не Карл… Все просто, Янги: Юджин ходил вчера, Карл – позавчера, Томмазо – два дня назад.

Я шел впереди, Янги безнадежно отстал.

И вдруг я набрел на полянку. Я стоял в прогалине кустов, ничем не скрытый, и смотрел на костерок и сидящего спиной ко мне человека.

Или не человека. У него были волосы цвета олова, темно-серые, живо отливающие металлом (я читал об этом).

Однозначно. Не человека.

Если включить мозги и поразмыслить, то шансы мои колебались где-то в районе нуля. Вероятность выжить в этой стычке была сопоставима с вероятностью убиения моего противника упавшим с неба золотым, инкрустированным бриллиантами метеоритом в форме яйца Фаберже (причем, исключительно этим событием и определялась).

Я стоял с вязанкой дров в руках, без серебряного оружия (да чего уж там, вообще без оружия: топорик, и тот тащил Янги), без щита, без святой воды, без чеснока – или что там еще с собой носят – и даже без нательного крестика (буквально с утра цепочка порвалась).

Мне стоило бежать без оглядки и молиться, что тварь не бросится вдогонку или не пойдет по энергетическому следу.

Но алчность и тщеславие не давали уйти с пустыми руками. Я мог бы простоять так, пожалуй, до вечера, но сомнения мои разрешил далекий окрик Янги.

Я вздрогнул. Тварь тоже. Потусторонний резко обернулся и, будто бы с трудом, поднялся на ноги.

Я похолодел, но в камень, почему-то не обратился.

Он был вооружен до зубов, и копье, и меч, и еще полтонны оружия. А то своего, природного, ему мало…

Игра в гляделки затягивалась. Я молился всем богам, чтобы обошлось…

Янгин крик повторился; я буквально на миг отвел взгляд в сторону… Потусторонний подобрался ("Все кончено. Мне кранты", – подумал я) и бросился… прочь.

Мне, без сомнения, следовало возблагодарить господа за милость его и без оглядки бежать домой…

"Боже, что я делаю?!" – мысленно взвыл я, с воинственно-победным воплем бросаясь следом…

Шансов догнать канонического потустороннего у меня не было, но этот оказался каким-то зачуханным, и едва был в состоянии не давать мне сократить дистанцию.

Тварь выскочила на скальную тропу, попетляла и скрылась.

Меня колотило от страха и быстрого бега. Я сначала выскочил на тропу, а потом уже подумал…

Он напал неожиданно, со стороны бьющего в глаза солнца. Сиганул откуда-то сверху. Единственное, что я заметил – блеснувший в солнечных лучах меч…

От первого удара мне удалось увернуться – хоть при этом я оказался отрезан от путей отступления и оттеснен к обрыву – а вот следующий был последним: меч перерубит меня пополам от плеча до пояса – самый выгодный удар из такого положения.

Увернуться невозможно. Отвести… Чем? Из "оружия" при мне вязанка дров…

Впрочем, терять было нечего, и я все же махнул ей в сторону противника. Пусть хоть заморочится, отводя удар. Хотя, ему ничего не стоит отвести его, даже почти не меняя линию удара…

То, что произошло дальше, повергло в шок как меня, так и моего противника.

Меч у потустороннего был дрянной. Настолько дрянной, что при соударении с деревом с жалобным "звяк" разлетелся на две половинки… Парень неловко махнул огрызком, оцарапав мне грудь, и уже не в силах уклониться от опускающейся ему на голову увесистой вязанки, печально и обреченно провожал ее

взглядом… Его откинуло в бок шага на два. Вязанка развалилась, очень к месту освободив мне веревку. Я разоружил его и связал.

Честно, я был разочарован. Крыльев нет, и когти вовсе не такие страшные. Да и вид у него был почти человеческий… Ну челюсти, да – руку перекусят, пожалуй.

В этот момент мне стало парнишку очень жаль (про себя отметил, что даже перестал именовать его "тварью", а воспринимал почти как человека). Навскидку, ему было лет 18.

Мне стало стыдно за свое хищническое поведение. И за тщеславие. И за желание убить. А особенно, за желание обладать чучелом.

Я развязал веревку и встал.

– Пойдешь со мной? – я протянул мальчику руку.

Он вяло освободился из веревки и, вздохнув, обреченно подал свою. Если бы я не видел своими глазами, как пару минут назад эта тонкая полупрозрачная ручка сжимала тяжелый двуручник, ни за что бы не поверил. Парень поднялся, не без усилий, опираясь на меня, и тихо, вполне вразумительно проговорил:

– Можно я заберу свое копье?

Я поднял копье. Оно явно было "неземного" происхождения и, в отличие от остального оружия, очень хорошего качества.

Копье я решил нести сам. Руку потустороннего не отпускал, хотя он и не рыпался.

На базе его появление произвело фурор. Янги принялся живописать, как он с моей помощью сцапал эту нечисть.

– Он же нас всех перебьет! – воскликнул Юджин, запуская руки в волосы.

Айята осуждающе на него посмотрела. Парнишка и так забился в угол, едва увидел такое количество людей и их на него реакцию.

Айята взяла его за руку, приобняла. Том пододвинул ему кресло и кинул плед.

– Айята, отойди от него, он же опасен, – не унимался Юджин. – И не смотри ему в глаза, вдруг он умеет обращать людей в камень…

Потусторонний построил Юджину "страшные глазки", и тот, постыдно завопив, шарахнулся.

Айята расхохоталась, гость впервые улыбнулся.

– Спелись, значит? – уже по-доброму сказал Юджин.

Вскоре пришла целительница Лиана. На тот момент ей было лет 11, и она уже год ошивалась с нами (тайком от отца).

Лекарство из ее рук он принимал с такой безысходностью в глазах, словно ему предлагали выпить яд. Впрочем, что еще он

мог ждать от людей. Я и сам повел себя сегодня не лучшим образом…

Я пообещал потустороннему, что, если он захочет, я позволю ему уйти.

За те шесть лет, что он провел с нами, 90 процентов мифов о потусторонних были развеяны.

Лай-лай сшила новенькому одежду по его рисункам, и он смог воссоздать тот вид, который имел раньше. Волосы у него были пушистые, не очень длинные. Но были две длинные пряди на висках. Их он замотал яркими лентами, заплетя две своеобразных расточки до пояса. Волосы на их концах пушились, как помпончики. Эту прическу в отряде окрестили "кальмар".

Звали его Кариджану. Да, необычное потустороннее имя с двойным ударением. Поэтому мы сокращали до двух ударных слогов: Ка-ну.

Серебро Ка-ну нравилось, и он оставлял в качестве трофея все, что с криком "Изыди, нечисть!" швыряли в него перепуганные бандиты. Не очень приятно, конечно: вам бы понравилось получить по лбу тяжелым серебряным крестом? На сегодняшний день у него была собрана неплохая коллекция всяческих серебряных изделий.

На взгляд Мэу парень вскинулся и с обидой проговорил:

– Мэу, ты же не думаешь на меня?!

Девушка нахмурилась и сердито посмотрела в глаза товарищу:

– Ничего личного, Ка-ну, но факты против тебя. Давай вместе поищем его в твоей комнате.

– С каких это пор у нас в отряде проводят шмон в чужих комнатах?! – как-то уж слишком бурно среагировал Ка-ну.

– Мэу, остынь. Ну чего ты, в самом деле? – Айята успокоительно взяла подругу за руку.

– Ляля, скажи ей! – взмолился парень. Айяту иногда называли Лялей – с легкой руки Ка-ну.

Мэу вырвала руку и закричала:

– Ну уж нет! Вы видели? Видели, как он вскинулся?! Он против, видите ли! Не хочет, видите ли, чтобы я заходила в его комнату. Значит, ему есть, что скрывать! – и обратившись ко мне и к отряду: – Я требую обыска его комнаты!

Реакция Ка-ну меня тоже насторожила, но проводить обыски я всегда считал неправильным.

– Ка-ну, почему ты так вскинулся? – спросил я.

– Ну… это же личное пространство… – пробормотал он.

Я вздохнул. Все-таки придется.

– Том, Юджин, со мной! – я встал.

Ка-ну осознал, что сам себя подставил своей бурной реакцией, и, более не сопротивляясь, отпер комнату.

К великому разочарованию и стыду Мэу, медальон в ходе обыска не обнаружился. Зато я нашел едва початую пачку химического препарата для набора мышечной массы (это мы с Ка-ну обсудили наедине; при мне парень с похоронным видом высыпал содержимое в выгребную яму, приговаривая: "Спасибо, хоть, не Гюстав это нашел…")

Мэу смущенно проговорила:

– Ка-ну, дружок, прости! Не знаю, что на меня нашло…

– Знаешь, что?.. За кусок металла готова удавиться и со всеми друзьями перессориться!

– Ка-ну, пойми, я правда…

– Не буду я ничего понимать, раз тебе твой медальон дороже друзей.

Мэу, всхлипывая, убежала в свою комнату.

(4 сентября)

– Они опять завернули мою работу!

Алекс открыл дверь с ноги и, тряхнув волосами, прошел по направлению к своей комнате.

– А почему завернули? – спросила Корнелия.

Она была девушкой двадцати пяти лет, светловолосой, хрупкого телосложения. В нашей команде была предсказательницей погоды (не слишком талантливой, принятой в отряд, главным образом, потому, что после того, как произошел бэби-бум, надо было как-то выкручиваться… Зато понтов-то…)

Корнелия на дух не переносила Кариджану, считая его нечистью. А вот с шаманом они общались неплохо.

Лекс поморщился и закатил глаза. Думаю, он знал, но посвящать нас не горел желанием.

… В камине дотлевали угли. Новых дров я подбрасывать не буду, все равно спать пора. Так неохота покидать это мягкое, а главное, пригретое кресло…

Я передернул плечами и собрался было идти в комнату, как вдруг сзади, за спинкой кресла, тихо скрипнула входная дверь, и через мгновение раздался заговорщический шепот: "Все чисто!"

Ага! Кто-то косячит!

Я устроился поудобнее в кресле и приготовился наслаждаться шоу. Обожаю за ними подглядывать!

– Ну, молодцы, что я могу сказать, – я узнал голос Томмазо (он сегодня дежурный). И кого это, интересно, он впустил посреди ночи?

– Юджин, ты идиот! – услужливо "подсказал" Том.

– Он ведь сразу сказал, что в таком душевном состоянии ему лучше даже близко к бару не подходить…

– Сама же его уговаривала, Чарли, – пробурчал четвертый голос: – Куда его?

Ну да! Где Юджин, там и Гюстав. И, где Юджин, там и попойка.

Количество спиртного, которое был способен зараз выпить Юджин, ограничивалось, пожалуй, только запасом его в баре. Он не пьянел совершенно.

Перепить этого монстра не был в состоянии даже Тимур – здоровенный детина из соседней деревни, в отряде не состоящий, но частенько ошивающийся вместе с нами.

Итак, ситуация и состав банды примерно ясны. Юджин, в компании Гюстава и Скарлетт и под прикрытием дежурного Тома, кого-то споил.

Боюсь даже предположить, кого.

– Ну, в комнату, наверное, – отозвался Юджин.

Том гаденько захихикал.

– Ты чего? – шепотом возмутился заводила.

– У вас ключ-то есть?

Юджин коротко и непечатно охарактеризовал ситуацию.

– Ключ у него… – охнул Гюстав.

Том загыгыкал еще злораднее.

– Че ржешь-то? Ты ж нас покрывал! Тебе тоже влетит! – зашипела Чарли. Хватившись, что в холле заметно пахнет алкоголем, она открывала окна.

– Том, глянь, комнату. Может, не заперта?

– Не заперта, конечно… – злорадно прошептал Том: – Обыскать пробовали?

– Я те попробую! – рявкнул последний участник попойки. Товарищи зашикали на него, как будто это смогло бы заставить его замолчать.

Том поравнялся с креслом и уже было завернул в коридор… и тихо, так же непечатно охарактеризовал ситуацию. Я смотрел ему в глаза и молча ухмылялся.

– Юджин, – убито, уже не шепча, позвал Том.

– Что там?

– Сам погляди…

Юджин заглянул за спинку кресла. Я с ухмылкой созерцал угли. Помолчав немного, он спросил без особой надежды:

– Может, он спит?

– Спит он, как же! – Том схватился за голову: – Над нами, идиотами, издевается! – и малодушно открестился от товарищей: – Юсс, я не с ними, ты же понимаешь…

Я вздохнул и поинтересовался:

– Надеюсь, обошлось без жертв?

Ребята смущенно переглянулись.

Я подскочил из кресла:

– Что, грохнули все-таки кого-то?!

– Да не… – "успокоил" меня Юджин. Хотел было еще что-то сказать, но замолчал.

Я скрестил руки на груди, ожидая ответа.

– Ну… – вздохнув, продолжил он: – Мы там… немножечко… таверну разгромили.

Я застонал, закрыв глаза рукой:

– Чем…

– Алексом, – фыркнув, вставил Гюстав.

– Чем надо было думать, – с нажимом продолжил я: – чтобы додуматься споить шамана?.. И сколько я теперь должен?

– О, не переживай – нисколько! – жизнерадостно отозвался Гюстав, ненавязчиво поворачивая голову влево: – Хозяин был так рад, что мы ушли…

– …и он остался жив, – добавила Чарли.

– Можешь не отворачиваться, Гюстав, – сказал я: – Я тебя вижу.

Гюстав вздохнул и уставился в пол. Свежий фингал не придавал ему серьезности.

Я вздохнул, заложил руки за спину и менторским тоном начал:

– Итак. Вы победили в конкурсе "Залётчик месяца" и получаете заслуженный приз. По пять нарядов вне очереди всем… пятерым.

– Что!? – взвыл Том: – А мне-то за что? Я же не с ними!

– Ты дежурный, Том? Плохо дежуришь! Диверсанты на базе! – театрально воскликнул я, указывая на четверку.

Том злобно сверкнул глазами из-под капюшона и саданул кулаком по стене.

Дежурили в отряде по одному, существовала общая очередь, но, когда кто-то получал наряды вне очереди, он сдвигал график.

– Далее. Послезавтра у нас как раз запланирована уборка базы – между тем продолжал я. – Я думал, всем вкалывать придется… ан нет! Вы нас очень выручили, ребята! А как закончите, идете помогать госпоже Алисе [бабушка Джуно, очень приятная ведьма]. У нее есть огород. Его можно: копать, полоть, рыхлить, окучивать, поливать… – загибая пальцы, перечислял я. – А в лесу растут лекарственные растения, которые можно искать по буреломам и оврагам и собирать.

– Но мы же не управимся за день с базой и огородом!

– Я не ограничиваю вас по времени, – "великодушно" согласился я. – К тому же, у вас, в общей сложности, едва ли не месяц внеочередных дежурств.

(5 сентября)

Подниматься Лекс не хотел долго.

Он скривился на утренний свет из окон и натянул диванное покрывало себе на лицо.

Диванчик был ему короток, поэтому шаман занимал диагональное положение, уперевшись макушкой в угол, одну ногу закинув на подлокотник, а другую вытянув на пол.

Хотя, на самом деле, это положение называлось: "как кинули, так и лежит".

Разумеется, искать у него ключ никто не отважился.

По холлу периодически прохаживался Юджин. Я подозревал, что ему – прекрасно знавшему, что с ним, монстром эдаким, никто не в состоянии соперничать – теперь дико стыдно. Но ни за что ведь не признается.

Постепенно пробуждающийся отряд нарочно скапливался в холле. Гюстав и Чарли пару раз выглянули и предпочли пока отсиживаться в комнатах. Том мрачно отмахивался от расспросов, дескать, пусть очевидцы рассказывают. Юджин, заходя в холл, изображал крайнюю заинтересованность вопросом, из скольких кирпичей сложен камин.

Лекс наконец начал приходить в себя, прорычал что-то невразумительное, потом скинул покрывало. Жмурясь на дневной свет, огляделся, оценивая свое местоположение. После чего коротко и непечатно выразил свое отношение к ситуации, подобно Юджину и Томмазо. Кажется, это слово пора официально вводить в отрядную терминологию…

– Жив? – мрачно осведомился Юджин.

Лекс приподнялся, отчаянно отворачиваясь от солнца, и прошипел:

– Нет.

Наконец явились саркастически ухмыляющийся Гюстав и смущенная, в противовес подельнику, Скарлетт.

– Как дела, Лекс? – весело воскликнул Гюстав, заставив шамана скривиться на резкий звук: – До какого момента ты помнишь вчерашний вечер?

– Пошел ты! – огрызнулся Алекс. – Лучше б я умер…

– Ты, кстати, предпринимал вчера несколько попыток. Мы даже начали опасаться, что тебе это удастся, – хохотнул Гюстав.

– Если бы ему удалось, – сердито заметил Том: – Ты бы так не смеялся.

– Конечно! Тогда бы я смеялся по-другому.

– Клоун! – процедил Томмазо сквозь зубы.

Алекс сидел, прикрыв глаза рукой.

– Джуно, будь так добр, принеси воды. Можно по порядку? Это, вообще, что? – шаман поднял на вытянутой руке шашку, изукрашенную и потрепанную в жестоких боях.

– Это ты у хозяина таверны отжал, – ответила Чарли: – Он сказал, можешь себе оставить…

– Ибо "оружие тебя признало", – добавил Гюстав. – Ну и, никто не рискнул у тебя ее отбирать.

Алекс хмыкнул, прикрыл глаза и запустил руку в волосы… где его ждал очередной сюрприз… Его лицо при этом надо было видеть…

– Не-е-ет… – тихонечко завыл он, осязая свою новую прическу. Это было некоторое подобие стрижки каре, только косой: справа и сзади почти ровное, слева линия ножа резко уходит вниз, оставляя "зуб вампира".

– Зато мне больше не придется заставлять тебя их убирать, – ехидно сказал я.

– Что еще я натворил? – исступленно поинтересовался шаман. Гюстав с готовностью потер руки. Далее – реконструкция вечера с его слов.

***

– Черта с два! Я предупреждал! – рявкнул Алекс, стоя посреди таверны.

– И не поспоришь, – мрачно прошипела Чарли.

Гюстав с Юджином кинулись к шаману, но тот, зарычав, выбросил руки вперед, замысловато переплетя пальцы, и поводил ими из стороны в сторону. Ловцы с криком бросились в разные стороны, причем не вполне добровольно. Вместе с ними врассыпную с грохотом бросились стулья и столы, оказавшиеся на линии огня.

– Тока троньте! Я здесь всё к чертям разнесу!

Звучало весьма убедительно.

Юджин выхватил меч и вышел вперед:

– Сдавайся, Алекс! У меня оружие.

Шаман усмехнулся:

– Эка невидаль! – и потянулся к ножнам: – У меня тоже.

Но сабля-то его несколько дней назад сломалась…

– У тебя нету оружия, – сказал Юджин.

Шаман ухмыльнулся и вдруг резко выбросил правую руку в сторону.

Висевшая на стене боевая трофейная шашка (как, впрочем, и все остальное с "экспозиции") с ускорением полетело к нему.

Шашка, совершив оборот в воздухе, легла рукоятью прямо в ладонь требовательно вытянутой руки.

Прочие боевые реликвии, оставшись невостребованными, звонко рассеялись по полу.

Хозяин, человек (ранее) неверующий, неумело перекрестился. Ребят прошиб холодный пот – в своем теперешнем состоянии, да с такой координацией, Лекс равновероятно мог снести себе полголовы или пробить грудную клетку. То, что шашка оказалась все-таки в руке (причем, рукоятью, а не лезвием), было чудом.

Лекс залихватски крутанул шашку в руке – от этого ребят передернуло, а Чарли вообще малодушно зажмурилась – и встал в стойку, весьма вольную (если не сказать расхлябанную).

Шашка в его руке лежала так, словно под него делалась.

– У меня есть оружие, – как ни в чем не бывало, доложил Алекс.

Юджин выругался и опустил меч. Ах, Алекс! Знал бы он, как Юджину не хотелось с ним драться…

– И как тебе вообще такое в голову пришло? – некстати сказала Скарлетт.

На нее-то Юджин и сорвал свою бессильную злобу.

– А сама-то! "О, да! Давай! Круто!"… – рявкнул он, схватив девицу за руку. Для Чарли это оказалось последней каплей, нервы у нее сдали, и она, взвизгнув, заметалась.

– Стой! – нервно вскрикнул Юджин, но Чарли рывком вырвала руку и бросилась бежать задом, разворачиваясь на ходу.

К моменту завершения маневра девушка оказалась рядом с Алексом, заметившим ее и с готовностью выставившим оружие навстречу.

Скарлетт застыла, как ледяная статуя; острие шашки остановилось аккурат у ее горла.

– Святые небеса, – охнул хозяин таверны в наступившей тишине.

У Скарлетт едва ноги не подкосились, но она понимала, что это было бы фатально. Ребята молили всех известных богов, чтобы Лексу хватило мозгов не убить стоящую перед ним девушку. А ведь ему стоит лишь чуть-чуть приподнять руку…

Скарлетт тихо-тихо заскулила, потом жалостно так запричитала, быстро-быстро:

– Алекс! Алекс, что же ты!? Я же своя! Своя-а!

Шаман с сомнением сощурился:

– Своя? Чем докажешь? – и, четко отчеканивая слова, проговорил: – Как звали четвертого короля, правящего Железными Горами? – и испытующе посмотрел на девушку.

Чарли беззвучно застонала, возведя глаза к небу:

– Ну… эм… может… хм…

– Его звали Аркхольд II Ужасный, – холодно процедил сквозь

зубы шаман (и как еще в буквах не запутался, у меня и на трезвую голову не сразу повторить получилось).

Чарли уже подумала, что ей конец, но Лекс неожиданно сменил гнев на милость:

– Неважно. За спину, сестра, – и "любезно" махнул трофейной шашкой в указанном направлении. У ребят волосы на голове шевелились, когда он так махал…

Скарлетт, судорожно хватая воздух, спряталась позади шамана.

Гюстав сунул руки в карманы, закрывать ими глаза было стыдно.

Отдышавшись, Скарлетт подошла к шаману, пытаясь уверить его в том, что те двое тоже свои. Шаман в это время не то просто развлекался с шашкой, не то вел бой с видимыми только ему противниками. В любом случае, ему было не до болтовни.

– Атака сзади! – крикнул вдруг Лекс в попытке от оной уйти.

– Да послушай же! – Чарли вцепилась в длинные шамановы волосы. Тот рванулся и, вскрикнув, подался назад. Развязно взмахнул трофейным оружием.

Скарлетт с визгом присела, уворачиваясь, не отпуская, впрочем, волос. В ее руках они и остались. Алекс тряхнул головой, рассыпав по лицу волосы, и, обернувшись, угрожающе щелкнул пальцами. Скарлетт с криком отбросила вспыхнувшие в руках волосы.

Шаман расхохотался так по-сатанистски, что все, кто этого еще не сделал (и кто мог, в отличие от хозяина, себе это позволить) в панике бежали из таверны…

– Я надеюсь, он не дьявола вызвал? – отряхивая руки от пепла и параллельно затаптывая дотлевающие на полу пряди, спросила Чарли.

Юджин хотел бы утешить ее, но уверен не был.

– Да бросьте, – отшутился Гюстав. – Зачем ему кого-то вызывать? Он и сам неплохо справляется.

У Алекса, наконец, закончились силы, и он, опустившись на одно колено и уперев шашку в пол, положил руки и голову на рукоять.

Юджин утер пот со лба; все вздохнули с облегчением. Шоу, похоже, подошло к концу.

– Может, шашку у него отобрать? – вполголоса предложил Гюстав.

– Я те отберу! – воинственно рявкнул Лекс, не делая, впрочем, агрессивных выпадов.

Юджин вопросительно глянул на тавернщика; тот, побледнев, как смерть, замотал головой:

– Ничего страшного, вы можете ее оставить. Вы же видели, оружие его признало… – в глазах его читалось: "только уходите, ради бога, и больше не приходите".

Шашку Лекс так и не выпустил, хотя до базы его перли уже на себе.

***

Алекс, застонав, натянул на лицо покрывало.

Наконец, вернулся Джуно с водой.

– Ну ты как будто пешком до Байкала за водой ходил! – высказал шаман.

… Джуно в отряде появился примерно два с половиной года назад.

Однажды я объявил, что мне нужно два человека для задания.

У меня были две пары лучших друзей на примете: Ка-ну – Инвар и Айята – Мэу. Подорвались они одновременно, но Мэу воспользовалась запрещенным приемом и состроила парням глазки (а ворожейские глазки, знаете ли…). Когда те "отмерли", девчонки уже стояли передо мной.

– Мы идем в Волчий лес к ведьме. Забираем в отряд ее внука.

Девочки, переглянувшись, начали сбивчиво предлагать ребятам поменяться. Но те лишь вредненько похихикали.

… Девчонки чуть-чуть трусили, но мужественно ступили на крылечко и постучали в дубовую дверь.

– Заходите, открыто! – добродушно отозвались из домика.

Ведьма оказалась (ну, я-то давно ее знал) очень милой пожилой госпожой. Любила яркую одежду и шляпки, с удовольствием возилась в огороде и пекла восхитительные пироги с капустой.

На базу мы вернулись вместе с Джуно, мальчиком 12 лет с волосами цвета воронова крыла и большими раскосыми глазами.

Госпожа Алиса нас нередко навещает, таскает ребятам вкусняшки.

Овощи с ее огорода и яйца ее кур составляют основу "кормовой базы" моих спиногрызов.

(8 сентября)

Я всерьез занялся поиском материала по нашей банде и подготовкой к будущей облаве и задвинул руководство отрядом на второй план, чай не маленькие, смогут сами себя развлечь.

Я уже докопался до некоторых фактов, но вдруг случайно поднял упоминание о целом архиве… и пока что успел только ужаснуться объему материала.

Но меня нагло оторвали от дел.

– Там парни какие-то, битые. Хотят говорить с тобой, – заглянула ко мне Акира, двадцатилетняя девочка-ниндзя (в отряде с 14).

– Сами не справитесь? – проворчал я, откладывая бумаги.

Ладно, хоть развеюсь немного.

Двое деревенских (действительно, битых) мялись в воротах. При виде меня разом принялись "докладывать":

– Там дерутся!..

– В лесу, на полянке…

– Нам никак не справиться…

– Там двое ребят ваших!..

– Ну и что? Думаете, вдвоем не справятся? – спросил я, дав отмашку отряду, чтоб, если что, были готовы: – Сколько нападавших-то?

– Дык они друг с другом! – в один голос взвыли парни.

– Ух ё! – до меня, наконец, дошло. – Кто? – прорычал я.

– Первый – мальчишка, – начал парень, битый чуть больше товарища. Я было принялся ошарашено искать глазами Джуно, но быстро сообразил.

– У-у! Малой – истинно Сатана! – поддержал другой.

– А второй? – то, что Антик, если и не Сатана, то, во всяком случае, бес, я и без вас знаю…

– В капюшоне постоянно ходит, с рожей такой… Криминальной, во!

Значит, Антик и Том.

Когда кто-либо из отряда дрался с бандитом, он уверенно его побеждал. Потому что все они отчаянные, потрепанные жизнью. Они не сдаются, дерутся каждый раз, как в последний. Без преувеличений, не на жизнь, а на смерть. Как разъяренные собаки бойцовской породы. Словно им терять нечего. Поэтому и справляются с преступниками, которые не по зубам страже: для преступника поражение равносильно смерти, для стражи – всего лишь маленькая, пустяковая неудача.

… Страшно представить, какая грызня там, между двумя

"бойцовскими псами".

И эти полезли их разнимать? Еще легко отделались!

– Ударная группа, – скомандовал я: – За мной.

На поляне уже собралась толпа; там были и деревенские, и пара шокированных грибников, и несколько человек городской стражи, скромно мнущиеся в сторонке, громыхая алебардами, но не решающиеся разнимать дерущихся, со своим начальником, нервно наблюдавшим за бойней.

– А ну-ка брейк! – рявкнул я, вылетая на поляну.

Юджин, Гюстав и Инвар жестко зафиксировали рычащего Томмазо. Выскочивший из толпы наш знакомый Тимур оттащил Антика, Ка-ну заломил последнему руку, и в траву упал маленький, но опасный нож.

– Это как понимать?! – вклинился между противниками я.

Те заговорили одновременно, и, хотя несравненно больше шума производил Том, по успокоительной пощечине я выдал обоим. Установилось некоторое подобие тишины.

– А теперь по порядку, пожалуйста!

– У нас тут, вообще-то, честный кулачный поединок, – Том сплюнул кровь: – Был, во всяком случае, пока вот этот вот гаденыш не выхватил нож!..

– У тебя из-за голенища, – веско бросил Антик.

– Да что ты… – начал было Том, но я, опасаясь, что снова поднимется шум, выдал ему еще одну пощечину (хотел дать и зарыпавшемуся было Антику, но, натолкнувшись на его колючий взгляд, смалодушничал и передумал). Том взвыл – адреналин прекратил свое действие, и незамечаемая ранее боль начала ощущаться. Однако, "несправедливости" не заметил.

– Честный поединок идет до первой крови, а вы, видимо, до последней собирались.

Две "боевые единицы", сцепившиеся между собой – это реально жестоко. Том с Антиком выглядели так, словно каждый в одиночку подрался с целой ротой пехотинцев. Мне стало за них немного страшно.

Том одной рукой размазывал кровь по лицу, второй держался за грудь, тяжело дыша. От голенища сапога до колена тянулась кровавая полоса – Антик не церемонился, выхватывая нож.

Антик потирал запястье, откинув мокрые от пота и крови волосы с лица. Носом шла кровь, уже здорово залив белую рубашку.

– Мы и собирались до первой крови, – бесстрастно сообщил он.

– Увлеклись! – нахально бросил Том и, злобно зыркнув на соперника, добавил: – И по лицу уговаривались не бить.

– Что ж, – подал вдруг голос осмелевший начальник стражи. – Вы сделали свое дело и можете уже сдать нам нарушителей порядка…

– Щас-с! – я развернулся на каблуках. – Это я их поймал, и сам решу, что с ними делать. Вот если бы вы смогли их разнять и повязать, то без претензий. А так, я имею полномочия разбираться с моими пленными так, как считаю нужным.

Спорить начальник стражи не посмел (а его подчиненные и вовсе вздохнули с облегчением), а толпа одобрительно загудела.

– Ну и валите на свою базу, – прошипел начальник, сверля мой затылок ненавидящим взглядом: – Пока мальчик в красной рубашке не помер от носового кровотечения!

– Не помрет, – "успокоил" его я. И, обратившись уже к своим, бросил: – Мы продолжим разговор на базе.

Отряд собрался в холле.

– Ребят, у меня заканчиваются идеи наказаний.

– Ну, – развел руками Том: – Можешь нас не наказывать. Мы не обидимся.

– Ага, как же. Вы хоть, когда косячите, так не подставляйтесь! – я наконец придумал: – Итак. Вы вдвоем, вместе, в целях примирения, будете вместо меня разбирать архив.

– О, нет, Юсс! – воскликнул Томмазо: – Какая нудная работа!

– Ну, – протянул я: – В качестве альтернативы, могу заставить вас чистить выгребную яму.

– Ладно, – хмыкнул Томмазо, прикрыв глаза: – Мы согласны на архив. Мы ведь согласны на архив? – обернулся он к Антику. Тот кивнул, не удостоив, впрочем, его взглядом.

(11 сентября)

– …А еще Томмазо и Антуан три дня назад подрались, ну, ты, вероятно, слышал об этом, – сказал я, перебирая бумаги. Его Величество дал мне доступ (к великому недовольству министра) к некоторым материалам, которые могли помочь нам в поимке злосчастной банды. Заодно – хороший повод встретиться и поговорить с другом.

– Да, слышал, – ответил Юстиниан. – И что же они не поделили?

– Ай, – я махнул рукой: – Они в принципе плохо общаются. Антик вообще не контактный. А Том, дай ему волю, едва ли не со всеми передерется. Нашла коса на камень.

Король вздохнул:

– Ужас. С чего вдруг у них такая смута начала твориться в этом месяце?

– Пф-ф! В этом месяце, скажешь тоже… – усмехнулся я. – Это их нормальное состояние. Очень сложные люди. Они ж все побитые жизнью, с поломанными судьбами, своими трагедиями и заморочками… Поэтому они такие отмороженные.

– Не понимаю, – вздохнул Юстиниан: – Как ты с ними справляешься?

– Просто их энергию нужно направить в мирное русло… Ты управляешь целым государством! А я – всего лишь маленьким отрядом головорезов…

– Это другое. Ты работаешь с субъектами, за которых не взялся бы ни один командующий. Это потенциальные преступники, криминальные элементы. Такие, как они, обычно выходят на большую дорогу. А ты… Ты справляешься с ними! У тебя они реально управляемы.

– Тут просто нужно, скажем так, понимать их. К любому человеку нужно найти подход. Не просто с ними справится, что уж тут. Но они хорошие ребята. Зря ты их так, – усмехнувшись, добавил я.

– У тебя заместитель хотя бы есть? Кто-то, кого ты смог бы назначить командующим?

Это был весьма злободневный вопрос. Очень претендовал на должность командующего Юджин. Но на власть он реагировал, как акула на кровь. Даже от совсем незначительного ощущения власти, ему сносило крышу. Большинству парней не хватало ответственности, слаженности и целостного восприятия боевых задач и отряда в целом. Да еще у каждого свои индивидуальные бзики. Какие-то надежды (хотя я не был еще уверен) подавал

Джуно, но он был еще маловат. А поставить командовать этими головорезами девушку было в принципе нереально… Исходя из всего этого, у меня был основной вариант.

– Я всерьез подумываю о кандидатуре Кариджану, он хорошо справляется с командованием…

– П… Потусторонний?.. – шокировано прошептал Король.

И тогда я понял. Это для нас он был своим, хорошо знакомым, и мы воспринимали его так естественно, словно он был человеком. Для меня это вообще не имело никакого значения…

А вот народ не признает отряд, если во главе встанет потусторонний…

Я вздохнул и ушел в работу с головой. Юстиниан тоже замолчал и больше не задавал вопросов.

С бандой было все еще очень туманно. Информации по составу вообще не найти. Только предполагаемый главарь несколько раз упоминался, причем, в материалах о разных группировках. (Это могло значить, что, если он и правда главарь, у него их не одна. А могло и не значить.)

Когда я вышел на улицу, солнце уже приближалось к горизонту.

Я прошел мимо книжной лавки. Там работала моя знакомая, Мэри. Она мне очень нравилась.

Этой весной даже хотел пригласить ее на свидание. Но, что-то подумал, что лучше зайду на следующий день и с цветами.

… Возница гнал лошадей. Антуан стоял посреди дороги так непринужденно и нагло, словно был уверен в своем бессмертии.

Что-то они не поделили, но ни один не пожелал уступать.

Наши ребята замерли на обочине, впав в ступор.

Возница, убедившись, что парень принципиально не собирается уходить, пришел в ужас и попытался увести телегу в сторону, но расстояние было слишком маленькое…

Я в последний миг успел оттащить его за шкирку. Со злостью тряхнул его, как нашкодившего котенка, и с силой опустил руку. Антик устоял на ногах, едва не упав коленками на грязную разбитую дорогу.

След от колеса остался точно на том месте, где он стоял…

Телега чуть не слетела с дороги, два мешка и несколько горшков упали.

– Ваш? – хмуро осведомился возница, когда я приблизился.

– Извините, – выдавил я.

Тот посмотрел на меня, как на идиота, и злорадно заявил:

– Сочувствую.

Я подошел к Антуану.

– Принципиальный, значит?

Что такое стыд, очевидно, он не знал.

– Возможно, в чем-то я был не прав, – без тени раскаяния заявил он, нахально глядя мне прямо в глаза.

Меня охватила ярость. Я хотел ему столько всего сказать, что пришлось промолчать.

– На базу все. Живо! – бросил я, развернувшись.

Если бы я решился поговорить с Мэри, и вышел хоть минутой позже…

Я воспринял это, как предупреждение. Никаких отношений в отряде! Сам ввел этот запрет, сам же едва не нарушил… Моя задача – быть командиром отряда.

… В город сегодня мы ходили втроем: я, Лиана и Чарли. Знахарке потребовались какие-то минералы, Скарлетт была нужна новая обувь – ее старые беговые ботинки уже поистрепались. Я подозревал, что Чарли, скорее всего, просто хочет потолкаться среди людей и пособирать свежих сплетен, а обувь – лишь предлог, но возражать не стал.

С девчонками мы договорились встретиться у фонтана.

Когда я подошел, там уже сидела насупившаяся Лиана.

– Дай угадаю, тебя не пустили в бар или еще какое-нибудь заведение 18+?

Лиана расфыркалась и рассыпалась в проклятиях.

– Ты еще маленькая, – решил я поиграть с огнем.

– Я не маленькая! – подскочила девица: – Мне уже восемнадцатый год!

– Вот когда будет не "восемнадцатый", а просто восемнадцать, будешь ходить, куда хочешь. Только вот, оно тебе так надо?

– А вот Скарлетт сейчас в баре, – подло "настучала" знахарка на соотрядницу.

Мы пошли с Лианой звать Чарли. Пора было уже возвращаться на базу.

Подходя к бару, я не услышал в пьяном гвалте голосов веселого щебета посыльной, и это меня насторожило.

Я заглянул внутрь и увидел ее уже дремавшей, положив голову на руки.

– Чарли! Ну какого? – осуждающе воскликнул я.

Девица повернула ко мне голову и с улыбкой протянула:

– Извини, Юс… увлеклась… Я готова…

– Да я вижу.

– … идти домой.

Я закинул полубессознательное тело Чарли себе на плечо и вынес на улицу.

– Не верю, – прошептал я, наклонив к ней голову.

Ресницы девушки чуть дрогнули.

– Потом, – прошептала она одними губами; их едва заметно тронула улыбка.

Лиана недовольно защелкала языком.

Маленькая она, что бы она о себе там не думала. С отрядом знается давно, но насовсем к нам перебралась года два назад. Отец запрещал ей видеться с отрядом, полагая (быть может, отчасти, и небезосновательно), что эти "рожи криминальные" ничему хорошему ее не научат. Мало того, с некоторого момента, еще и нечисть в отряде.

Даже не единожды ходил со мной ругаться. Лиана надолго пропадала, но потом опять прибегала. Я-то ведь тоже не мог запретить ей: она "свободный человек, и хожу, где вздумается"…

Как-то ночью на них с отцом напали разбойники. Мы пришли быстро, поймали их, но отцу Лианы они успели нанести ранение. Смертельное. Она сидела перед ним на коленях, рыдая от бессильной злобы. Он был жив, но помочь ему было уже нельзя. И тогда мы с ним единственный раз нормально поговорили.

– Четверых поймали, повязали, трое убежали, но я уже отправил за ними погоню! – доложился Ка-ну.

– Молодец. Как поймаете, отправляйте городской страже.

– Есть! – Ка-ну убежал отдавать распоряжения.

– Ваш потусторонний? – слабым голосом спросил раненый. Я кивнул. – Славный малый.

Он взял дочкину руку и благословил ее на вступление в отряд.

С тех пор она официально с нами.

… На базе было веселье.

– Юссариа-ан! – дурным голосом (реально дурным – громко, надрывно, с "переливами" и полутонами, но, вместе с тем, со звенящим спокойствием и полным самоконтролем – я хорошо его знал) воскликнула Акира, ниндзя. – Инвар сломал мою сакуру-у!

Я демонстративно прочистил ухо пальцем.

– Я хотел заготовить палку для лыж! Откуда мне было знать, что это сакура уважаемой леди!?

Инвар в отряде с 19 лет. Младший сын какого-то аристократа, практически не имевший шансов на наследство, и потому отосланный из родительского гнезда на учебу. Приехал к нам учиться, но проиграл все деньги в карты. К его величайшему позору, я выкупил его из долгового плена у некоего теневого авторитета (имени его я вам не скажу; и да, не удивляйтесь, у меня много интересных знакомых – от Короля до теневых авторитетов). Парнишка впечатлил меня мастерством фехтования. Он пришел в отряд годом позже Ка-ну, и почему-то

они очень сдружились.

На стороне Акиры выступала Корнелия. Если быть точным, она выступала против Инвара. Но бесил ее, ибо (о ужас!!!) дружил с богомерзким нелюдем.

– Как можно лишить жизни растение, только лишь ради собственного удовольствия заготовить палку для чертовых лыж? Они бесполезные! – возмущалась Корнелия.

– Да как вы можете такое говорить!? Лыжи – это лучшее изобретение человечества! – воскликнул Инвар.

– Тебе не понять! – вступила в спор Мэу. Она училась у Инвара кататься и очень их любила: – Ты же, кроме своих… – ворожея, закатив глаза, скорчила рожу: – предсказаний погоды ничего не умеешь!

– А ты… ты, – вспыхнула Корнелия: – только "глазки строить" и умеешь! Мастерица, блин!

– Лыжная палка не стоит того, чтобы ломать мои деревья!

– Успокойтесь, леди! – вставил Инвар.

– А ты помолчал бы! – снова вступила предсказательница: – Аристократ такой, типа, а водишься не знамо с кем!

В спор вступил названный "не знамо кто", очаровательно вставляя в оловянные волосы веточку убитого дерева:

– Соизвольте замолчать, госпожа выдра! – состроил он глазки Корнелии.

Она, задыхаясь от возмущения, метнулась было ко мне, но, натолкнувшись на мой бесстрастный взгляд, бросилась искать поддержки у Алекса.

– Мне плевать на ваши разборки, – равнодушно сообщил тот, даже не оторвавшись от чтения.

Я вздохнул, чуть заметно улыбнувшись. М-да, это их нормальное состояние.

– Замолчите все, – спокойно сказал я, звеня колокольчиком.

Спорщики затихли и расселись.

– Ну что, Чарли? Чего ради ты устроила этот милый спектакль? Захотела на халяву прокатиться на мне до базы?

– Это в первую очередь!– засмеялась Скарлетт: – Но не только! Я добыла нам крайне ценную – я бы даже сказала, бесценную – информацию.

Я объявил общий сбор.

–… Главарь – Френсис Коготь, как ты и предполагал, – вещала Чарли, прохаживаясь по холлу: – С ним еще, по разным данным, то ли десять, то ли одиннадцать человек, да плюс та троица, которых я подслушала. Они готовят еще один налет. Эти трое встретятся с Френсисом за лесом, чуть западнее большого оврага. Они не знают, где он сейчас, но там обещал быть…

послезавтра вечером.

(12 сентября)

Подготовкой облавы занялись всем отрядом.

Наш примерный план был таков: небольшими группами (два-три человека) рассредотачиваемся по местности и выжидаем. Бандитов пытаемся брать в кольцо.

Загадкой оставалось, как поймать главаря. Наверняка ведь бросит своих и попытается улизнуть… А у него точно есть, что рассказать следствию, так что отпускать его никак нельзя.

– На парализующую точку воздействовать, – предложила Акира.

– И как ты себе это представляешь? Он же всегда в броне. Хотя… если можно стрелой…

– Броню не пробьет, – сказал Гюстав.

– Смотря как стрелять, – уцепился за идею Ка-ну. – У Антика очень сильный выстрел, он может пробить.

– Антик, ну-ка, выстрели по мишени, – распорядился я: – С максимально возможной силой.

– Этого недостаточно, – сказал Гюстав, рассматривая мишень (они у нас были непростые, усиленные). Стрела ее пробила и скромно выглядывала с другой стороны маленьким ромбическим наконечником.

– Антик, дай-ка… – тот протянул Ка-ну свой короткий, по типу монгольского, лук: – Если подтянуть тетиву… – проговорил оружейник.

– А не сломается? – с сомнением спросил Гюстав.

Антик осторожно взял лук в руки, пору раз пробно, в полсилы натянул, и резко пальнул.

– М-м-м… – глубокомысленно заключил Гюстав, вытаскивая стрелу, до середины ушедшую в мишень, с обратной стороны.

– Давай еще, вот в эту точку! – Ка-ну показал относительно неповрежденный участок и едва успел отдернуть руку.

Для чистоты эксперимента Антик брал каждый раз новую стрелу.

Мишень она пробила, но на этот раз на меньшую глубину.

Гюстав нахмурился:

– Интересно, почему?

– Когда тетива перенатянута, она немного ослабляется с каждым выстрелом, – сообщил Антуан.

– Значит, у тебя будет всего одна попытка, – заключил я.

– Уверен, одной попытки ему хватит, – сказал Ка-ну.

– А она точно пробивает броню? – Гюстав вытащил стрелу из мишени и задумчиво покрутил в руках: – На металле бы

попробовать…

– Том, – протянул Ка-ну: – Дай-ка твой щит.

Томмазо отдал. Ка-ну одел щит на руку и встал в стойку.

– Э-э! Так вот он вам зачем! – взвыл Том, когда первая стрела лязгнула по металлу.

– М-да… – вздохнул Ка-ну: – Пробивает, но не достаточно глубоко.

– Можно с расстоянием поиграть, – предложил Гюстав: – Если поближе попробовать?

– Расстояние нам бы побольше, – нахмурился я: – Близко его подпускать не хочется.

– С десяти шагов давай, – распорядился Гюстав.

Том так скривился, словно стрела не в щит воткнулась, а в его спину.

– Мало… в смысле, много, – заключил Ка-ну, снова перетягивая тетиву: – Семь давай.

Результат был лучше, но все еще не достаточно.

Шесть шагов… Пять шагов…

– Почти, – Ка-ну ковырнул изнутри щепку, поддетую стрелой.

– Слишком рискованно, – отрезал я: – Что ж, хорошая попытка, но придется отказаться от этой идеи.

– Давай последнюю, Юссариан, – взмолился Ка-ну: – Четыре шага!

– Мы еще чуть-чуточку тетиву поднатянем, – Гюстав показал пальцами: – Если не выйдет, тогда и будем думать.

– Ладно. Но четыре шага – это край. И так слишком рискованно.

– Ох-хо! – восторженно вскрикнул Ка-ну, отшатнувшись от безнадежно пробитого щита.

– Молодцы, – буркнул Том, отбирая щит и аккуратно, как из тела раненого товарища, вытаскивая стрелу.

… – Итак, мы оставим главарю единственный путь к отступлению. Эту позицию займем мы с Ка-ну и Антиком. Ка-ну! Натяни на всякий случай тетиву, и до завтра лук не трогай. Выходим завтра утром, чтобы быть на месте заранее. А сейчас, все спать, кроме дежурного, – я подмигнул насупившемуся "залетчику" Тому, отрабатывающему сегодня одну из своих внеочередных ночей, и пошел в свою комнату.

(13 сентября)

– Все пропало, Юссариан! – заорала, заколотив в мою дверь, Чарли: – Они почти на месте. Они опередят нас.

Я чертыхнулся и вскочил.

– Боевая тревога. Выходим немедленно.

Так… С первых же шагов все идет не по плану. Плохой знак.

Опередить преступников нам уже не удалось. Мы перехватили их уже у оврага. Согласно первоначальному плану, мы должны были прийти заблаговременно, отдохнуть и иметь преимущество перед утомленными дорогой преступниками. Но экстренный марш-бросок уровнял нас в положении.

Мы отставали от плана на несколько шагов.

Главной задачей осталось взять главаря. Нашу позицию мы успели занять вовремя.

Антик стоял, укрывшись за кустами. Коготь приближался. Восемь шагов. Шесть. Пять…

Выдох и вдох. Натянутая тетива…

Что-то смачно хрустнуло.

Антик резко вскрикнул и отшатнулся.

Лук переломился. На лице Антика была кровь. Тетива запутала правую руку.

Он отскочил от удара меча, с горем пополам освободил руку и выхватил шпагу. Увы, хорошо он владел только луком.

После пары неудачных попыток, шпага вылетела из его рук и воткнулась в землю за спиной. Следующим же шагом, отступая, Антик споткнулся об нее и упал. Откатился. Меч противника вошел в землю. От следующего удара он рисковал уже не увернуться. Но следующего не последовало. Коготь тяжело повалился на меч, и Антику пришлось откатиться уже от его падающего тела. При этом, по плечу его приложило торчащим из шеи в стыке доспехов противника копьем.

Мы с Ка-ну уже бежали к лучнику. Он попытался вскочить, но я резко припечатал его к земле рукой:

– Лежать!

Пол лица было залито кровью. Разлетающиеся со всей силы обломки лука его здорово поранили. Один отломок воткнулся в бок (неглубоко, конечно, неопасно), А вот второй едва не выбил глаз… Из рассеченной брови текла кровь. С левой ладони, сжимавшей лук в месте разлома, сняло кожу, даже перчатка не спасла. Правое предплечье изрезало намотавшейся и второпях распутываемой тетивой.

– Лежи. Ничего серьезного, – мрачно сказал я и повернулся к

Когтю: – Черт, Ка-ну! Ты его грохнул!

– О, нет, – охнул оружейник. Я вынул из трупа и подал ему копье. Он малодушно отвернулся и занял себя рассматриванием обломком лука.

– Юссариан… – его интонация мне очень не понравилась. – Посмотри, – Ка-ну протянул мне обломки: – Лук подпилен! Ты видишь?! На треть распил идет…

С мыслью, что план безнадежно летит в тартарары, я уже смирился.

– Ка-ну! Иди командуй! – нехотя (вспоминая позавчерашние слова Короля, но за неимением лучшего – как в данный момент, так и в принципе) отправил его я: – Пришли сюда Лиану… И еще! Молчать об этом!

Лиана прибежала быстро, минуты через три. Поскольку ситуация была аварийная, я оставил ее перевязывать Антика, велел обоим сразу после этого прийти в точку сбора, а сам отправился туда немедленно.

Дорогой столкнулся с Акирой, Гюставом и Алексом.

– Вы какого черта свои позиции оставили!? – схватился за голову я.

– Мы убьем его! Этого гада! – закричала Акира.

– Всегда знал, что эта рожа криминальная что-то подобное отколет! – поддакнул Алекс.

– Кто? Что случилось?

– Томмазо заточкой своей прирезал Антика и Юсса… – Акира сбилась и тупо уставилась на меня.

Кажется, до них наконец дошло, что переданные сплетни несут в себе некоторую нестыковку.

Угх! Ка-ну! Вот кого действительно стоит убить!

– На позицию, живо! – рявкнул я, прибавив шагу.

Я уже ощущал надвигающуюся катастрофу…

– Юссариан, – вдруг окликнул меня знакомый визгливый голосок.

– Янги?! Какие черти тебя принесли?

– Я подумал, вдруг вам нужна помощь…

Он тяжело дышал, прижимая к груди лук. За его спиной висел колчан со стрелами. Что-то нехорошо щелкнуло в моей голове.

– С чего вдруг нам понадобится помощь? – напрягся я.

– Ну, – Янги замялся: – Мало ли, вдруг лук сломается… А тут я такой! Хоп!

– Это ты сделал, да?! – меня перекосило: – Янги! Идиот!!! Ты вообще понимаешь, что ты натворил?!

Янги понял, что где-то просчитался и потупился. Я запустил

руки в волосы.

– Дай сюда! – я отнял у него лук и колчан: – И быстро домой! Мы с тобой еще поговорим!

Он шмыгнул носом и поплелся назад.

Я бросился в точку.

– Ка-ну! – прорычал я.

– Это Томмазо! Это его заточка! Я узнал!.. – заорал он, мертвой хваткой вцепившись в жертву (в переносном, конечно, смысле).

Я врезал ему. Просто врезал. С разворота в челюсть.

Ка-ну отшатнулся и, охнув, прижал руку к лицу.

– Я для чего тебя сюда послал!? Чтобы ты завалил всю операцию!? Я же велел молчать!

Я передал подбежавшему Антику лук.

Но дело было безнадежно. Когда началось это сумасшествие, почти всем удалось под шумок смыться.

Ребята окружили единственного арбалетчика с последним болтом. Он попытался пальнуть в меня, стрела прошла где-то на метр левее моей руки. Его взяли.

– Юссариан, – бесцветным голосом проговорил Том. Он хромал на правую ногу, и ладонью зажимал рану в боку – его ранили, когда он вынужденно отвлекся на Ка-ну. Но смотрел он мне за спину: – Янги.

Я обернулся. Нет, арбалетчик не промазал…

– Черт! – простонал я. – Лиана!

Болт торчал у него из груди.

– Правое легкое пробито, – хмурясь, отрапортовала знахарка. – Жить будет.

Я выдохнул.

Сзади раздались вскрики. Я оглянулся.

Пока эти олухи пялились на меня с Янги, арбалетчик, за неимением лучших вариантов не сдаваться в плен, раскусил колбу с ядом, зашитую в рукав, и теперь медленно оседал на землю.

… Такого провала отряд еще не знал.

Мы некоторое время сидели в холле в полном молчании. Лиана работала с Янгиным ранением в его комнате.

Гюстав с Акирой и Алексом все-таки задержали двоих, они сдали их городской страже и вернулись; группировка потеряла своего командира, что, конечно, было положительным результатом, но вместе с ним кануло в небытие огромное количество важной информации.

– Позвольте поинтересоваться, – начал я, обратившись к отряду: – Это, вообще, че было?

Я обвел сидящих взглядом и продолжил:

– Ка-ну, на ковер.

Он встал и, не поднимая головы, подошел ко мне.

– Какой был мой приказ?

– Завершить операцию, – убитым голосом ответил тот.

– И почему ты этого не сделал?

– Я просто увидел заточку Тома, понял, что распил был сделан ей, и…

– И решил собственноручно и прямо на месте разобраться, попутно распуская лживые слухи о ситуации в отряде, вместо того, чтобы командовать операцией?

Он молчал.

– Запомни, в условиях боя никогда, никогда не начинают выяснять отношения друг с другом. А ты, Юджин? Ты же там рядом был. А все остальные? Ну видите, он не то творит, почему вы не остановили, а побежали разносить сплетни?

– Я… я знаю… я виноват… Просто, я так психанул из-за главаря… Я не хотел, правда, – совсем тихо добавил он.

– Ка-ну, совершив ошибку, нужно выправиться и двигаться дальше. Ладно, садись. Далее. Том…

– Да не пилил я ничего! Вы достали! – взвыл тот, бледный, с перевязанным боком и ногой: – Клянусь!

– Тихо. Я тебя еще и не обвинил. Всем внимание! Смотрите, факты против него: лук подпилен его оружием; как дежурный, он запросто мог это сделать; имеется даже мотив преступления – все знают, они с Антиком "на ножах"… – я поднял руку, останавливая его возражения, попутно с чьим-то замечанием "да он с кем только не на ножах": – Тем не менее, действительность такова. Помните, Янги хотел стать героем? – я сделал многозначительную паузу: – Так вот, сегодня, он решил, подходящий день. И он подумал, что ничего страшного, оттого что *случайно* сломается лук, не будет. А он придет и всех спасет…

– Он что, идиот? – скривившись, воскликнул Том.

– Ну да! – закатив глаза, я изобразил руками жест, мол, сами видите: – А тебе, Том, урок! – он вопросительно посмотрел на меня: – Пересмотри свои взаимоотношения с окружающими. Кто-то обвиняет тебя, и ему сразу верят. Сразу. Это ж какой "авторитет" надо иметь… А всем остальным я вот что скажу: никогда не делайте поспешных выводов. Далее.

Я вздохнул и посмотрел на Антика.

– Антуан. У тебя ломается лук, но у тебя же есть шпага. Почему ты ей не сражаешься?

– Я сражался, – холодно заметил тот.

– Нет! – воскликнул я: – Ты не сражался! Ты… я не знаю даже

как это безобразие охарактеризовать… сбивал шишки, отмахивался от комаров, что угодно делал… Но не сражался. *Это* таким словом не называется. Как можно носить оружие, которым ты не владеешь?

– Ты сам обязал меня иметь при себе оружие для ближнего боя, – безразлично сообщил он.

Я вздохнул. ("Спокойно!")

– Помимо "иметь при себе", я обязал тебя еще и "владеть", то есть уметь этим сражаться. Ты видел, в какую ситуацию попал? А других в какую поставил? Вынудил Ка-ну бить на поражение!.. Инвар, – переключился я: – Я тебе, помнишь, задание давал его научить?

– Я учил, – возмутился тот.

– Где результат? – развел руками я: – Плохо учил. Учи еще.

Оба посмотрели друг на друга: Инвар с осуждением и безнадежностью, Антик – с презрением и равнодушием.

– Далее. Вопрос ко всем. Уважаемые операторы сарафанного радио! Вы, когда что-то слышите, вообще думаете? Или так заглатываете? Акира, ты меня просто шокировала.

Она потупилась.

– Ребят, – покачал головой я: – ну это ни в какие ворота не лезет! Ладно. День был сегодня, прямо скажем, не очень, так что шли бы вы все отдыхать.

Я поднялся и вышел из холла.

Там ненавязчиво продолжились разговоры. Ну как. Сначала ненавязчиво, ну а потом, как водится, слово за слово…

– … Да уж кто бы говорил! Тот, кто всю операцию завалил! Гений, блин! – высказывал Юджин: – Меня надо было командиром ставить!

– О-о да-а! – саркастически ответили в несколько голосов.

– Ты тоже ведь сегодня не молодец! – ощетинился Ка-ну: – Видел же, что я не то делаю! А первым бросился про заточку трещать!

– Господи, да вы все хороши! – включился шаман.

– А сам-то!

– Да мы, по крайней мере, двоих поймали!

– Ой, молодцы! – бросил Юджин: – И че?.. Надо было меня командующим ставить! Поймали бы больше.

– Я с командованием лучше всех вас справляюсь!

– И что? Думаешь, тебя за это командиром назначат? Тебя, потустороннего? – едко заметил Алекс.

– Ну, не тебя же, с твоими косяками!

– Свои косяки считай! – огрызнулся шаман.

– А ты волосы собери! – ввернул Ка-ну.

– А ты не Юссариан, чтобы мне… Ах ты сволочь!!! – до Лекса запоздало дошел глубинный смысл этой гнусной шутки. Поднялся ржач.

Я вернулся в холл; шум стих моментально, как будто я вдруг оглох, и все внезапно обнаружили патологический интерес к дощатому полу.

– Вам уже весело? Силы девать некуда? Ну так сейчас пойдем марш-бросок вокруг леса бегать при полном вооружении.

Народ тут же растекся по комнатам.

(14 сентября)

Как же я ошибался!

Проклятую банду нам навязали не только (и не столько), чтобы нас подставить.

С головой уйдя в подготовку облавы… я проглядел назревающий заговор.

Все началось после полудня, часа в три. Мы кинулись в город по первым сообщениям о беспорядках. Но погасить их не удавалось, только притормозить катастрофическое развитие событий.

В руках предателей оказались войска, на их же сторону были обманом перетянуты мирные жители.

Я пытался подобраться к дворцу. Мои остались там, а ко мне очень кстати примкнула Долорес; вместе нам удалось прорваться.

Но ситуацию это прояснило мало. Известно было лишь о смерти короля Юстиниана, а принц был объявлен цареубийцей и вместе с невестой был заточен в темницу "безутешными сторонниками" короля – наверняка министр постарался.

Вряд ли принц задержится там надолго: скорее всего, его на следующий же день перепрячут куда-нибудь подальше и объявят, что "цареубийца" скончался от душевных мук (или наложил на себя руки, когда понял, что его коварные замыслы рухнули) – что-то в этом роде.

Мне хотелось волком выть от боли, злости и бессилия.

… Мы зря сунулись: помочь уже все равно не смогли бы, зато у ненавидящего нас министра появился повод объявить отряд пособниками цареубийцы и врагами народа. Этому человеку мы давно рыбьей костью поперек горла стояли, и он мечтал от нас избавиться, а тут такой случай подвернулся!

Толпа заглотила эту информацию. И народ ополчился против нас.

Но нам нельзя с ними сражаться! Мы клялись защищать этих людей! А переубедить их уже не получится.

Долорес, видя, что ситуация становится все более катастрофической, поспешила домой.

Я понял, что нам пора убираться. Хоть как-то контролировать ситуацию было уже невозможно. В городе уже полыхало несколько домов; на нас начали нападать.

Я, опасаясь, как бы ребята (а особенно Антик и Том) не начали драться против мирных, приказал отступать.

Но было ясно, что на базе больше не безопасно.

По всей видимости, нас не оставят. Не сегодня завтра на нас

могут повести войска. А разъяренная толпа хоть уже сейчас готова идти на штурм.

Вернувшись на базу, я собрал ребят в холле.

Решение далось мне нелегко.

– Уходим.

В отряде тоже царило смятение. Они даже сначала не поняли.

Я постучал кулаком по столу. Все замерли и притихли.

Я вздохнул и повторил:

– Уходим. Всё. У вас час на сборы.

Часть 2.

(22 сентября)

– И все-таки зря ты увязался за нами, – сказал я.

Шагавший рядом со мной Тимур мотнул головой.

– И ничего не зря! Я-то знаю, что правда на вашей стороне.

– Ох, Тим, – я вздохнул, уперев пальцы в переносицу: – Ты же ужасно подставился! Отряд сейчас в… этой, как ее, – я щелкнул пальцами, пытаясь припомнить внезапно вылетевшее из головы слово.

Несколько голосов услужливо "подсказали", похабно загоготав.

– … Опале! – осуждающе повысил голос я: – Отряд сейчас в опале!

– Наш вариант тоже весьма точно отражает действительность! – усмехнулся Гюстав.

– Все равно! – продолжил Тим: – Раз сейчас такие тяжелые времена, то вам как никогда нужна моя помощь!

Тут не поспоришь. Еще одна пара крепких боевых рук действительно была не лишней. Кроме того, Тимур здорово помог нам с раненым Янги.

– Да и вообще, Юсс, я же *уже* присоединился и ушел с вами. Назад теперь дороги нет.

– Да… – вздохнул я. – Назад дороги нет.

Куда же лежит теперь наш путь?

Главная наша задача – найти принца. Ни одной зацепки, куда бы его могли упрятать. Неплохо было бы, когда (или если?) мы его найдем, восстановить законную власть.

Даже если и не восстановить. Освободить его и бежать из страны.

Мой крестник, сын моего безвременно ушедшего лучшего друга… Душа за него болит.

Идущая впереди Чарли остановилась и дала знак быть наготове. Те, кто не сражался (в особенности, раненый Янги), отступили в середину.

– Кто? – спросил я у подошедшей дозорной.

– Опять кавалеры, – поморщившись, тихо ответила Скарлетт и достала кинжал.

"Кавалерами" называли воинов некогда королевского, ныне министерского подразделения, где служили, в основном, благородные.

Нападали на нас уже не в первый раз. И ополченцы, и солдаты, и эти. Мы старались никого не убивать – нетяжело ранить и уйти.

Они напали, но мы быстро их потеснили, и они неожиданно легко отдали свои позиции и отступили. Мне это очень не понравилось, слишком подозрительно.

А потом, на нас спустили тварь.

Сначала я подумал, что это собака. Но она оказалась намного крупнее, быстрее и зубастее. И лоб ее был совершенно лысый. В природе таких я еще не встречал. Ее нападение чуть не вылилось для нас в катастрофу.

Акира метнула в тварь пару сюрикенов, выбив ей глаза. Тварь пошатнулась, повернулась и бросилась за девушкой. Акира метнулась в сторону, но тварь безошибочно последовала за ней.

– Черт! Акира, он держится за твой энергетический след! – крикнул Лекс.

Акира в панике заметалась.

– Какой след?

– Твой страх.

– Ч-черт! – Акира снова шарахнулась и требовательно воскликнула: – А ты не мог бы что-нибудь с ним сделать?!

– Не могу. Это же твой страх!

Параллельно с этой беседой, мы всячески пытались справиться со зверем, но пока малоэффективно.

Акира маской, закрывавшей обычно лицо и волосы, зацепилась за ветку; светлые волнистые волосы рассыпались по лицу и спине. В этот момент чудовище ее почти настигло, но Тимур, наконец, снес зверю башку сокрушительным ударом булавы.

Проклятье! Они что, издеваются? Использовать против нас *такое*?!

Надеюсь, этот монстр у них был, по крайней мере, только один…

(23 сентября)

Мы опять засекли какое-то шевеление. На этот раз, одиночного объекта.

Чарли вопросительно посмотрела на меня, я кивнул, и она начала обходить его с тыла. Но, очевидно, спугнула.

На поляну выскочил спринтер – так называлась одна раса человекоподобных существ, чем-то близких к эльфам. Они отличались (кто бы мог подумать?) крайне высокой скоростью передвижения, и не только его. А вот смелостью не отличались.

"Визитер" заметался.

Инвар выставил шпагу, угрожая уколоть спринтера в грудь, тот подался назад, но уткнулся спиной в копье.

– Ты убит, – добродушно сообщил Ка-ну.

Они с Инваром часто весьма эффективно разыгрывали что-нибудь на пару таким образом.

Спринтер рухнул на колени, как подкошенный, и принялся неразборчиво причитать, причем, все ускоряясь и ускоряясь.

– Стоп, стоп, стоп! – сказал я: – Давай по порядку. И по-медлен-нее.

– Я ни в чем не виноват!.. – взвыл тот.

– Я и не обвиняю, – спокойно согласился я. – Что ты здесь делал?

– Охотился.

– Ясно, – я сделал знак, чтобы его отпустили.

– Слушай, – спросил я: – А тебе не страшно здесь одному?

– Оч-чень страшно! – с готовностью кивнул тот: – А вы хотите меня нанять?

Так говорили, когда звали подобных созданий показывать маршрут в лесу или что-то такое.

– Да нет, нам незачем, – я повернулся и дал ребятам знак идти дальше.

– Слушайте, – в свою очередь окликнул нас спринтер. – А вы ведь Девятый вал, да?

– А что, про нас и у вас знают? – обернулся я.

– Про вас все знают! – восторженно проговорил тот, и, немного помолчав, добавил: – А возьмите меня в отряд! Пожалуйста! Я могу быть полезным для вас!

– А ты в курсе, что мы сейчас изгнанники? – мрачно поинтересовался Том.

– Все равно.

Я задумался. А ведь его способности могли бы быть нам полезны…

– Ладно, – махнул рукой я.

– И как тебя зовут? – поинтересовалась Айята.

– Молния.

– Это потому что ты быстро бегаешь? – усмехнулся Юджин. – Вижу, твои родители не отличались оригинальностью.

– Юджин! – осуждающе цыкнула на него девушка.

Спринтер сощурился, а потом сказал:

– К вопросу об оригинальности. Это говорит мне человек, с именем, которым зовут едва ли не каждого десятого мальчика в вашей стране. Это так, для общего развития.

Юджин, перекосившись, злобно зыркнул на засмеявшихся было товарищей и, понизив голос, сказал:

– Остроумный, значит? Имей в виду: когда я буду командиром отряда, тебя в нем не будет!

Молния заозирался в поисках поддержки, но желающих поконфликтовать с Юджином не нашлось, а я предоставил им самим разбираться. Про себя, тем не менее, заключив: "Никогда!"

На привале продолжились нападки на новичка.

Молния нерешительно, вопросительно глядя на меня, взял миску и ложку, но, куда сесть, не знал. Я указал ему на свободное место примерно напротив меня. Он сел; Корнелию, рядом с которой оказалось это место, аж перекосило. Она быстро, торопливо, почти не жуя, доела. Нервически вскочила и, пробегая мимо меня, зло и нарочито отчетливо прошептала:

– Ну спасибо тебе, Юссариан.

Новенький чуть не поперхнулся и страдальчески глянул на меня.

– Ой-ой-ой! – бросил ей вслед Ка-ну: – Подумаешь, расистка-шовинистка!

Тем временем, Гюстав спустился со своего наблюдательного поста на дереве и недовольно изрек:

– Ах да, теперь у меня нет тарелки…

Молния был готов провалиться сквозь землю; казалось, он уже жалел, что попросился в отряд.

– Из котелка ешь, – подсказал Юджин.

– Ага! Половником! Хохотнул Гюстав.

… – Не обращай внимания, – немного погодя, тихонько сказал спринтеру Ка-ну: – Новеньких иногда поначалу поддевают. Сработаетесь.

(25 сентября)

– Холодно, – проскулила Корнелия.

– А тебе говорили, что стирать сейчас теплую кофту – плохая идея, – запахнув плащ, сказал Лекс.

Ка-ну преувеличенно галантно протянул ей свою куртку. Корнелия скривилась и принялась искать глазами еще желающих ей помочь, но таковых не оказалось, и она, пофыркав, все же накинула его куртку себе на плечи.

– Сам-то не замерзнешь? – скептически поинтересовался я.

Ка-ну самоуверенно хмыкнул.

Ближе к полудню Чарли засекла очередных преследователей.

– Опять они, – недовольно проворчала девушка.

Отступать сейчас нам было нельзя – они преграждали нам путь, и идти в обратном направлении я не хотел.

Они напали на нас на холме у оврага. Их было больше чем нас, и бой был не простой.

Многих ранений мы избегали благодаря Антику, который прикрывал нас. Но, пока он отвлекся на очередную сложную ситуацию у кого-то, он подпустил к себе противника на удар меча, и тот перерубил ему лук.

Антикова противника устранил Гюстав с дерева (он прикрывал нас параллельно в Антиком, но из высокой точки). Он рассудил, что Антик стреляет все равно несравненно лучше, и, окликнув его, кинул ему свой лук.

Антуан поймал лук, встав на мысочки, а когда он опустился, вытянув руку с ним вперед для выстрела… лук ткнулся в землю.

Гюстав был выше Антика где-то на полметра, и лук у него был длиннющий.

И это трагическое несоответствие длины его лука и роста Антика ввело последнего в ступор.

Гюстав, увидев, что получилось, захохотал и решил, что лучше бы ему поскорее спуститься с дерева.

Антик, наконец, отмер и принялся искать выход из ситуации.

Догадался, что нужно расположить лук диагонально. Взял стрелу, наложил ее на тетиву… и завис еще минуты эдак на две.

Гюстав свалился с нижней ветки дерева, забившись в истерике.

Оказалось, чтобы стрелять из этого лука, Антуановы стрелы слишком коротки…

Гюстав, немного проржавшись, встал и выдал Антику свою стрелу.

Антик уже паниковал, это видно было по его отсутствующему

взгляду, но пытался изобразить спокойствие.

Он с полминуты помедитировал на стрелу Гюстава, прежде чем, наконец, попробовать наложить ее на тетиву.

Но тут выяснилось, что для того, чтобы стрелять этими стрелами, ему не хватает длины рук.

Антик снова завис.

Гюстав уже не смеялся: он, задыхаясь, бился в конвульсиях.

– Антик! – давясь смехом, выдавил Юджин: – Ну что ты творишь? Видишь, человеку плохо!?

Антуан сжал губы, бросил лук Гюставу и, как крест экзорциста держа перед собой обломки своего лука, нагло двинулся ко мне прямо сквозь сражающихся.

Со всех сторон посыпались проклятия от ребят, вынужденных отвлекаться и делать так, чтобы этого безоружного нахала не убили.

Я отвлекся на собственный поединок, и на какое-то время все остальное вылетело у меня из головы.

– Юссариан! – Антик предъявил мне обломки лука.

Я, не подумав, брякнул первое, что пришло в голову:

– Ну возьми лук у Гюстава… – только к середине фразы сообразив, что говорю что-то не то, но еще не вспомнив, почему.

Гюстав, едва пришедший в себя, снова забился в истерике, пол-отряда согнуло пополам, а Антик одарил меня таким взглядом, что мог бы, мне показалось, прожечь дыру у меня во лбу.

– Ка-ну! – устыдившись, окликнул я: – Дай Антику лук.

У Ка-ну к этому времени уже разобрали все его запасное оружие, и у него остался лишь лук и копье. Он с готовностью кинул лук Антику, и тот, с бессильной злобой, уложил тремя стрелами пятерых противников вокруг себя.

– Антуан! Не сметь!!! – заорал я.

Я вынужден был отвлечься; к "кавалерам" подошло подкрепление, и вскоре мы вынуждены были экстренно отступать и уходить максимально быстро и на как можно большее расстояние. Во всяком случае, нам удалось придержаться нужного направления.

(26 сентября)

Нам пришлось, с небольшими привалами, совершить почти двухдневный марш-бросок, пока к полуночи следующего дня не наткнулись на домик, в котором обитал какой-то старик-отшельник. Он пустил нас и скрылся за дверью маленькой комнаты.

Мы собрались в сенях. Те, кому не хватало места, стояли у двери и открытых окон.

Я начал собирать амулеты (на каждого в отряде Джуно был изготовлен именной амулет; по ним было гораздо проще пересчитывать).

Юджин под одобрительный хохот принялся рассказывать о приключениях Антика с Гюставским луком.

– Юсс, ты видел?

Я собирался ответить серьезно, дабы показать, что ничего смешного…

– Видел… – сказал я и недвусмысленно фыркнул. Нет, я, конечно, попытался сделать вид, что это я так чихнул, но мне не поверили, и Антик, с моей легкой руки официально выставленный на посмешище, одарил меня убийственным взглядом.

Радостный хохот прорезал встревоженный голос Джуно:

– Юссариан! Одного амулета не хватает!

Сразу наступила тишина.

Я пересчитал амулеты.

– Восемнадцать штук, – и вопросительно взглянул на Джуно.

– А нас девятнадцать, – нервно сказал он.

– У нас Молния новенький. У него, наверное, нет.

– Есть. Я уже сделал.

Я, холодея, еще раз пересчитал.

В комнате находились восемнадцать из девятнадцати…

Я лихорадочно проглядывал ребят, но никак не мог определить, кого же не хватает.

Они взволнованно перешептывались.

– Юссариан, мне нужен лук, – совершенно не к месту выдал Антик.

– У тебя есть один! – резко отмахнулся от него я, безуспешно пересчитывая собравшихся снова и снова.

– Это не мой. Это… – Антик замолчал, серьезно взглянув на меня.

Но и в моей голове уже тоже неприятно щелкнуло.

– Ка-ну! – простонал я.

Ребята закрутили головами, словно надеясь, что это чудовищная ошибка, и вот же он сидит…

Как можно было не заметить?!

Такой живой и яркий, такой отзывчивый, общающийся почти со всеми, а мы даже не заметили, когда его вдруг не оказалось рядом.

– О нет! Господи! – простонал Инвар.

Последние несколько дней он больше общался с ворожеей, и, видимо, увлекшись ей, не заметил пропажи лучшего друга.

– А у нас еще и все его оружие, – похоронно возвестил Том.

– И даже теплые вещи… – Айата кивнула на Корнелию, которая была по-прежнему в куртке Ка-ну.

(27 сентября)

– Юджин! Это безумие! – отрезал я.

– Но мы же 9-й вал! Мы своих не бросаем! – патетически воскликнул тот: – Ты сам учил нас этому!

– Да! – рявкнул я: – Но сейчас другая ситуация!

– Мы должны вернуться, какая бы ни была ситуация! – воскликнул Инвар.

– Вы понимаете, что возвращение, или даже просто задержка может погубить весь отряд!? Как бы чудовищно это не звучало, но иногда надо жертвовать малым во имя большого…

– Что ты сейчас сказал!? – рявкнул Юджин и, обратившись к отряду, продолжил: – Вы это слышали? Это значит, чтобы выжить, нам предлагается закладывать друг дружку поодиночке!

– Не надо переворачивать мои слова с ног на голову!

– Довольно болтовни! Кто согласен, что надо бросить Ка-ну? А кто считает, что надо вернуться и найти его, если он жив? – Юджин самодовольно взглянул на меня. Ловко же он перехватил инициативу…

– Я пойду искать его! – тут же сказал Инвар ему, и, повернувшись ко мне, добавил: – Извини, Юссариан, я пойду.

– Возьми еще Чарли, – распорядился Юджин.

– Угробишь своих людей! – простонал я.

Инвар и Скарлетт собирались, проверяли оружие; остальные крутились вокруг них.

– Как вы меня достали, – процедил я сквозь зубы, сев и сжав пальцами виски: – Делайте, что хотите. Я предупредил.

(28 сентября)

– Возвращаются! – крикнул Гюстав с высокой ветки дерева.

Юджин выскочил во двор.

– Стоп! – упавшим голосом сказал дозорный: – Чарли. Только Чарли…

Она шла медленно, деревянной походкой. Губы ее были в крови, лицо исцарапано ветками, две тонкие черные косы, которые она постоянно носила, растрепались.

– Мы километров на 20 только отошли. Они засекли нас. И напали, – бесцветным голосом сообщила Скарлетт, подойдя к крыльцу.

– И?.. -дрогнувшим голосом спросил Юджин.

– Не в нашу пользу битва была, – Чарли помолчала, потом продолжила: – Инвара убили, – она снова сделала паузу: – Я сразу ушла после его смерти. Увела их почти в противоположную сторону, чтобы они наше направление не определили. Потом вернулась к Инвару. Я не могла просто уйти, не похоронив…

Мэу заплакала; Айята обняла Чарли. Юджин запустил руки в волосы.

Я вышел на крыльцо.

– Ну что, довольны? – ледяным тоном осведомился я.

– Прости, Юссариан… – прошептал Юджин.

– Не передо мной извиняйся, Юджин, – все так же холодно проговорил я: – А перед Инваром. А еще лучше – перед его матерью.

Юджин совсем сник, но я уже был не в силах остановиться:

– Поздравляю. Ты открыл свое кладбище, командир! Поздравляю тебя с первой жертвой твоего бездарного командования! – я развернулся на каблуках и хотел было уйти в дом…

– Юссариан, пожалуйста… – подбежала ко мне Айята и опустила глаза.

– Мы будем слушаться, – сложив руки в молитвенной позе, договорила Чарли.

– Идиоты, – вздохнул я. Потом, подняв голос, продолжил: – Ладно. Если несогласных с моим командованием больше нет, мы можем продолжить двигаться прежним курсом, на север.

(25 сентября)

Начинался день, как обычно.

Из-за отсутствия времени, пришлось сделать облегченный вариант тренировки. Хотя мне уже казалось, что, если я и дальше буду так халтурить, все мои достижения полетят в тартарары.

Хоть мне и не было жарко, свою куртку я отдал Корнелии. И она ее даже взяла. Хоть и вредная она, а все равно жалко…

Ну че она ко мне так цепляется? Никто так не цепляется, как она. Даже Алекс меня терпит, хоть и недолюбливает. И Том…

Потом на нас опять напали.

Все свое оружие я раздал "нуждающимся".

Бой был не слишком-то успешным. Меня окликнул Юссариан и велел дать Антуану лук.

Мы с Антиком мало общаемся. Да и вообще, он мало с кем общается.

Но как же он круто стреляет!..

Если честно, он мой кумир. Он такой независимый и смелый… Никто ему не указ. Он только Юссариана слушается, да и то, не всегда. Ну, Лай-лай еще, но это уже другая тема. Вообще, то, как она себя ведет… бесит просто.

Потом я увидел волка. Точнее, тварь. Но похожа немного на волка.

Я видел, как его спустили с цепи, и он побежал к холму через овраг.

Вот сволочи!

Если тварь до нас доберется, нам не сдобровать…

Я кинулся к оврагу ей навстречу. Перехвачу ее, когда она будет взбираться на холм.

Но когда я пробегал мимо кустов, мне подло подставили подножку, и я живописно, с криком, кубарем полетел в овраг…

"Волк" встретил меня в овраге. Я впервые видел его так близко и мог рассмотреть, какой же он урод!.. Копье застряло под корягой, и я не смог его высвободить. Чтобы тварь не выпустила мне кишки, я попытался отбиться левой ногой. Волк вцепился зубами, рванул. Я лихорадочно пытался высвободить копье. Волк опять рванул, оно надсадно хрустнуло под корягой… Я воткнул обломленное древко в раззявленную зубастую пасть… Брызнула кровь. Я принялся отчаянно шерудить древком в ране, пока оно не показалось у чудовища из спины, и брезгливо отпихнул его от себя.

Вот черт! Она меня укусила!

Нога теперь болеть будет… черта с два получится нормально

тренироваться… Я усмехнулся. Господи, про что я думаю?

– Лиана! – позвал я и, кажется, отключился на пару минут.

Лиана не пришла.

Я лихорадочно, не чувствуя боли вскочил, но раненая нога наотрез отказалась идти. В глазах рябило от крови. Я на автомате подобрал обломанный наконечник копья и чуть ли не ползком выбрался из оврага. Кажется, я был ранен серьезнее, чем я думал.

Я слышал металлический звон оружия на поляне. Если идет бой, то мне, раненому и безоружному, нечего туда лезть. Я осторожно выглянул из-за кустов… Поляна была пуста.

– А-а-а! – заорал я и выглянул еще раз, в надежде, что морок спадет и я увижу своих. Но на поляне было пусто. А в ушах оглушительно звенело…

– Юссариан!!! – что есть мочи заорал я: – Лиана! Инвар!

Меня оставили! Бросили! Я один!.. опять один!!!

Я в панике заметался по поляне, упал и поднялся снова.

– Кто-нибудь! – слабо взвыл я.

Земля качнулась, накренилась и жестко приложила меня по левому боку, вышибив из темнеющего поля зрения сноп искр и вызвав особенно сильный взрыв оружейного звона в ушах…

Я умирал.

Вот, оказывается, как это происходит… Что ж, оно и к лучшему. *Один* я жить не смогу…

… Закатное солнце окрасило ресницы золотым. Я почему-то не умер.

Наверное, кровь запеклась на солнце и остановилась. Я с трудом приподнялся и сел. Посмотрел на раненую ногу. Точнее, то, что от нее осталось.

Ниже колена был просто тихий ужас. Неповрежденной кожи практически не осталось (да и поврежденной, в общем-то). Голень местами была обглодана почти до кости; ошметки мяса торчали клоками. Голеностопный сустав был поврежден. Стопа цела, вроде, но сильно легче от этого почему-то не становилось.

– Супер, – мрачно заметил я: – Накачал Ка-ну ноги!

Я снова усмехнулся. Ну вот о чем я сейчас думаю?

От потери крови знобило и трясло. Нога болела безумно.

Встать удалось далеко не сразу, и то, держась за дерево. Я сломил длинную прочную ветку и, тяжело опираясь на нее, сделал шаг. Адская боль, темнота, удар о землю… Что ж, я знал, что легко не будет.

Я подтянул непослушную ногу к себе. Жесткая осенняя трава душещипательно заскребла по голому мясу и кости… Кровь из раны (хотя, что тут называть раной, когда у меня от ноги и осталась одна большая рана!?) еще текла, но помаленьку, по

капельке. Не то что сначала, там вон лужа целая натекла…

Из перевязочного материала у меня были лишь портянки, но я полагал, что это не самая лучшая идея… Ладно, пусть в открытую заживает. Лесной воздух и солнечные лучи, говорят, целительны…

Я снова поднялся. Я должен идти. Мне надо догнать отряд.

Кариджану.

(26 сентября)

Пишет Кариджану.

В холоде спится плохо. Я сполз с настила из веток, расправляя затекшие конечности.

А-ай! Как же это больно, когда ветки скребут по голому мясу!..

Опираясь на палку, встал.

В лицо светило солнце, но тепла не давало. Казалось, что негреющее холодное осеннее солнце создано исключительно для красоты.

Его косые пологие лучи безучастно скользили по стылой земле, даже не пытаясь ее согреть. Я стоял, жадно впитывая всем телом драгоценные крохи тепла.

Мне решительно не хватало оружия, тепла, потерянной крови и пищи.

Я еще немного погрелся на солнце и двинулся в путь.

Дорога давалась тяжело. Идти приходилось очень медленно, с частыми передышками.

… Как же так получилось, что я остался?

Я был совершенно не готов к одиночеству. В принципе. Никак.

Как они могли?! Как!?

Что ж, вероятно, у них не было выбора…

Главное теперь – их догнать. Я помню (мы обсуждали с Юссарианом) две опорные точки: города Агъерри и Монтелик.

Если я не догоню отряд в Монтелике – я пропал.

(27 сентября)

Ну что я могу сказать? С такой скоростью нескоро я их догоню…

Да, у отряда, видимо, были причины. За ними была погоня, и они ну никак не могли задерживаться.

(28 сентября)

Эта ночь была еще холоднее. У меня отнялись пальцы рук, и я долго безнадежно дышал на них едва теплым воздухом.

Разводить костер было нельзя: это неминуемо привлекло бы внимание тех, кто охотился на нас.

Сегодняшний путь дался мне особенно тяжко. Я не прошел и половины запланированного расстояния. Пытался ускориться, но только сильнее выдохся.

Я начал всерьез переживать, что с такой скоростью я, вероятно, уже значительно отстаю от отряда.

(29 сентября)

Юджин избегал меня. И, по возможности, ни с кем не разговаривал. Зря я так набросился на него вчера: ему и без того было несладко…

Сегодня на нас напали ополченцы. Но мы на голову их разбили, и они стали отступать.

Один парень самозабвенно попытался посражаться еще, но быстро понял, что он в меньшинстве, и сдался. Я хотел дать отмашку, чтобы его отпустили, но не успел.

Горло его со свистом пробила стрела, и он с хрипом осел на землю и повалился ничком.

– Антик, зачем?! – прохрипел я: – Он же сдался!

В глазах лучника, холодных и бесчувственных, на миг проскользнуло что-то, напоминающее… торжество?

Я не выдержал и дал ему пощечину. Антик метнул на меня злой, непонимающий взгляд.

Я вспомнил тех пятерых на холме. Сомневаюсь, что он их только ранил…

Я отчетливо ощутил как во мне поднимается холодная, леденящая душу ярость.

– Что ты себе позволяешь? – заговорил я преувеличенно спокойным тоном: – Ты же знаешь! Нельзя никого убивать! По крайней мере, без необходимости! Это наш принцип! Ты знаешь об этом? Знаешь, нет?! – я развернулся на каблуках и сделал пару шагов; Антик смотрел на меня холодно и презрительно: – Значит так, Антуан. Я лишаю тебя права носить оружие. Сдай свой лук.

Я вытянул руку.

Антик смотрел на меня ошарашено, не веря своим ушам. Потом чуть заметно нахмурился, сжал губы и зло швырнул лук мне под ноги.

(29 сентября)

Пишет Кариджану.

Сегодня скрылось солнце. Вместе с ним я лишился своего главного источника тепла.

Путь давался мне тяжелее день ото дня.

Ближе к вечеру, мне улыбнулась удача, и я набрел на поляну, где росла клюква. Ягод там было от силы горстки полторы, да и клюква не самый питательный продукт, но это, все же, было лучше, чем ничего.

Ягоды взбодрили меня и немного придали сил. Хотя я по-прежнему безнадежно отставал.

… Я все равно не сдамся. Пока я дышу, я буду идти вперед.

(30 сентября)

Кавалеры с «собаками» и отчаянные ополченцы на нас уже нападали, а вот с религиозным фанатиком мы столкнулись впервые.

Он явно был не в здравом уме, потому что в одиночку пожелал схлестнуться с отрядом. Точнее, с наиболее опасным, по его мнению, представителем оного. А вообще, Том просто оказался к психу ближе всех.

Томмазо запросто, одной рукой уложил худощавого и вертлявого старика. Но тот подло схватил его за ухо. Том резко вывернулся из "захвата", согнувшись и двинув корпусом, но накинув при этом плащ себе на голову. Пока Том выпутывался из плаща, старикашка с проклятиями убежал.

– Тьфу! Вот псих, – сплюнул Том и, спохватившись, торопливо заправил под кофту выпавший крест вместе с чем-то еще. Выпрямился. И встретился глазами с Мэу.

… Мэу не ворожила. Она просто смотрела на него. Лицо ее было напряжено и несколько перекошено.

– Мой медальон… – прохрипела она, двинув только левой стороной губ. Потом громко, истерически дрогнувшим голосом, воскликнула: – Мой медальон!

Том застонал и отвернулся.

Мэу с рычанием бросилась к нему, Томмазо торопливо снял его с шеи, и девушка выхватила медальон уже из его рук.

– Как это понимать? – подключился я. – Том?

– Ну… Да, медальон, эм… был у меня. Мэу, я не хотел, правда… Я нечаянно его взял.

– Ты хочешь сказать, что нечаянно украл и – нечаянно – все это время прятал мой медальон?! – вскрикнула девушка.

– Он просто… был такой классный! Шикарный просто… Оно как-то само собой получилось. Я думал, что лучше себя контролирую. Прости, Мэу.

– Ну, ты и крыса! – прошипела та.

Том смотрел чуть в сторону, как-то исступленно, но твердо, взгляд его не бегал и не опускался.

– Вообще, это не я, – совсем бессмысленно, видимо, исчерпав все мало-мальски пригодные отмазки, сказал он, прикрыв глаза и подняв брови.

– Это мое клептоманское Альтер-эго, – договорил за него Гюстав, прикрыв рот ладонью.

– Я из-за этого с Ка-ну поссорилась, – отчаянно воскликнула Мэу, схватившись за голову: – А его даже рядом больше нет! А я

не знала, что и думать. Решила, что и впрямь на балу потеряла!..

Мэу, к слову, носила сейчас его куртку.

– С Ка-ну ты не из-за меня поссорилась! – бросил Том: – А из-за того, что вещи дороже людей ценишь. Ка-ну правильно сказал, кусок металла тебе дороже друзей.

– Если ты украл "случайно", почему сразу не вернул, – холодно поинтересовался я.

– Смалодушничал! – рявкнул Том.

– Это тебе с рук не сойдет! – закричала Мэу.

Томмазо мрачно посмотрел на меня.

– Я не могу оставить это безнаказанным. Имей в виду.

Том с напускным безразличием хмыкнул и отвернулся.

(30 сентября)

Пишет Ка-ну.

Так тяжело мне не приходилось со времен моего изгнания из клана. Чувство, когда ты при каждом шаге думаешь, что после следующего упадешь замертво…

Сегодняшний вечер тоже подготовил мне сюрприз, но, на сей раз, неприятный.

Я столкнулся с ополченцами.

Точнее, дело было так: я заприметил полянку, на которой хотел заночевать, но пока я до нее ковылял, туда пришел отряд ополченцев и разбил лагерь.

Уйти я уже не успевал, пришлось по-глупому прятаться за деревом.

Мне ничего не оставалось, кроме как простоять всю ночь в обнимку со стволом.

Раз семь за ночь мимо меня прошел часовой, и у меня кровь всякий раз стыла, но заглянуть за дерево он, хвала богам, так и не удосужился.

В моей жизни еще никогда не было такой длинной ночи…

К рассвету у меня так гудели ноги, спина, плечи и голова, что, когда ополченцы наконец снялись с лагеря и ушли, я со стоном рухнул на землю. По-пластунски, подволакивая непослушную раненую ногу, дополз до потухшего кострища и свернулся там даже не клубочком, а, скорей, каким-то пожеванным комком ниток.

(1 октября)

Чарли принесла плохие новости.

Мы попали в засаду.

Чтобы из нее вырваться, нам придется очень постараться.

Оружие пришлось выдать всем, даже невоюющим. И даже наказанному Антику. Он слегка приподнял брови (так он изображал крайнюю степень удивления) и хмыкнул, но я оборвал его резким: "Не до твоих закидонов сейчас…"

– Сражаемся все. У нас будет ударная группа, которая должна пробить нам путь из западни, две фланговые точки по два человека и одна страховочная точка, – меня посетила интересная мысль: – Поскольку делать что-нибудь интересное последним не придется, там у нас будет гауптвахта. Командовать ей будет Том, – я насладился его помрачневшей физиономией: – а также туда пойдут Антик и Алекс.

– За что?! – воскликнул шаман.

– А тебе не за что? – скептически осведомился я.

Алекс, хмыкнув, опустил глаза и заправил за ухо самую длинную прядь волос. Вообще, после знаменательной попойки он хотел сходить подправить "стрижку", но его планы нарушились восстанием; самостоятельно ровнять волосы он не осмелился, опасаясь сделать еще хуже, и теперь так и ходил с косо обрезанными волосами.

С видом "Ну спасибо тебе, Юссариан", Том двинулся на свою точку. Лекс, отчетливо прошептав: "Вот черт!", – нехотя пошел следом. Антик не двинулся с места до моего приказа.

М-да, тяжело Тому придется… Ну и ладно, заслужил.

К обеду зарядил мелкий осенний дождь.

Начался бой. Но шел он как-то вяло и скучно, что меня сильно настораживало – я ожидал ожесточенных кровавых боев…

***

Том стоял, прислонившись к стволу, и ковырял ножом какую-то щепку. Лекс сидел на пне и любовно перебирал золотые перстни на своих руках. Антик просто стоял чуть в стороне, не шевелясь, словно каменный истукан. Казалось, он может так простоять вечно.

– Сколько нам здесь сидеть? – скучающе поинтересовался шаман.

– Пока нам не сообщат, что пора идти, – ответил Том.

Шаман вдруг поднял голову, уставившись вперед.

– Ну что? – устало протянул Томмазо: – Что опять не так…

Алекс жестом остановил его, резко поднявшись.

Антик "ожил" и снял с плеча лук.

– Вы тоже это чувствуете? – напряженно оглядываясь, проговорил шаман.

Том тоже вдруг ощутил какую-то тревогу, повисшую в воздухе.

Потом они напали. Четыре отряда ополченцев.

– А-а-а-О, Господи! – заорал Том, выхватывая меч, пока те бежали к ним: – Антик, готовься!

– Как стрелять? – с раздражающим спокойствием уточнил лучник.

– НЕ насмерть! – спохватившись, пояснил Том, уже вступив в первую схватку: – Алекс! Срочно, беги за подмогой!..

Шаман кинулся было в сторону точки ударной группы.

– Ай-й, нет, вернись! – крикнул Том; их с Антиком моментально начали теснить: – Вдвоем нам точно не выгрести!

– Вижу, вижу! – ответил шаман, выхватывая шашку и занимая первую линию рядом с Томом. Антик отстреливался со второй.

Шаман сложил руки перед собой и раскидал первый ряд нападавших, заблокировав тем самым и второй.

– Вот также он нас с Юджином тогда швырял! – раздался голос Гюстава.

Том, не веря своим ушам, обернулся. Правый фланг – Гюстав и Акира – пришли на подмогу.

Антик укладывал противников целыми рядами, периодически снимая с раненых новые колчаны.

Подключился левый фланг – Мэу и Молния.

Акиру ударили, и она уже валялась на траве. Гюстав и Антик прикрывали ее, чтобы, пока она приходит в чувства, к ней не подошли. Она была очень чувствительна к каким-либо физическим воздействиям на себя. То есть, от удара кулаком, падала как тяжелораненая. Крайне быстро выходила из строя в трудном бою. Зато – и оправлялась очень быстро. Вон, уже приходить в себя начала.

– Валите фланги, а то они возьмут нас в кольцо! – крикнул Том. – Алекс, ты не можешь как-нибудь связаться с нашими?

– Нет, я мог бы связаться только с другим шаманом.

Чей-то меч таки дотянулся до Тома, и ударил его в бок. Том чертыхнулся, вынужденно отступая; на выручку пришел Антик, отстреляв нескольких нападавших вокруг него.

Тем временем едва не убили Гюстава, и Антику пришлось отвлечься на него. При этом он подпустил противника слишком близко к себе, и тот ударил алебардой. Отстреляться лучник уже не успевал, смог лишь, насколько возможно, увернуться. Удар

вышел скользящий, поэтому череп не проломил. Тем не менее, удар был не слабый, лезвие рассекло ему правый висок и часть лба по линии роста волос. Антик, пошатнулся, и какое-то время простоял, приходя в себя. Потом откинул с лица липкие от крови волосы и подобрал очередной колчан.

– Эй, как тебя… Молния! – крикнул Том, снова вступая в бой: – Беги за подмогой!

Спринтер скрылся. Антику кровь заливала глаза, и ему постоянно приходилось стирать ее рукой и отбрасывать насквозь окровавленную челку. Акиру опять ударили, и пока она приходила в себя, Тому приходилось, помимо всего прочего, прикрывать ее. Рядом с ним отчаянно дралась Мэу.

Молния вернулся: перетрусил бежать по коридору из норовящих сомкнуться вражеских флангов.

– Том, черт с ним, давай я пробегу! – крикнула Мэу.

***

Мы стояли на месте уже эдак с час.

Пока с криком:

– Срочно подмогу на страховочную точку! Они сражаются с основными силами противника! – не прилетела потрепанная Мэу, почти рухнув мне под ноги.

– Юджин, за главного! – бросил я, жестом приказывая Тимуру, Чарли и Лиане бежать со мной.

– Не-ет! – в панике заорал тот, но мы уже ушли.

Когда мы показались на поле боя, ополченцы с криком побросали оружие и побежали. Ловушка была прорвана, и я отправил Чарли за Юджином и остальными.

Антик жестом, уже ставшим привычным, откинул окровавленные волосы со лба, чтобы кровь не застилала глаза, и наложил на тетиву три новых стрелы, но Том осадил его:

– Антик, отбой! Они уже бегут.

Томмазо, опираясь на меч и не поднимаясь с колена, обернулся к товарищам и объявил: "Молодцы! Мы сделали это!"

Антик опустил лук и, сочтя свой долг выполненным, решил, что можно с чистой совестью терять сознание.

Лекс, хитро сплетя пальцы, лег на землю, тихонько напевая какую-то мантру – восстанавливал растраченную жизненную энергию.

Тимур подбежал к Акире и с готовностью подхватил ее на руки (что-то подсказывает мне, что он к ней неровно дышит).

– Не верь ей, Тим. Она симулянтка! – весело отозвался Гюстав, приподнимаясь и выдергивая болт из плеча.

Я ошалело присел на корточки рядом с Томмазо. Том сплюнул кровь, повернулся ко мне и, улыбаясь во все лицо,

проговорил:

– Юссариан, они сказали, что мы бесы.

– Знаешь, – усмехнулся я: – В этом я с ними, пожалуй, соглашусь.

(1 октября)

Пишет Ка-ну.

Меня разбудил капающий по спине дождь.

Я не отогрелся, только вымазался в саже; сон не придал мне сил, я чувствовал себя таким же разбитым, даже еще хуже.

Я продолжил идти.

Здоровая нога подкашивалась, на раненую я и вовсе не рассчитывал.

… Все равно не сдамся. Чуть-чуть отдохну и пойду дальше.

Стемнело. Я потерял счет шагам, метрам, привалам…

Из-за непрекращающегося дождя земля скользила.

Я даже ничего не почувствовал: ни боли, ни холодной влаги. Просто упал. Как труп. Словно в тумане, приподнялся на локтях… и увидел мираж. Как будто меж деревьев светилось оконце.

Нет! Не мираж!

Из последних сил я, чуть ли не на четвереньках, пробрался между деревьев и оказался у широкой (маленькая повозка пройдет) лесной дороги.

Вода и грязь ударили в лицо. Сложно сказать, споткнулся ли я, поскользнулся или просто ноги подкосились…

В глазах плясали разноцветные круги. Темный занавес опускался все ниже.

А вдруг там живет религиозный фанатик или чокнутый таксидермист-коллекционер?

Боже, надежда на помощь таяла, как утренний туман…

Я преодолел еще участок леса и вышел (Ох! Не льсти себе, Ка-ну!) на поляну.

В ушах колотила кровь, сознание душила темнота…

Ладно! Все равно это мой последний шанс…

Ноги подкосились, земля с готовностью приложила меня по голове.

В угасающем сознании возникла лихорадочная мысль.

Я поднялся и дрожащими, непослушными пальцами выудил из кармана наконечник копья.

Была не была. Это все равно единственная надежда.

Из последних сил я метнул наконечник в сторону хижины и провалился в темноту.

(2 октября)

Подвиг «героической семерки» спас весь отряд.

Выбравшись из западни, мы теперь улепетывали со всей возможной скоростью.

С ранеными Лиана вчера, вроде, разобралась. Благо ранены почти все были несерьезно.

Опасения у нее вызывали только Антик и Том. Но Том заявил, что может идти самостоятельно (хотя, в некоторой степени, думаю, он все-таки храбрился), а Антик был в отключке, и его, не спрашивая, потащил Тимур. К вечеру и он пришел в себя.

Во время боя Том с Мэу помирились. Да, у Тома бывали заскоки с кражами, он не всегда был в состоянии себя контролировать. Полагаю, он действительно в некоторой степени страдал клептоманией.

… – Я тоже неправа, – говорила Мэу: – Сделала чуть ли не культ из этого медальона. Фетишистка.

– Ну… это же твоя фамильная драгоценность, – ответил Том.

– Ну, фамильный. Что с того? Вещи – это такая ерунда! Ни одна вещь не стоит разрушенной дружбы, – Мэу тяжело вздохнула: – Жаль, что я так поздно это поняла.

Некоторое время они молчали. Мэу перебрала пальцами подвески медальона.

– Том? Хочешь, я тебе его подарю?

Том удивленно поднял брови.

– Ты бы, это, поосторожнее с такими предложениями. Я ведь могу и согласиться!

Мэу расхохоталась и, сняв медальон со своей шеи, протянула Тому.

(3 октября)

Утром Антик попытался вытребовать у меня свой лук. Настолько дико ему, видно, было ходить без оружия.

– С ума сошел? – поинтересовался я. – Ты же на ногах еле стоишь.

– Об этом не может быть и речи, – отрезала Лиана.

– Я в поряд… – начал было Антик, но пошатнулся и удержался на ногах только благодаря моей услужливо поданной руке.

– Ага, я заметил.

Во второй половине дня мы столкнулись с ополченцами. Антуан снова потребовал вернуть ему его лук.

– Ну чего тебе неймется-то так? – раздражаясь, поинтересовался я.

– У меня дурное предчувствие, – каменным голосом ответил он.

Я усмехнулся:

– С каких пор ты веришь в предчувствия?

Черт возьми, как же он был прав…

В разгар боя в эпицентре сражения невесть как оказалась Лай-лай, и, если честно, я думал, ей конец. Никто не успевал прийти ей на помощь. Но…

– Дай лук! – крикнул Антуан.

– Нет.

Антик попытался у меня его выхватить, но я коварно воспользовался своим ростом и поднял лук на вытянутой руке вверх, сделав его недосягаемым.

Антик попытался допрыгнуть, но не достал. Следующим движением он двинул мне с ноги по печени, заставив меня с хрипом согнуться и выпустить лук из рук. Лучник с готовностью схватил его и, прошипев: "Я спасу ее. Чего бы мне это не стоило", – отбежал на несколько шагов.

Но стрелять сквозь своих, как обычно, он почему-то не рискнул…

Ему пришлось добежать до края поляны. Стрелять в обладателя занесенного над Лай-лай меча было уже поздно – это ее не спасло бы.

Стрела ударила в каблучок ее туфли, буквально выбив Лай-лай из-под удара – меч прошел над ней, зацепив лишь кончики ее волос.

Еще через секунду стрела прошила нападающего, потом второго, чуть позднее третьего – каждый выстрел давался Антику

все тяжелее… Он никак не мог отдышаться, руки с трудом его слушались.

К нему бежал противник – верзила с мечем. Антик наложил стрелу на тетиву, выстрелил … и промахнулся с семи шагов.

Первый раз в своей жизни видел, чтобы Антик промахивался…

Я не успевал прийти ему на помощь.

Антик еле держался на подкашивающихся ногах. Непослушной, словно ватной, рукой потянулся к колчану, не сразу нащупал и вынужден был повернуться. Едва не выронил стрелу из почти негнущихся пальцев. Заторможено положил ее на тетиву; поднял глаза прицелиться…

Враг не позволил ему выстрелить, врезав с разворота по лицу кулаком. Антик отлетел метра на два. И больше не предпринимал попыток подняться.

Ополченец двинулся к нему, раскручивая над собой меч…

С огромным трудом, Том все-таки успел прийти на выручку, врезав противнику шипованным кастетом по челюсти и добавив по затылку уже на земле. Подбежал к Антику, ненавязчиво попытался привести его в себя.

– Зачем ты дал ему лук, Юссариан! – заорала на меня Лиана.

– Он сам взял! – прохрипел я, все еще не в состоянии полностью разогнуться.

Лиана принялась разматывать окровавленные бинты с пробитой в позавчерашнем сражении головы Антика.

… Зря я не давал ему лук. Он все равно его взял, ему бы хоть не пришлось тратить силы, сражаясь со мной.

Юджин подошел к недовольно поднимающейся с земли Лай-лай.

Она выдернула из каблучка стрелу и с сожалением погладила пальцем оставшуюся дырочку.

– Идиот… – сквозь зубы прошептала она, презрительно отбрасывая стрелу, даже не взглянув в строну Антика.

– Дура! – неожиданно зло сказал Юджин и, оставив шокированную Лай-лай в одиночестве сидеть на земле, подбежал к нам.

Тимур аккуратно подхватил Антика на руки.

Нам пора было уходить.

(4 октября)

– Я сделаю все, что в моих силах, – мрачно ответила Лиана на вопрос «Как он?». На языке медицинской этики это означало, что дело дрянь.

Мы стояли на месте, никуда не двигались: Лиа сказала, что тормошить его сейчас вообще нельзя.

Из палатки-лазарета она высовывалась только к костру, забрать котелок, или, наоборот, что-либо туда засыпать.

Длинные Антиковы волосы слишком сильно мешали, и ей пришлось их обрезать.

… Больше всего меня бесила Лай-лай, которую, казалось, волновали только поврежденные туфли.

(4 октября)

Я долго смотрел на низкий дощатый потолок, пытаясь хоть что-то понять.

– Очнулся? Ну наконец-то, – раздался надо мной скрипучий старческий голос: – Здравствуй, Кариджану.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – слабо поинтересовался я: – Вы что, волшебник?

– Угу, как же, – сварливо отозвался старик. – На тебе амулет именной.

– А-а, – несколько разочарованно протянул я. – Скажите, сколько времени прошло со вчерашнего вечера?

– Со вчерашнего вечера прошла одна ночь, – и, не дав мне опомниться, добавил: – Но если тебя это интересует, лежишь ты у меня уже третьи сутки.

– Ох-х! – простонал я, приподнимаясь на локтях: – Мне надо идти…

Эта неприятная мысль обожгла сознание. Снова идти из последних сил… Снова холодная мокрая осень, снова голод… И это чудовищное чувство одиночества!?

А тут тепло, уютно, спокойно…

– С ума сошел! – воскликнул старик, торопливо укладывая меня на кровать: – Ну куда ты пойдешь? В таком-то состоянии?

Сопротивления не было. Скорей, облегчение. Я поломался еще, чисто по инерции, и с облегчением погрузился в уютную сладкую полудрему.

Он прав. Действительно, где мне сейчас идти…

(5 октября)

Антику было хуже. С момента повторной травмы, он не приходил в сознание, то метаясь в бреду, то забываясь тяжелым нездоровым сном…

По просьбе Лианы, я попросил Тома (он когда-то был священником (!!!)) дать Антуану глухую исповедь (для ее собственного спокойствия – сомневаюсь, чтобы Антик когда-либо испытывал угрызения совести), а это уже пахло безнадегой.

Лай-лай – больше чем уверен, под влиянием Юджина – просила дать ей повидаться с Антиком.

Лиана удивилась, но пообещала ей, что если Антуан не будет в слишком уж глубоком забытьи, она ее позовет.

К маленькой, несмелой радости знахарки, ради такого события, как визит Лай-лай, Антик даже пришел в себя, и та смогла поговорить с ним. Не очень долго, конечно, но извиниться она успела. Антик сказал, что ей не за что извиняться, и вообще, он бы в жизни не посмел на нее сердиться. После ее ухода он снова отключился.

(6 октября)

Я сидел у костра. Было раннее утро, и почти все еще спали.

Я обернулся на звук шагов. Лиана подошла к костру, повернулась и посмотрела на меня. Я не смог разгадать, что выражают ее глаза, и внутренне содрогнулся, приготовившись к самому худшему и уже пытаясь мысленно с ним смириться.

Знахарка улыбнулась и усталым, замученным голосом проговорила:

– Ты не поверишь, Юссариан. Он пошел на поправку.

(7 октября)

Антику действительно стало лучше. Угроза его жизни отсутствовала, и Лиана разрешила продолжить путь.

Конечно, самостоятельно идти Антик был еще не в состоянии, и Лиана велела Тимуру его нести. Тимура это почти не утруждало, а Антик еще не настолько оправился, чтобы сопротивляться.

(7 октября)

Пишет Ка-ну.

Я совсем раскис. Два прошедших дня я пролежал пластом. Старик, принося мне еду, цокал и качал головой.

А что я могу поделать? Я ранен, мне на самом деле плохо.

Идти (что уж там, даже подняться) я не мог, и самым логичным сейчас было оправляться от травмы и собираться с силами.

Старик подло прервал мои самооправдательные думы. Нет, я ожидал, что сегодня он не оставит меня, а, скорее всего, попытается как-нибудь расшевелить…

Но – блин! – не ведром же ледяной воды в постель?!

Я, обалдевая, сидел на полу, выравнивая дыхание. Подлый дед заявил, что постель лежит в сундуке, и, если мокрое меня не устраивает, я могу перестелить.

Перестилать я ничего не стал. Не стал даже переодеваться, хотя выданная мне длиннополая рубаха вымокла насквозь. Подмокли даже бинты.

Я завернулся в большое теплое покрывало и весь день дремал в кресле, обиженно отвернувшись к стене.

Пришел старик. Я демонстративно его проигнорировал. Он подошел к креслу и потрепал меня по волосам.

– Принести тебе поесть?

Я принципиально не отвечал.

Он вздохнул и ушел.

Я зябко передернул плечами. Покрывало отволгло и уже не грело.

Я подобрался к постели – она уже высохла сама собой – и лег.

(8 октября)

У нас закончились припасы: на утро доварили остатки крупы.

Вечером, после долгого и непростого перехода, мы встали в небольшой роще. Пока разбивали лагерь и я параллельно думал, что же нам делать, вернулись развеселые Том с Айятой.

– А мы тут мельницу грабанули! – радостно воскликнула Айята.

Я поперхнулся водой.

– Айята! Ну ладно Том, с ним все понятно, но ты-то как до такого докатилась?

Девушка расхохоталась.

– Да ладно тебе, – сказал Томмазо: – Это в переносном смысле. Мы просто набрели на заброшенную мельницу и уперли оттуда один только мешок овса.

– Тогда ладно. Но вы уверены, что она заброшенная? Не мог вас кто-то увидеть?

– Однозначно заброшенная, частично погорелая. Поэтому и не все вынесли. Готовьте тут, а мы пока пойдем пополнять наши запасы.

Я отрядил вместе с ними еще Тимура. Мы развели костерок, поставили вариться кашу.

Погода была туманная, дождливая; дым стелился по земле и смешивался с туманом.

После ужина мы не торопились расходиться.

– Лай-лай, а может ты споешь? – предложила вдруг Айята. Сейчас они с ней мало общались, хотя когда-то были, вместе с Долорес, тремя лучшими подругами.

– Точно, давай! – поддержали еще несколько человек.

– О-о, нет, нет, нет! – протянул я. – Вот на песни к нам-то как раз кто-нибудь и пожалует…

– Юссариан, – повернулась ко мне Лай-лай; она сидела рядом с Антиком, и грелась его курткой; он начал оправляться от ранения, хотя оно не прошло для него бесследно: он ослеп на один глаз и хуже слышал. – Мы не громко… Можно?

– А я, хочешь, сверху послежу, – с готовностью сказал Гюстав.

– Ну… ладно, – согласился я.

… А я уже и забыл, как она поет. Так честно, так душевно. Голос ее, конечно, звучал не так, как три года назад, он стал глуше, даже несколько сипловатым.

Но пение ее все также завораживало…

Она спела несколько романсов и остановилась.

– Давайте разбавим лирику еще какими-нибудь песнями? –

предложил Том.

– Разбавляй, – разрешил я.

– Э, не. Я послушать хочу. Эй, шаман, ты ж вроде хорошо поешь? Знаешь какие-нибудь песни?

– Ну, знаю парочку.

– Давай, – сказал я: – Только что-нибудь повеселее.

Алекс поворошил палкой тлеющие угли, припоминая слова, и запел:

– Уходя от чужого безумия,
Подставляемся колким ветрам,
О тебе не тревожась, не думая –
Не в чем тут обвинять себя нам.
Наречешь нас врагами народными,
Проклянешь чередой длинных фраз,
Но не мы тебя предали, Родина,
Ты сама отказалась от нас.
Лишь застынет на озере-старице
Полумесяц прозрачной воды,
И метель, пуховая красавица,
Заметает за нами следы.
Мы с тобою отныне не связаны,
Как отвергнутый древом листок,
За любовь равнодушьем наказаны,
За горенье погасли не в срок.
Наши души, живые, нетленные
Мы не дали на цепь посадить.
Нас за это назвали смятенными,
Нас за это решили убить.
Ничего нам теперь не останется,
По пути нам лишь с вьюгой ночной.
Нам не ведомо, да и без разницы,
Что случится с больною страной.
Мы не стали при жизни героями,
Мы покинули дом в трудный час,
Но не предали мы нашу Родину,
Та сама отказалась от нас.
Но не предали мы нашу Родину,
Та сама отказалась от нас.

– Ох, тоска-то какая, – простонал я, закатив глаза: – Это называется "повеселее"? Что ж у вас за песни-то такие?

– Это у нас не песни такие, это у нас жизнь такая, – усмехнулся Лекс.

(8 октября)

Я сегодня проснулся рано и прислушался: зловредный дед гремел чем-то за домом. Что ж, сегодня он не застанет меня врасплох…

Я попытался встать. Не все было так просто. Больше всего хотелось оставить эту безумную идею и лечь обратно. Но я пересилил это желание и по стеночке добрался до двери дома.

Нога болела адски. Зря я это затеял. Надо бы вернуться…

Я выглянул на крыльцо. Холодный сухой воздух обжег легкие и кожу. Нет, я не хочу…

Безумно хотелось вернуться в постель, но у колодца я увидел уже набранное ведро воды…

Ну уж нет! Не дождется!

Очередным испытанием стало крыльцо. Оказалось, что хромать по ступенькам очень неудобно… Пришлось лечь грудью на перила и потихонечку, бочком спуститься…

Было холодно. Ну о-очень хотелось вернуться в дом…

С горем пополам я доковылял до колодца. Попытался поднять ведро. М-да, хорошо, что оно уже налито. В своем теперешнем состоянии, вытащить его из колодца я бы не смог.

О, боги. Зачем я вообще вышел из дома?

Из воды на меня смотрело бледное исхудалое лицо с выделяющимися скулами. Хуже я выглядел только во времена изгнания…

Я зябко повел плечами, мужественно снял рубашку и рывком поднял и опрокинул на себя ведро. Дыхание перехватило; вода затекла в глаза, нос и рот. Тело жестко ожгло холодом, мне показалось, что у меня едва не остановилось сердце…

Когда я, отфыркавшись и отплевавшись (и, наконец, снова начав дышать), обернулся, старик стоял на углу дома и лучезарно улыбался:

– А у Юссариана и правда ребята не промах.

– А то, – буркнул я, натягивая рубашку.

Старик, удовлетворенно хмыкнув, загремел посудой на кухне.

… Меня тревожила одна мысль.

– Скажите, у вас есть зеркало?

– Что полюбоваться захотел? – ехидно спросил старик: – Вон там, на двери.

Масштаб трагедии я оценил, и оценивался он концом света. Два с половиной года тяжелой, изнурительной работы отправились псу под хвост.

Я закрыл глаза рукой и со стоном уткнулся лбом в стену.

Не мое это. Не мое…

Ну и пес с ним.

– Любуешься? – издевательски поинтересовался старик.

– Угу, – промычал я и, паясничая, встал в красивую позу.

– Великолепно! – усмехнулся дед.

– Два с половиной года качался! – гордо заявил я.

Старик фыркнул и закрыл рот рукой, сдерживая смех.

Я тоже нервно засмеялся, попытался остановиться, но от этого только слезы проступили.

– Ну что ты? Будет тебе! Не стоит! – издевательски сказал дед.

– Идите вы, – отмахнулся я и пошел переодеваться.

Самым главным для меня, в любом случае, было догнать отряд.

На сколько же я от них отстал? Наверное, они уже миновали Агъерри. Это полдороги до Монтелика. И сколько же еще мне нужно времени на восстановление? День? Два? Неделя?..

А ведь, если я не догоню их у Монтелика, то, куда они пойдут дальше, я не знаю…

(9 октября)

День прошел относительно спокойно. К вечеру мы достигли Агъерри.

(9 октября)

– Подымайся, Кариджану! – взволнованно крикнул старик с крыльца.

– Только не ледяной водой! Пожалуйста! – вскрикнул я, торопливо принимая сидячее положение, чтобы произвести впечатление бодрствования.

– Напротив нас стоят цыгане, они могут взять тебя до Агъерри, вам по пути… Поедешь?

– Э-э-э…

– Решайся быстрей! Они скоро отъезжают.

– Еду! – я поднялся и начал торопливо одеваться.

Старик дал мне новую одежду, так как моя была в весьма прискорбном состоянии. В последнюю очередь накинул куртку и глянул в зеркало…

Идиот! Незнакомые люди ни за что не возьмут с собой потустороннего…

Я принялся копаться в вещах и нашел там темно-серый платок, который я повязал на лицо, и черную шляпу. На руки натянул перчатки, чтобы спрятать когти.

– Долго ты там? – крикнул со двора старик.

– Ща!

Эх. Прическа слишком приметная. Эти пряди…

– Они отправляются через пять минут!

Я схватил ножницы.

Две длинные пряди упали на пол. Эпично было бы кинуть их в камин, и сжечь, как символ прошлой жизни… Но волосы потусторонних не горят.

Ладно, останутся деду на память…

– Я готов! – мы со стариком столкнулись в дверях.

– О… – протянул он, взглянув на меня.

Я крепко обнял его:

– Спасибо! Вы очень помогли мне! Порой я вел себя глупо, простите! Всего вам хорошего!

Я дохромал до повозки и помахал ему рукой.

– Удачи! – крикнул он.

(12 сентября)

Ребята, к которым я прибился, оказались очень хорошими.

Их главный в шутку звал меня Мистер Икс.

Я аккуратно сказал лишь о том, что мне позарез надо попасть в Монтелик.

– От Агъерри ты пешком до Монтелика не дотопаешь, – сказал он мне: – Тебе нужен конь. Я мог бы отдать тебе коня в обмен на что-нибудь стоящее и научить ездить верхом.

Я достал наконечник копья – это было последнее, что у меня осталось от моего мира, да и вообще от всей моей жизни. Прошлой жизни.

Я усмехнулся, подкинул его в руке и протянул главному.

Он осмотрел его со всех сторон, поцокал языком и сказал:

– Этот наконечник стоит моего лучшего жеребца.

… Коня звали Кембия, что в переводе означает "ветер".

Главный рассказал мне, как им управлять, как подниматься в стременах. По-моему, проще некуда.

Мы вышли на дорогу, он дал знак залезать в седло. Тут я столкнулся с проблемой: непослушную раненую ногу задрать так высоко я не мог. Я решил обойти коня и попробовать с другой ноги.

– Стой! – главный, усмехнувшись, схватил меня за локоть: – Не подходи к коню сзади, двинет копытами – мама не горюй.

Он помог мне кое-как вскарабкаться в седло.

Я пустил коня шагом. Потом перешел на рысь.

Сразу вспомнил, что надо приподниматься в стременах.

Раненая нога тут же меня подставила и проскользнула в стремя. Я испуганно схватился за гриву коня. И, наверное, сделал ему больно…

Кембия встал на дыбы и понес. Я заорал и еще сильнее вцепился в его шею, пытаясь не упасть: на такой скорости, да на каменистой дороге это будет дорогого мне стоить…

Еще чуть-чуть, и я бы сорвался.

Главный пустил своего коня наперерез и, схватив Кембию за узду, остановил.

Помог мне выпутаться из стремян и спуститься на землю.

– Испугался?

Коленки и руки предательски дрожали, но я, через силу улыбнувшись, сказал "нет".

Главный, усмехнувшись, похлопал меня по плечу.

– Да, мистер Икс, не все так просто, как ты думал. Но не переживай, научишься.

(17 октября)

К полудню мы достигли Агъерри. Дальше мои попутчики сворачивали на запад, а я двигался в сторону Монтелика.

Я попрощался с ними и двинулся в путь.

(18 октября)

На привале я, впервые за две недели, позволил Антику пострелять из лука.

Первый выстрел был неудачным. Антик едва зацепил дерево, в которое целился. Он выхватил вторую стрелу. Она вообще ушла в сторону. Третья в ствол попала, но сбоку и слишком низко.

Антик сжал кулаки и прошептал:

– Ч-черт!

– Спокойно, – сказал я, потрепав его по плечу: – Дай себе время на восстановление. Такие ранения не проходят бесследно.

(18 октября)

Пишет Кариджану.

Как же у меня все болит… Особенно ноги. Мне никогда еще не приходилось скакать столько часов подряд.

Кажется, мое тело на меня нехило так обиделось.

Хоть помирай на месте…

Однако я встал и принялся седлать Кембию.

Надо ехать. Иначе я рискую не догнать отряд, и тогда… все кончено.

(21 октября)

К закату на горизонте показались башенки Монтелика.

Близко к городу мы подходить не стали, и разбили лагерь в лесу чуть западнее.

(21 октября)

Я гнал Кембию во весь опор.

С каждой секундой, с каждым метром меня все сильнее накрывала паника.

Вдруг я опоздаю? Это конец!

День уже клонился к вечеру. Я был в седле уже вторые сутки без сна, и понимал, что и этой ночью мне вновь не сомкнуть глаз.

Небольшая передышка: напоить коня и дать ему отдохнуть.

Снова в дорогу.

Я не смог вскочить в седло и тяжело опустился на землю. Давай же! Последний рывок!..

Кембия аккуратно сел на землю, давая мне возможность забраться.

– Спасибо! – растроганно прошептал я, когда конь поднялся – я знал, что это тоже для него непросто.

Мы скакали всю ночь.

К рассвету на горизонте показались башенки Монтелика…

(22 октября)

Я невесть зачем затягивал с выходом.

Что-то смутное и неосознанное подмывало остаться, постоять еще немного…

Но и останавливаться нам было нельзя.

– Ладно, выходим, – скомандовал я.

От Монтелика мы двинулись на восток. Навстречу рассветному Солнцу.

… Город медленно скрылся за холмом.

(22 октября)

Я спешился и медленно прошелся по стоянке.

Хорошее место. Я бы тоже его выбрал.

Я легонько поворошил ногой остывшие угли…

Я думал, что будет иначе. В том плане, что я буду иначе себя чувствовать. Я ожидал отчаяние, ярость, панику, слезы… Бурю эмоций и страстей. А была лишь пустота…

Я бредил Монтеликом всю последнюю неделю. Он стал для меня городом крушения надежд.

Я нервно усмехнулся.

В принципе, не невероятно догнать их теперь. Если знать, куда они повернули. Но отряд слишком хорошо прячет следы от преследователей. Даже от своих.

– Попробуем угадать? – скептически спросил я у самого себя, мысленно отметив начальную стадию помешательства. Мне категорически противопоказано одиночество.

Я раскинул руки и закрутился на месте, пока не потерял ориентацию в пространстве. Тогда – с хлопком соединил руки и открыл глаза.

– Вот туда, – развязно заметил я и, обратившись к Кембии, спросил: – Понял, куда едем?

И мысленно сделал вторую отметку.

Из последних сил забрался в седло и дал шпор коню.

(22 октября)

… Город медленно скрылся за холмом.

– У нас проблемы, – мрачно сказал Молния через какое-то время. – Я слышу стук копыт.

– Ты уверен, что это по нашу душу? Где? И сколько их? – напрягся я.

– Кажется, один. Остального не могу точно сказать.

– Гюстав, слазь, посмотри.

– Всадник. Один, – отрапортовал он из наблюдательной точки: – Движется стремительно, аккурат за нами. Сомневаюсь, что это совпадение.

– Что ж. Поступим так, – подумав, ответил я. – Вы постараетесь отойти подальше и спрятаться, чтобы он вас не видел. А я останусь здесь встречать "гостя" для переговоров. Ему не будет видно моего лица напротив солнца.

… Заметив меня, всадник осадил коня. Потоптался на месте, потом окликнул.

– Кто ты такой? – нарочито искажая голос, спросил я.

Он замялся, не зная, видимо, что ответить, потом резко, отчаянно крикнул:

– Это ты, Юссариан?

– Кариджану?! – ахнул я, настолько не веря своим ушам, что ущипнул себя за предплечье.

– Хвала богам! – нервно рассмеялся всадник, валясь из седла.

… Произошедшему чуду были рады все. Все, даже Корнелия, которая сказала что-то вроде: "вау, здорово, он вернулся".

Нам пришлось простоять на месте до обеда, раньше Ка-ну просто не приходил в себя.

Он изменился. Сильно. Поэтому я сначала его не узнал.

Как только он оклемался, ребята тут же пристали к нему с расспросами.

А потом я заметил, как он *чудовищно хромает* . Когда я спросил, почему, он просто закатал левую штанину до колена.

– Ч-черт, – прокомментировал я.

Ка-ну развел руками.

– Но, ты же… ты не сможешь… – я не знал, как сказать. Ранение было первым официальным поводом его отстранения от возможного командования.

– Я знаю, – сказал Ка-ну: – Я все понимаю. Ты прав. И я знаю, что так будет лучше для отряда!

Часть 3.

(29 октября)

Пишет Айята.

Юссариан получил тяжелейшее ранение в бою.

Лиана говорит, что о том, чтобы продолжить движение, не может быть и речи.

Юссариан говорит, что отряд должен двигаться, иначе окажется в западне.

Таким образом, встает вопрос о том, что двигаться отряду придется не полным составом, оставив Лиану и Юссариана здесь. Что, в свою очередь, ставит ребром вопрос о назначении нового командира.

Но Юссариан пока тянет с его назначением.

(30 октября)

Нас было семеро: Кариджану, Янги, Джуно, Корнелия, Антик, Лиана и я – тех, кто стал свидетелями назначения нового командира.

– Жаль, что не могу назначить тебя, Кариджану. Ты подавал большие надежды… О-ох! Выбрать-то не из кого. Янги, ты слишком безответственный. Юджина нельзя, он от власти сразу дуреет. Том, скорее, хороший солдат, но не командир. Да еще его воровские наклонности… Алекс тоже не командир, особенно учитывая его бзик на золото. Гюстав вообще клоун… Тим просто еще не знает всех тонкостей…

– А Антик? – спросил Янги.

– Янги, ты серьезно? – простонал Юссариан.

Я сдавленно захихикала.

– Далее, – продолжил Юссариан: – Молния – трус, каких свет не видывал. Девчонок я даже не рассматриваю. Самая сильная – и физически, и духовно – ты, Айята. Но ты тоже не командир. А еще, мне тебя жалко. Ты слишком положительная, светлая и мягкая. Если ты и справишься, это изменит тебя необратимо… Джуно, мальчик мой, ты моя последняя надежда.

Джуно встрепенулся и хотел возразить, но Юсс жестом его остановил.

– Да, я знаю, ты еще слишком юн, но… ты, скажем так, наиболее перспективный. Ребят, соответственно, помогайте, – Юссариан в особенности посмотрел на Ка-ну.

– Ну все, Юсс, довольно, – напряженно проговорила Лиана.

Юссариан упрямо не желал показывать, как ему плохо.

– Вы должны начать движение. Медлить больше нельзя.

Мы объявили отряду о новом командире. И торжественно принесли ему присягу.

Юджин сказал: "вздор!" Но присягнул.

Отряд продолжил движение.

(1 ноября)

Бунт вспыхнул неожиданно, и, вместе с тем, ожидаемо.

Ожидаемо, потому что мы знали, что конфликта с Юджином не миновать. А неожиданно – потому что мы не ожидали этого прямо вот сейчас.

Когда Юджин заявил, что командует отныне он, все как-то сразу стушевались и покорились. Все, кроме нас.

– Мы не присягнем тебе Юджин, – резко заявил Ка-ну.

– Ба, да вы только посмотрите, кто это говорит! Серый кардинал малолетнего командира!

– Что? – воскликнул Ка-ну. – Джуно официальный командир, как самый перспективный член отряда…

– Хорошая идея, Ка-ну, – рявкнул Юджин: – Использовать маленького в качестве символа – и узурпировать власть. Думаешь, я этого не понимаю?

Ка-ну задохнулся от возмущения и не нашелся, что ответить. И, воспользовавшись паузой, Юджин резко заявил:

– Либо ты присягаешь мне, либо проваливай!

Ка-ну ошалело уставился на него, не веря своим ушам.

Стоит ли говорить, что изгнание было для Ка-ну больной темой…

– Присяга или изгнание? – нетерпеливо повторил Юджин.

И Ка-ну присягнул. Встал в сторонке, кусая губы и ломая пальцы, не в силах простить себе предательство…

Мне было его ужасно жалко. Если он там один останется…

И я присягнула тоже.

– Знал, куда бить, сволочь!.. – сказала Юджину я, взглянув на Ка-ну.

– Далее… – подло копируя Юссариановскую интонацию, проговорил Юджин, переводя взгляд на Антика. Для Антика выбора не существовало: на той стороне была Лай-лай…

– Далее…

Янги и Корнелия, перепугавшись, разом кинулись к Юджину и присягнули.

– Ну что, Джуно? Ты все еще претендуешь на власть?

– Нет! – дрожащим голосом крикнул тот.

Юджин благосклонно позволил ему присягнуть, и мальчик бросился к нам.

– Прости нас, наш командир! – прошептала я, прижав мальчика к груди.

(4 ноября)

Отвергнутыми быть неприятно.

Мы грустно плелись в самом хвосте колонны.

Антик обычно терся около Лай-лай, но сегодня она, видимо, жестко его отшила, и он хмуро шел вместе с нами.

Остальные сторонились нас и старались не разговаривать, чтобы ненароком не навлечь на себя командирский гнев и не подвергнуться опале.

– Вы правда слышали, как Юссариан назначил Джуно? – украдкой подошел к нам Молния.

– Правда, – буркнул Кариджану. – Зря ты около нас крутишься, мы же отвергнутые.

– Я доверяю Юссариану, – ответил тот.

– И боишься Юджина, – едко заметила Корнелия.

Молния хмыкнул, но не ушел.

(5 ноября)

Больше чем уверена, что Лай-лай и Юджин нарочно сговорились подбить Антика на эту заведомо проигрышную дуэль.

Причем, вызывающей стороной был как раз Антик, поэтому право выбирать оружие было за Юджином. И он выбрал… шпагу.

Антик в ближнем бою – никакой боец. Да и после ранения еще не до конца оправился…

По договоренности, бой начинался, как только выпущенный из руки Лай-лай платок коснется земли.

Лай-лай разжимает руку…

И Юджин атакует Антика, со священным трепетом дожидающегося данного Лай-лай сигнала.

Если бы Юджин больше заботился о точности, а не о зрелищности, то первый же удар стал бы для Антика фатальным.

Впрочем, исход боя был предопределен, и это был лишь вопрос времени…

Антик в очередной раз чудом уклонился от выпада, и Лай-лай вскрикнула. Но это был не испуганный, а, скорее, восторженный вскрик. Она даже не пыталась этого скрыть. Антика это чуть не подкосило.

Он делал ошибку за ошибкой.

Но вдруг, решил мстить, и резко перешел в нападение.

За счет чего он переломил исход боя в свою пользу, было непонятно. В него словно бес вселился.

Он выбил шпагу из рук Юджина, сделал ему подсечку и повалил на землю. Замахнулся для последнего удара…

– Не убивай его!.. – истерически воскликнула Лай-лай: – Я его люблю!

В глазах Антика засверкала холодная ярость.

Юджин зажмурился, понимая, что его уже ничего не спасет. Кроме…

Металлически зашуршал выхватываемый из ножен кинжал. Лай-лай уперла его острие себе в живот и ледяным голосом проговорила:

– Убьешь его – умру и я.

Антуан побледнел и до крови прикусил губу. Рука со шпагой бессильно опустилась.

– Вот и славно! Вот и хорошо! – приговаривала Лай-лай, аккуратно оттесняя Антика от Юджина: – Я знала, что мы договоримся…

Вечером нашли какие-то ягоды. Юджин хотел их, но не знал,

съедобны ли они.

– Пусть кто-нибудь один попробует, и тогда, если с ним ничего не случится, можно будет есть и остальным.

– А если случится?

– Военные кампании не обходятся без потерь, – невинно развел руками он.

И посмотрел на нас, опальных.

Антика, после утреннего происшествия, он трогать поостерегся. Посмотрел на меня и почему-то отвел глаза.

– Ка-ну! Пробовать будешь ты.

Тот побледнел. И дрогнувшим голосом спросил:

– Почему я?

– Предлагаешь мне выбрать из вас кого-нибудь другого? – сухо осведомился Юджин: – Кого, например?

Это было подло. Ка-ну скорее пожертвовал бы собой, чем подставил кого-нибудь из товарищей.

Он со вздохом безысходности насобирал пригоршню ягод и мужественно их съел.

(6 ноября)

Ягоды оказались вполне съедобными, и Юджин насобирал их себе на завтрак.

Однако, когда мы уже уходили, оказалось, что мы поторопились с выводами.

Ка-ну, захрипев, с пеной изо рта, повалился на землю и забился.

Я была в таком ужасе, что просто не знала, что делать.

Юджин в панике бросился промывать желудок.

Потом он подошел к нам и нерешительно склонился над Кариджану…

– Что, испугался? – вдруг "ожил" и вскочил тот.

Юджин заорал и шарахнулся назад. Ка-ну злорадно захохотал, вытирая губы рукавом. Отряд взорвался смехом.

– А ну, цыц! – яростно рявкнул Юджин: – Извиняйся! Извиняйся немедленно!

Ка-ну демонстративно скрестил руки и отвернулся.

– Либо ты извиняешься, – ледяным голосом сказал Юджин: – Либо проваливай!

О-ох, он опять поднял больной вопрос для Ка-ну. Тот вскинулся, в глазах его мелькнула паника. Он постоял немного в нерешительности, потом сделал шаг к Юджину. Тот победно ухмыльнулся.

… Но вместо того, чтобы упасть на колени и молить о пощаде, Ка-ну плюнул Юджину в лицо, решительно развернулся и зашагал прочь.

– Вот как? – процедил Юджин, доставая платок.

По глазам Янги стало ясно, что у него появился новый герой… Янги восторженно подбежал к Юджину, но в полной мере повторять подвиг не решился и аккуратно сплюнул тому под ноги, после чего самодовольно развернулся и кинулся следом за Ка-ну.

Юджин умиленно улыбнулся ему в след, потом посмотрел на нас.

Мы застыли, в нерешительности глядя на остальных.

Лай-лай одарила высокомерным взглядом сначала меня, затем Джуно, демонстративно подняла глаза к небу, минуя Антика, и опустила их уже на Корнелию и Молнию. Антик побледнел. Лай-лай все сказала вчера, и сегодня поставила решительную точку.

Антуан развернулся на каблуках и деревянной походкой пошел прочь.

Я смотрела людям в глаза. Нет, они не решатся… Напоследок я испытующе взглянула на Мэу. Она почти не общалась со мной с тех пор, как мы подверглись опале.

Она отвела глаза. Она предала меня.

– Идем, мой командир, – я положила руку Джуно на плечо: – Они не пойдут. Они нас предали.

Корнелия печально поплелась за нами. Странно. Она была настолько подавлена, что даже не скинула, брезгливо морщась, руку Молнии, когда он, утешая, положил ее девушке на плечо… Сейчас ей нужна была любая поддержка. Даже нелюдская.

– Надеюсь, что ваша смерть будет не очень мучительной. Счастливой дороги! – бросил вслед Юджин.

… Мы остановились и стали думать, что же нам делать дальше. Джуно с Ка-ну и Янги начали бурное обсуждение дальнейшей тактики. Я подключилась. С интересом слушали Молния и Корнелия. Даже Антик повернул голову.

– Давайте сделаем вот как, – предлагал Янги, рисуя палочкой на мерзлой земле: – Мы изменим направление и пойдем на северо-восток. Это даст нам шанс скрыться от преследователей и спокойно искать принца…

Антик подошел… и перечеркнул исписанную землю сапогом.

– Мы откололись от отряда. Из ударной группы нас два с половиной инвалида, остальные даже не держали оружия в руках, – тихим, пробирающим до самого сердца голосом, говорил Антик, чеканя слова: – Мы обречены.

(10 ноября)

Вопреки мрачным предсказаниям Антика, мы до сих пор живы.

Ка-ну выточил себе трость-шест-кол. Что примечательно, из осины.

Мы двигались по небольшой рощице и дошли до полянки.

– Ш-ш-ш, – обернулся к нам Молния, идущий впереди: – Там кто-то есть.

На поляне был человек. Девушка. Она лежала к нам спиной и спала. Волосы у нее были короткие, как будто обгоревшие до середины. Огонь она не разводила. В руках сжимала арбалет.

Свернулась, как кошка.

Благодаря этой ассоциации, я ее узнала.

– Долорес… – прошептала я: – Долорес!

Я подбежала к ней и обняла за плечи; она, очнувшись, попыталась вырваться и направить на меня арбалет. Но, узнав, вскрикнула, и тоже заключила меня в объятия.

Лицо ее было наполовину в ожогах.

… Вскоре после возвращения Долорес, ее дом подожгли. Карл опоздал, дом был охвачен пламенем. Долорес с мамой и сыном были заблокированы в доме. Но четырехлетнего сынишку ей удалось выпустить к отцу через окно.

Но их стали преследовать… Дальше Долорес потеряла сознание…

Дом сгорел не полностью, и она осталась жива. Мама погибла. Карла с сыном убили во дворе.

Долорес, в одночасье потерявшая все, тайно похоронила их во дворе, взяла Карлов арбалет и ушла в леса. Мстить.

Поэтому Долорес и не разводила огня – теперь она его боялась.

(13 ноября)

Мы двигались через болото, и основательно заплутали среди дорожек.

Корнелия наклонилась к воде и с диким визгом бросилась прочь.

– Что случилось? – вскинулся Ка-ну.

Корнелия заскулила, указывая пальцем на темную воду.

Из воды показалась голова и злобно расхохоталась…

На дорогу выбралась болотница. Ростом она была человеку по пояс (ну… Антику по грудь). Кожа склизкая, как у рыбы, частично покрытая чешуей. Мокрые, лоснящиеся волосы зачесаны назад. Лицо несимпатичное, высоко посаженный вздернутый нос, маленькие раскосые глазки. Длинный, похожий на крысиный, но только в чешуе и очень послушный, хвост.

– Заблудились? – злорадно осведомилась болотница.

Я перехватила инициативу и вежливо заговорила:

– Да. Не могла бы ты показать нам дорогу?..

– Три желания, – цинично отозвалась та.

– Что? – не поняла я.

– Выведу, если исполните три моих желания, – презрительно пояснила болотница.

Мы посовещались.

– Хорошо, – сказала я. – Загадывай.

Болотница осклабилась и сказала:

– Первое. Угостите меня чем-нибудь вкусненьким.

С "вкусненьким" у нас, конечно, была проблема. Но в результате долгих поисков, Джуно нашел в своей сумке несколько печенюшек.

Болотница подозрительно на них посмотрела, надкусила, и удовлетворенно кивнув, захрустела.

– Второе, – сказала она, смахивая крошки с лица: – Подарите мне какую-нибудь хорошенькую вещицу.

– Какую именно? – уточнил Джуно.

– Я за вас и придумывать, что ли, должна?

– Ну… у меня платье есть запасное, – протянула Корнелия. – Если ему подол обрезать, как раз ей подойдет…

Корнелия болезненно покривилась, когда ножницы коснулись ткани, а также, когда в нее вцепились грязные короткие пальчики.

– Неплохо, – кивнула болотница: – Ну и третье, – она сделала многозначительную паузу: – Пусть один из вас, меня поцелует.

– Кто? – осторожно спросила я.

– Ну, не баба, ясен пень! И не самый маленький.

Янги, Ка-ну, Молния и Антик собрались в круг.

Бросили жребий. "Повезло" Ка-ну.

Потусторонний с мрачным видом подошел к болотнице.

Она с готовностью подставила губки.

Ка-ну, стараясь морщиться как можно незаметнее, смахнул оставшиеся крошки с мерзкой мордашки.

Потом прикоснулся к ней губами. А не просто чмокнул воздух рядом с ее губами.

Болотница испытующе на него посмотрела: что он будет делать дальше, не примется ли сразу отплевываться…

Ка-ну испытание прошел.

– Ладно! – удовлетворенно потянулась болотница: – Так и быть, буду вашим проводником по этому болоту. Ступайте за мной!

(19 ноября)

Несмотря на все предосторожности, на нас все-таки напали. Мы вынуждены были принять бой.

… Корнелия не видела арбалета. И я уже не успевала ее спасти. Никто не успевал. Кроме…

Молния толкнул девушку, выбивая с линии огня. Она споткнулась, чуть не упала, и хотела уже наброситься на него с претензиями… Тот медленно оседал на землю с болтом в груди.

Корнелия исступленно вскрикнула и подхватила Молнию, не дав ему упасть.

– Надо уходить! – сказал Ка-ну, перехватывая раненого товарища.

– Да, уходим! – скомандовал Джуно.

Едва мы ушли от преследователей, пришлось остановиться. Молнии было совсем худо.

Мы разбили лагерь на небольшой полянке.

Антик вытащил болт. После ранения, когда он не мог сражаться, ему часто приходилось помогать Лиане, и поэтому он немножко получше нас разбирался в вопросах медицины. Он, конечно, сказал, что безнадега полная, но он вообще в последнее время был неисправимым пессимистом…

Молнии было очень плохо. Он метался, кривился, до крови кусал губы (зубки у него были мелкие, острые, частые, как у рыбы).

К полуночи он вообще впал в беспросветный бред и рассказал, что он нанятый шпион министра, специально засланный к нам для слежки. Но он очень быстро перестал передавать им информацию. Сразу. Так себе был шпион.

– Час от часу не легче, – простонал Ка-ну. – Хотя тут все логично: они знали, что подосланного человека Юсс раскусит сразу, а вот спринтера – даже не заподозрит.

– Как же все запутано, – проговорила я.

Потом меня попросили сходить за водой. Я взяла котелок и пошла к ручью.

На краткий миг мне показалось, что из отражения на водной поверхности на меня взглянула нимфа Солнце.

Она воспитывала меня до восьми лет. Но она правильно поступила, отправив меня к Юссариану. Нимфы не взрослеют, тогда как люди…

Бог мой! Мне ж без двух лет тридцатник!

Солнце годится мне, ну, не в дочки, конечно (пока!), но всяко во младшие сестры.

И да, ребята правы, очерченные скулы мне не идут…

… Мэу была моделью, я увидела ее на показе мод, и жутко завидовала восторгу, который у друзей вызывала ее точеная фигурка.

Я хотела с ней подружиться, но между нами вышел конфликт. В результате, одним из заявлений Мэу было, что я никогда не смогу просидеть хотя бы несколько дней на модельной диете. А я приняла вызов.

Отряд ужаснулся, все пытались меня отговорить.

Я выбрала одну из самых жестких программ. В результате, за несколько дней она чувствительно подкосила мои силы. Что едва не кончилось для меня гибелью в бою.

В одной из схваток, меня столкнули со стены остова разрушенной крепости. На земле под ним как раз были камни. Но меня спас Ка-ну. Он прыгнул и поймал меня в полете, изменив траекторию моего падения, и мы аккуратно приземлились на траву в стороне от стены. Ну как… Меня он кидал аккуратно. Сам приземлялся, как получилось. Почти месяц потом хромал, бедняжка.

Я поняла, что вела себя глупо. Когда у тебя каждый день может произойти ситуация с риском для жизни, так делать нельзя.

А вскоре на модельное агентство Мэу напали. Она очень удивилась, когда я спасла ее. Она думала, что я не прощу ей оскорблений.

Мэу, пообщавшись с нами, не смогла больше работать в своем полном лицемерия агентстве и сбежала к нам на следующий же день.

Мы были такими подругами! Как жаль, что все в прошлом…

Я набрала воды и вернулась в лагерь.

– Спасибо. Повесь на огонь, и сходи, пожалуйста, еще за хворостом, – сказала Долорес. Сама она к костру не приближалась.

Долорес, под руководством (скорее, присмотром) Антика, занималась раненым. Он был совсем плох.

Мне было значительно комфортнее, когда мне говорили, что делать. Юссариан прав, я не командир.

– Хорошо. Сейчас только, отдохну секундочку…

Я прислонилась спиной дереву и на секунду прикрыла глаза.

Открыла.

… Полуденное солнце било в лицо.

(20 ноября)

– Доброе утро! – радостно сообщил Янги.

– А-а-а! Почему вы меня не разбудили? – вскинулась я.

– Тебе нужен был отдых, – Долорес похлопала меня по плечу.

– Ка-ну с Антиком пошли на охоту, – сказал Янги.

Я скривилась. Умерщвление животных пусть и по необходимости, по-прежнему казалось мне чудовищным.

– Конец нам! – истерически выкрикнул Кариджану, выскочив, тяжело опираясь на свой шест, на поляну.

– Что случилось? – вскрикнул Янги.

– Где Антик? – вскинулась Долорес.

– Не знаю, – отмахнулся Ка-ну: – Прячьтесь быстро!

– Твою мать! – не выдержал Янги: – Ты прилетаешь на поляну, городишь какую-то чушь, не можешь ответить на вопрос, не знаешь даже, где твой товарищ… Неврастеник чертов!

– Да стой! – ответил тот, наконец, взяв себя в руки: – Антик погоню уводит. А я вас предупредить должен, что нам надо прятаться, нас ищут…

Спрятаться мы успели едва-едва.

На поляну вышли три воина и шаман.

– Давай, ищи, – грубо сказал один из них шаману, тот явно не пользовался в этой группе большим уважением.

Ну все. Сейчас посмотрит по энергетике…

– Тут все глухо, – неожиданно сказал шаман.

– В смысле, никого нет? – не понял воин, со скучающим видом протыкая мечем кусты.

– В смысле ничего не определить – все глухо! – снисходительно пояснил шаман.

– Может, просто ты глухой? – грубо бросил другой вояка: – Или тупой?

Мечник, протыкающий кусты, подбирался все ближе. Я припала к земле, прижав к себе Молнию. Он нахмурился, чуть помотал головой. Только не сейчас, прошу…

– М-м-м, – вдруг простонал шаман, сжав виски (принимал сообщение): – На запад. Они пошли на запад.

Кончик меча замер напротив моего лица. Меня прошиб холодный пот.

– Уверен? – с сомнением спросил воин.

– Да. Там их дозорного видели.

И они ушли…

– Ничего себе… – прошептала я: – Это вообще как?

– Ну, я же тоже немножечко подколдовываю… – усмехнулся

Джуно.

Антик вернулся, когда уже совсем стемнело. Мы, почему-то, так перетрусили, что встретили его с оружием наизготовку.

Антик на это ничего не сказал, просто без сил повалился на землю.

Он был мокрый с ног до головы – пришлось бежать по ручью, чтобы сбить след.

Правая рука висела плетью – было вывихнуто плечо.

– Кто-нибудь умеет вправлять вывихи? – поинтересовался Ка-ну.

– Я умею, – мрачно доложил Антик.

– Великолепно, – вздохнула Долорес.

Антик сумел кое-как объяснить Ка-ну, как вправлять плечо. И после долгих мучений ему все-таки это удалось.

Молнии стало совсем плохо. Антик просто вырубился, уронив голову на руки, почти как я вчера. Все равно, вряд ли он смог бы сказать нам что-то новое касаемо лечения, и мы не стали его трогать.

Мы крутились вокруг Молнии всю ночь, до самого рассвета. Видимо, он переживал кризис.

К утру ему стало чуть лучше.

– Ну, может, и оклемается, – прокомментировал впоследствии Антик.

(25 ноября)

Молния таки выкарабкался. Мы даже смогли продолжить движение.

Он был в замешательстве по поводу того, как прокомментировать свой шпионаж. Но Ка-ну сказал, что, судя по всем фактам, он такой бездарный шпион, что может даже не извиняться.

Молния так и не определился, радоваться ему или обижаться.

(28 ноября)

Они сидели у ручья. Молния пришел туда умыться; она просто так. За компанию.

У ручья было тихо и туманно.

– Это сильно, – сказала она: – Что ты спас меня.

На губах Молнии мелькнула улыбка.

– Что ты, Нели, я не мог поступить иначе.

Он зачерпнул воды и стал умываться. Девушка ухватила прядь его светлых волос и попыталась заплести косичку.

– Эй, Нели! – он освободил прядь от ее руки и отодвинулся; она засмеялась, придвинулась к нему, пытаясь ухватить его за волосы. Он схватил ее руки и легонько ее пощекотал. Девушка с визгом и смехом повалилась на сухую траву, ухватив его за плечо и увлекая за собой.

Он уперся рукой в землю, на четвереньках стоя над ней. Она хихикала, лежа на земле…

– Знаешь, Нели… – сказал он; девушка затихла, внимательно посмотрев на него веселыми глазами…

– Эй, вы! – заорал Ка-ну, швырнув в сторону ручья котелок; тот долетел до середины расстояния, покатился по склону и с громким всплеском шлепнулся в ручей, подняв много брызг: – Раз уж вы тут, воды наберите!

(29 ноября)

Отряд поймали. В какой момент мы пропустили опасность я так и не понял.

Пока Том, Гюстав и остальные отчаянно пытались не даться в плен, я почему-то оказался на самом краю поляны. В голове вдруг мелькнула шальная мысль. Я же могу уйти!

Я отступил назад. Но никто этого не заметил. Я сделал еще пару осторожных шагов…

Они меня не видят!

Я не верил в то, что мне могут позволить уйти, и тем не менее…

Я отошел от поляны недалеко и присел позади здорового выворотня.

Боже, что же я делаю!? Как крыса с тонущего корабля!..

Ладно, меня все равно найдут. Разве это укрытие от тех, кто прошерстил каждый сантиметр этого леса, чтобы поймать нас?..

Но ловцы не приходили за мной.

– Че-о-орт! – простонал я и бросился назад, на поляну. Плевать, сдамся сам!

Но на поляне никого уже не было…

Я коротко и непечатно охарактеризовал ситуацию.

Ну ничего себе? Кавалеры, ау! Ничего, что у вас командир отряда сбежал?!

– Ау-у! – что есть силы заорал я: – А меня не пойма-али!

… Ну, поймайте же меня!..

Я ждал минут с десять. Потом меня забило нервной дрожью, и я, сжав виски, опустился на землю.

Господи! Что же я наделал?!

(30 ноября)

Двигались весь день. Остановились только на ночь.

… Сначала они сняли часовых.

Ка-ну зажали лицо платком, пропитанным сонным зельем. И так и оставили лежать рядом с ним. Я очень боялась, что он надышится этой дрянью до полусмерти.

Антику заломили руки (в том числе, вывихнутую) и повязали.

Крик поднял Янги. Но его быстро заставили замолчать ударом по челюсти.

Нас, девушек, сильно бить не стали. Пожалели и Джуно.

Их командир начал было разговор с Молнией, но тот заявил, что будет драться до последней капли крови. "Крови" ему, впрочем, хватило на один пинок. Командир презрительно сплюнул, убирая даже не потребовавшуюся шпагу.

Нас заперли в повозке. Я, Корнелия, Долорес и Джуно были отделены от ребят толстой решеткой. Повезло только Молнии, он оказался ближе всех к нам, и Корнелия сидела, держа его голову.

(1 декабря)

Дорога была ужасная.

К ночи нас доставили в город.

Повозка остановилась. В городе, видимо, были какие-то гуляния. На площади что-то жгли. Слышались крики.

Да, я тоже слышала среди огромного количества криков женский голос. И даже не один. Но не придала значения.

Антик подскочил, как ужаленный:

– Это был голос Лай-лай! Это был Ее голос!

Он подорвался и принялся колотить по двери.

– Антик, уймись! – проскулил, зажимая уши, Ка-ну.

Сбоку кто-то чертыхнулся и тяжелыми шагами направился к двери.

– Антик, назад! – испуганно закричала Долорес, но было уже поздно…

В распахнутой двери возник разъяренный стражник, схватил Антика за ногу, жестко швырнул на землю и добавил несколько ударов сапогом.

Нас тоже вытолкали наружу. Корнелия поскользнулась и упала, я споткнулась о ее ногу и упала тоже.

Стражник ткнул меня древком в спину. Хорошо, что не Корнелию, она бы заплакала.

Нас швырнули в темницу. Совсем пустую. Две решетки напротив.

У нас, женщин и детей, хотя бы было достаточно соломы. Парням не повезло, у них она была только в одной половине камеры.

Зато у нас было зарешеченное окно под потолком, из которого нещадно дуло и летел снег.

– Антик, подымайся! – устало сказал Ка-ну: – Если ты застудишь себе почки, лежа на камнях, легче тебе не станет.

– Я слышал ее голос, – не двинувшись, сказал тот.

– Чей? – скептически уточнил Молния, устроившись в углу на соломе.

– Что? – переспросил Антик.

– Чей, говорю, – повысил голос Молния.

– Лай-лай.

– Ну, конечно, никто не слышал, а ты слышал, – пробубнил спринтер.

– Что?

– Говорю, безусловно, Антик! Ты даже меня сейчас не слышишь, но ее-то ты слышал!

– Молния, – тихо попытался осадить его Ка-ну.

– Да, слышал! – резко вскинулся Антик: – Они в городе! Их сожгли на площади! Вот летит их пепел!

Антик метнулся к окошку, что было на нашей половине, и натолкнулся на решетку, разбив бровь.

– Антик, а без членовредительства ну совсем никак нельзя было? – простонал Ка-ну, подхватив его под локоть, чтобы не дать ему упасть.

Антик освободил свою руку, и сел, прислонившись к стене.

– Не хватало нам помешанного в отряде… – пробурчал Молния, отворачиваясь к стене.

– Заткнись! – зашипел Ка-ну: – На кой ты вообще до него докопался? Ну, слышал и слышал.

– Да не мог он ничего слышать! – прорычал Молния: – Че ты на меня бросаешься? Неврастеник чертов!

У Ка-ну сверкнули глаза.

– Ради бога! Только не бей его, – попросила Корнелия.

– Не буду, – процедил сквозь зубы Ка-ну: – Я не бью инвалидов и убогих!

Джуно прикрыл глаза рукой:

– Интересно, что бы сказал Юссариан в такой ситуации? – мальчик повернулся и как рявкнет на спорщиков: – Ну-ка тихо! Прекратили грызню!

(1 декабря)

– Вот черт!

Том качнулся с пятки на носок.

Они стояли на площади, разоруженные, в окружении стражи и бушующей толпы. Гюстав, встав на цыпочки (хотя, при его росте, зачем?) всматривался по сторонам.

– Чего выглядываешь? – мрачно осведомился Томмазо.

– Юджина. Я думаю, он уже должен бы быть здесь…

– Юджин, сволочь, – процедил сквозь зубы Том. – Бросил нас и сбежал.

– А я так не думаю! Он не мог просто сбежать! У него наверняка есть какой-то хитрый план…

– Есть. Угробить отряд и сбежать. Это он привел нас к погибели! – резко ввернул Тимур.

– Отряд угробил не Юджин, – мрачно бросил Том: – Отряд угробили мы. Все. Видели же, что он не то делает, но никто ничего не сказал…

– И что нам делать, Том? – проскулила Акира.

– А че вы меня-то спрашиваете? Я че, крайний? – огрызнулся тот.

Гюстав хмыкнул:

– Ты, типа, за главного.

– Вы тупые бараны! Ничего не можете без кого-то, кто будет вам говорить, что делать. А сами только плачете и ждете, что командир все за вас решит…

– Ты такой же баран, как и мы, Том! – обиженно крикнула Мэу.

– Вот именно! Я такой же баран! Я тоже хочу ничего не делать, кроме как плакать и надеяться на командира!

– Знаешь, Том, – после небольшой паузы сказал Тимур: – Из твоих уст слово "плакать" звучит как-то… совсем уж удручающе.

Том усмехнулся. Поднялся на носках, пытаясь разглядеть, что происходит в толпе.

– Эй, Гюстав, тебе видно, что они там делают?

– Они там, походу, что-то жечь собираются. Хвороста вон натащили… – сказал Гюстав легкомысленным тоном.

Том поднял брови:

– Ты тупой или притворяешься? Нас они, походу, жечь собрались…

Повисло молчание.

– Алекс, это ты там когда-то говорил про огненное погребение? – спросил Том.

– Ну, не живьем же… – выдавил тот.

– Ну, может они нас сначала убьют, – оптимистично заметил Гюстав.

–… Да-а, мы в опале, – мрачно заметил Тимур.

– В полной, – согласился Том.

… Том с обреченным спокойствием наблюдал, как его и остальных привязывают к столбу.

Толпа возбужденно гомонила.

Лай-лай страдальчески морщилась. Сразу после ухода Антика, Юджин с ней порвал. Она запрокинула голову назад и крикнула:

– Анти-ик! Прости-и!

"Палач" чиркнул огнивом. Искры посыпались на хворост, но тот не занялся.

Со свистом рассекая воздух, прямо под ноги ему прилетел и разорвался огненный снаряд. Брызги пламени полетели во все стороны.

– Вот же черт! – прошипел Том, пытаясь отвернуть лицо.

"Палач" с криком повалился.

В толпе произошло смятение, а вскоре то там, то тут тоже начали разрываться такие же снаряды. Загорелось несколько ларьков.

Поднялась паника.

На площадку к приговоренным выскочил человек и, подбежав к Тому, перерезал веревки. Том ошалело уставился на него.

– Ну что застыл, недоумок?! – гаркнул тот, швыряя ему второй нож: – Развяжи остальных!

Человек подбежал к Гюставу, перерезал веревку.

– Юджи-ин! – радостно заорал тот.

(2 декабря)

– А я знал! – Гюстав, едва мы отошли от города, заключил меня в объятия, с целью, очевидно, сломать ребра: – Я знал, что ты обязательно вернешься за нами!

– А я не верил! – улыбаясь из-под капюшона, сказал Том и двинул кулаком мне по плечу: – Думал, что ты просто струсил и сбежал!..

– Ну, вообще-то, так оно и было… – смущенно пробормотал я.

Я подошел к поваленному дереву и сел.

– О-ох! Господи, что же я натворил?! – воскликнул я, опустив голову на руки: – Ребят, нам надо срочно отыскать и вернуть Джуно и компанию!.. Том, Алекс пойдете со мной?

– Возьми еще меня! – подорвалась Мэу: – Я должна как можно скорее повидаться с Айятой.

– Давай, – кивнул я: – Гюстав, останься за главного.

– Господи, как же часто у нас в последнее время меняется власть… – проговорил Тимур, усмехнувшись.

Нам нужны были еще три коня – со мной был отжатый у Кану Кембия.

За ними сделали вылазку в город.

… – На этом, чур, еду я! – сказал я, застолбив себе одного из коней: – А шального Кембию отдадим Алексу.

– Это еще почему?

– Потому что ты лучший наездник, чем мы, – сказал я

– Потому что тебя не жалко, – в один голос со мной проговорил Том, предоставив шаману самому выбрать понравившуюся версию.

Мы отправились в путь.

(5 декабря)

Мы двигались на север.

За ночь резко похолодало; пришлось достать теплые вещи.

У меня была куртка на меху, у Тома полушубок, у Мэу – длинная шуба. Теплые рукавицы, шапки и сапоги.

Когда я увидел "теплую одежду" Лекса, мне стало дурно. Нет, для Византии тоненькое пальтишко, легкая шапочка и шарф, кожаные перчатки и демисезонные сапоги, может, и являлись зимней одеждой… Но не для севера континента при сорокаградусном морозе!

Делать было нечего, выехать пришлось, как есть. На ходу скинуться, кто чем мог: Том отдал длиннополую подстежку полушубка, Мэу – свою муфту, я – шерстяной шарф.

Муфта для верховой езды – вещь малопригодная, и, чтобы держать узду, стучащему зубами и сосульками из носа Алексу приходилось отдавать на откуп то одну, то другую руку.

Небо было прозрачным как стекло; лишь часам к трем после полудня стали сбиваться облака; через час пошел снег. Лошади безбожно вязли в снегу, что серьезно снижало нашу скорость.

К сгущению сумерек мы доползли до деревни и попросились на ночлег. Пока полутруп Лекса отогревался у камина, паря ноги в горячей воде и, по рекомендации Тома, приняв 100 грамм "горячительного", мы добежали до лавки и достали для него нормальную одежду. А ещё, продали лошадей на конюшню (эксплуатировать их в таких условиях было немилосердно) и приобрели четыре пары лыж.

(6 декабря)

– Знакомься, Алекс, – бросил я, вручая ему его новое средство передвижения: – Это лыжи. Лыжи, это Алекс.

– Вообще-то, я знаю, что это, – недовольно хмыкнул шаман.

– Ага, у Инвара в инвентарной видел, – хохотнул Том. Шаман обиженно засопел.

– Мы сами-то, Том, их только там и видели, – осадил его я.

– За себя говори! – самоуверенно вскинулся тот.

– Ну-ну! – я задумчиво поковырял ногой снег: – Предлагаю состязание. Кто больше раз упадет, тот и проиграл…

Алекс брезгливо ковырял носком огромного теплого сапога лыжное крепление. Лыжа вдруг скользнула вперед под его ногой, и он с криком, загремев палками, рухнул на снег.

– У Алекса уже есть одно очко, – ухмыльнулся Том.

– Не, не считается, – осадил его я: – Выйдем из деревни и начнем считать.

Мэу первой дошла до околицы, сверилась с картой, надела лыжи и углубилась в снег, уверенно прокладывая нам лыжню. На лыжах она каталась лучше нас. Ее учил Инвар. Не то чтобы она горела желанием учиться, но ей было интересно его общество…

– Время пошло, – ухмыльнулся Том, опуская лыжи на землю.

Алекс сосредоточенно затягивал крепление на сапоге; лыжина поехала, он шлепнулся и выругался.

– Очко, – констатировал Том.

Два.

– А ведь он еще даже не надел лыжи… Хо-хо! Три!..

– Том! – зарычал я: – Это не смешно. Лучше б помог.

Томмазо вздохнул, снял лыжи и подошел к барахтающемуся в снегу шаману.

– Давай руку!

Алекс встал и снова едва не рухнул.

– Алекс, ё! – заворчал Том, кое-как придав шаману вертикальное положение: – Ты можешь просто постоять ровно?

– Да как на этом вообще можно ровно стоять?! – взвыл шаман.

Я застегнул крепления на его лыжах и пошел обуваться.

– Я иду вторым, – заявил Том: – Ты последний, Алекс, пойдешь по проторенной лыжне, чтоб было легче.

– А-ау! – вскрикнул шаман, рухнув на землю, едва Том отпустил его.

Черт! Я не успею обуться раньше Тома!..

Томмазо затянул крепления и, ухмыльнувшись, лихо обогнал

меня и встал на лыжню.

Носки лыж скрестились, и Том, охнув, нырнул в снег.

– Один – ноль! – язвительно сказал я, обгоняя его. Том недовольно засопел.

Лекс наконец распутал свои ноги и лыжи и поднялся. Попытался выйти на лыжню… Носки лыж нырнули вглубь, и шаман, взвыв, повалился в снег.

"Пять", – подумал я…

Лыжные прогулки никогда не были моим хобби.

Лыжа наехала на лыжу, и я сосредоточенно их разъединял. Я уже почти вытащил носочек правой лыжи из-под левой, но потерял равновесие и завалился на бок.

– Восемь – пять! – едко заметил Том и попытался обойти меня по снегу. Но попытка оказалась неудачной.

– Восемь – шесть! – мстительно констатировал я: – Ты Алекса считал?

– Он вне конкуренции. Я сбился со счета. Но тысяча, думаю, будет. Тысяча один.

– Тысяча два, – поправил я: – Дождемся его?

– Ага. Все равно Мэу вперед ускакала… – Томмазо презрительно сплюнул: – Ласточка!.. Улетела, даже не ждет нас! Вот пусть теперь возвращается!

Мэу, увидав, что мы безнадежно отстали, развернулась и двинулась нам навстречу.

Пока девушка бежала назад, Алекс навернулся еще ровно десять раз. Да-да, мы считали.

– Ну, по крайней мере, он движется поступательно, – вздохнул я.

– Я же говорил, давай возьмем снегоступы.

– Так, лыжи же быстрее, – сказала Мэу.

Мы с Томом переглянулись, затем выразительно посмотрели назад.

– Да! Вышла тактическая ошибка, – признала девушка: – Но теоретически, максимальная скорость лыжника выше максимальной скорости человека на снегоступах, – Мэу грустно глянула назад и вздохнула: – Купим снегоступы в ближайшем поселении.

– Может, ему попробовать только палками толкаться? – Том мрачно посмотрел на меня.

– Не, он тогда назад валиться начнет, и его движение вообще перестанет быть поступательным.

– Смотри, целых два шага прошел! Без падения! Новый рекорд! – ухмыльнулся Том.

– Тысяча двадцать один, – шепнул я.

Алекс сократил разрыв и уже мог, при желании, дотянуться до нас палкой.

– К черту! – гаркнул он, резко надевая слетевшую шапку; в шапке был снег, который сразу же высыпался ему на лицо.

Мы с Томом едва сдержали смех.

– С меня хватит! – шаман вытряхнул ноги из креплений (ну как: один сапог из крепления, вторую – ногу из сапога) и недовольно натянул слетевший сапог: – Я пойду пешк…

Рассыпчатый, мягкий как пух снег успешно заглушил его голос. Провалился он почти по грудь, и окунулся лицом. Руки картинно раскинуты, подобно крыльям. Левая нога, так и не доделав второй шаг, была кокетливо поджата.

Несмотря на явный промах, Лекс не сдался, и зашебуршился в снегу (очевидно, решил двигаться вплавь).

– О-о-о! – вздохнул Том, за шиворот вытаскивая шамана из ямы и усаживая на свои лыжи. Я развернулся и палкой подцепил лыжи Алекса.

Как только "конструкция" была восстановлена и приведена в вертикальное положение, я двинулся вперед и случайно подрезал Тома, наехав прямо на его лыжи.

– Черт! – рявкнул Том, повалившись в снег, и принялся выуживать вывернутые лыжи из-под меня.

– Ха-ха, извини! Восемь – семь!

Том ткнул меня палкой в ногу.

– Да вы больные?! – рявкнул Алекс. В вертикальном положении он продержался недолго и завалился прямо в проделанную им же яму: – Еще вы тут лыжню ломать будете! – и совсем уж отчаянно: – Я ж и без вашей помощи упаду-у!

– Ну, в этом есть свой плюс. Алекс потрясающе заметает следы: в том, что остается после него, навряд ли кто-то опознает лыжню… Алекс, блин! – взвыл Томмазо, кувырнувшись-таки в снег: – Не считается, Юджин! Это Алекс на меня сзади наехал!

– Ну извини! – сказал шаман таким тоном, что я поневоле позавидовал его умению извиняться так, чтобы виноватым себя почувствовал пострадавший.

… – Пятьдесят восемь – шестьдесят три, – устало выдохнул я.

Том поднял лицо из снега и сказал:

– Юджин, а ну упади еще пять раз!

– Хе-хе-хе, – невесело усмехнулся я.

Ноги подкашивались, лицо горело. Темной беззвездной ночью в лесу отчетливо были видны лишь две полосочки лыжни.

Силуэт Мэу маячил далеко впереди, Алекс отстал метров на сорок.

Утешала лишь мысль, что Мэу обещала найти первую же

поляну для ночлега, развести костер и сварганить что-нибудь на ужин.

От лыжни мой взгляд оторвал окрик Тома:

– Алекс, встань и иди!

Темнеющий на снегу силуэт не шевельнулся, а только страдальчески взвыл.

Я вздохнул и развернулся. Том уже чесал по направлению к нему.

– Алекс!

– Ненавижу! Чертов снег! Чертовы лыжи! Чертова зима! Будь она трижды проклята!!! – причитал шаман.

– Алекс, ну давай! Пошли, – страдальчески простонал я.

Шаман перешел на неизвестный нам язык и, судя по интонациям, проклинал нас и наших потомков до десятого колена.

Вдалеке замерцал костерок.

– Ну же, чуть-чуть осталось…

Шаман завозился и, тяжело оперевшись на палки, встал, но через шаг запнулся лыжей за лыжу и, громыхнув палками, повалился снова.

– У-у-у! Зачем я во все это ввяза-ался!? – совсем уж отчаянно взвыл он, неподвижно лежа на снегу.

– Давай! – сочувственно вздохнул Том: – Чуть-чуть осталось, метров триста.

– У-у-у! – заскулил Алекс.

Сделал еще один отчаянный рывок, но так и не поднялся на ноги, повалившись ближе на полшага.

Том раздраженно зарычал, стащил с плеч рюкзак с поклажей и передал мне: "Я догоню".

– Алекс! – Том поднял его за шиворот и поставил на ноги.

– Я никуда не пойду! – надсадно взвыл тот: – А-ай!

– Не иди! – Том раздраженно закинул его руку себе на плечо и, перехватив свои палки в одну руку, потащил Алекса вперед по лыжне. Тащить было неудобно, лыжи у шамана ну никак не желали стоять ровно, и, развернувшись, начали жестко тормозить и распахивать снег наподобие плуга.

Под тяжестью поклажи ноги мои таки подкосились, и я присел на правое колено.

– Пятьдесят… девять… шестьдесят… три… – пропыхтел Том за спиной.

Эти проклятые триста метров мы преодолели на последнем издыхании.

О-ох! Я скинул поклажу, снял лыжи и повалился на лежанку из веток.

– Мы дошли! Мы это сделали! Алекс!

Том скинул Лекса на лежанку и с наслаждением снял лыжи.

– Алекс!

Шаман мрачно посмотрел на меня, чуть дернув правым глазом. Даже на неснятые лыжи ему было глубоко наплевать…

(7 декабря)

Я проснулся с адской болью во всем теле.

Том, болезненно морщась, разминался.

Вот это сила духа! Я пока что не решался даже приподняться.

– Эй, Юджин! – окрикнул меня он, массируя себе плечо: – Я видел, ты проснулся. Вставай!

– А давайте сегодня никуда не пойдем, – малодушно предложил я.

Том покачал головой, подошел ко мне и вдруг железной хваткой вцепился мне в плечи и начал их разминать.

– А-а-а! – заорал я, отбиваясь от него: – Не надо, Том! Я уже встаю!

Я откатился в сторону и кинул снегом в бессердечного мучителя.

– Чтоб тебе! – выругался Том, отряхивая воротник, и кряхтя наклонился за снегом.

Я прикрыл голову руками и отвернулся.

Но Том, подумав, злорадно ухмыльнулся, оттопырил воротник Алексу и отправил снег ему за шиворот. Алекс вскинулся было, но тот час же осел на лежанку.

– Том, – проскулил он, даже не предпринимая попыток вытащить снег: – Как тебе не стыдно?! Ты будешь гореть в аду!

– Вставай, шаман! – воскликнул Томмазо и, подумав, добавил: – А то и тебе спину разомну.

– Нет уж, спасибо! – Алекс завозился и поспешил встать.

… Идти было тяжело, ноги продолжали болеть. Ситуация осложнялась снегопадом, не очень сильным, но чувствительным.

Лекс с Томом поцапались. Том врезал ему и скинул его с небольшого обрывчика. Точнее, скинул непреднамеренно, обрыва просто было не видно за кустами.

В итоге, Алекс подвернул ногу. И двигаться мы стали еще медленнее.

Часам к трем добрались до обозначенного вчера Мэу поселения.

Алекс, пожертвовав остатками денег, нанял собачью упряжку. Но наотрез отказался брать Тома. Но мы, главным образом, Мэу, смогли его все-таки уговорить.

(9 декабря)

О нас не помнили вторые сутки.

– Может, нас морят голодом? – предположил Ка-ну.

– Тогда бы они изначально не приносили нам еды и воды, – сказала Долорес: – Раз нас здесь держат, значит, мы им для чего-то нужны, и у них нет резона нас морить.

– О, да, – вздохнул Ка-ну: – Это очень утешает…

– Да не отчаивайтесь! – сказал Джуно.

– А если у нас нет надежды? – промычала Корнелия.

– Надежда есть всегда! – воскликнул молодой командир: – Мы молоды и полны сил! Мы со всем справимся! И в будущем, мы все равно достигнем наших целей!..

– Джуно, – повернулся к нему Ка-ну: – Это ты молод и полон сил. А мы – больные раненые инвалиды с поломанной психикой и постепенно съезжающей крышей! У нас нет будущего.

Джуно несколько мгновений обалдело смотрел на него, потом произнес:

– Ка-ну, вот ты не мог это сказать – ты оптимист. Кажется, в тебя кто-то вселился.

– По всем приметам, Антик, – не удержавшись, пошутила я. Мы засмеялись. "Извини", – сказала я ему, но, возможно, шутки он и не слышал.

Ка-ну тоже усмехнулся.

– Ну, сами смотрите, мы в такой ситуации… Какой уж тут оптимизм.

– Да ну, брось! – улыбнулась Долорес: – Вот скажи, что тебя больше всего не устраивает?

– Да меня все не устраивает, – грустно усмехнулся Ка-ну, вставая: – Вот условия эти, например, меня категорически не устраивают. Вы вон там, в люксе, считай живете. У вас даже окно есть. К вам снежок свежий чистый сыплется. А до нас он даже не долетает…

В этот самый момент снег до Ка-ну долетел. В виде конкретного настоящего снежка. Попавшего ему прямо в лицо.

Мы ошалело пороняли челюсти на пол.

– А еще, нормальную еду и теплую постель! – не растерявшись, требовательно крикнул Ка-ну.

– Пс-с, ребята, это вы? – шепотом окликнул нас голос из окошка: – 9-й вал?

– Лиа! Лианочка! – закричала я, подбежав к окошку и несколько раз подпрыгнув. Но окошко было под самым потолком, и я до него не доставала. Со стороны улицы же оно находилось у

самой земли.

– Ты как здесь? Как Юсс? – вцепившись в прутья решетки, спросил Ка-ну.

– Мы нормально! Мы искали вас! – она разгребла снег и, подобравшись к решетке, заглянула к нам: – А где остальные? А это… ты, Долорес?

Та помахала ей рукой и сказала:

– О-о, вы много пропустили…

… Лиа вернулась вечером. Принесла на два топора и какое-то оружие.

Решетки мы прорубили; стражу оглушили, и забрав ключи, отперли двери.

К ночи нас уже не было в городе.

(11 декабря)

Пишет Юссариан.

Видимо, судьба была за наше воссоединение. Потому что сегодня, совершенно случайно с нашей стороны, свела нас со второй половиной отряда.

– Будете смеяться, – сказал Гюстав: – Но Юджин, Мэу, Том и Лекс как раз пошли искать вас, чтобы воссоединить отряд.

– И куда они пошли искать нас? – усмехнувшись, осведомился Ка-ну.

Гюстав вздохнул и туманно обвел рукой горизонт от северо-востока до северо-запада.

– М-м-м… – поднял брови Ка-ну: – Долго искать будут…

(11 декабря)

К вечеру мы подобрались к пограничному укреплению.

– Слышал? – сказал Том, сидя в укрытии, из которого мы наблюдали: – О стратегических узниках говорят…

– Угу, – улыбнулся я: – Судьба нам улыбнулась, с первой же попытки – в точку!

Ночью мы проникли внутрь.

Начали поиски.

– Юджин, прикинь, у них тут воздушный шар есть! – восторженно прошептал Том.

– Неплохо, – прошептал я: – Но мы сейчас заняты другим. Мы ищем наших.

Алекс вскрывал "печати" на дверях. Мы искали.

Все было тихо и по плану, пока… Алекс не нашел сокровищницу.

Шаман застыл, заворожено смотря на блестящую в свете свечей золотую россыпь…

– О нет, Лекс! – простонал Том: – Только не сейчас!

Как раз в этот неподходящий момент на нас напали.

– Лекс!!! – заорал я, отчаянно отбиваясь. Вот сейчас нам как никогда была нужна его помощь! Но разве при виде такого количества золота ему было дело до наших "мелких разборок"? Он просто сделал шаг в сокровищницу.

Но он был принципиально неопасен, его даже не тронули, когда ловили нас. Поняли, что он ничего им не сделает. И никуда не денется.

Нас повязали и бросили в темницу.

Лекса, впоследствии, тоже. И посадили к нам же.

– Ну, здравствуй, Иуда, – прорычал Том, сжимая кулаки.

Алекс отступил к стене.

Том ударил.

Я его не останавливал.

Том умел драться. Том знал, как нанести удар, который может сломать или выбить кость из сустава, вызвать внутреннее кровотечение… И знал, как бить больно, но неопасно. Чтобы преподать урок и/или выпустить пар.

Я просто знал, что ничего страшного Лексу он не сделает.

– Ладно. Ты прощен, шаман, – бросил Томмазо, потирая сбитые костяшки.

Лекс обиженно хмыкнул и сложил руки на груди.

Мэу ласково потрепала его по волосам.

– Мне нравится, – сказал Том: – как у нас в отряде решаются

конфликты: набил обидчику морду и все, вы в расчете, можно мириться. Не то что у других: сделает кто-нибудь гадость, и все, ненавидите друг друга до гроба…

(13 декабря)

Надолго нас темница не задержала.

Том вскрыл замки заколкой Мэу и нательным крестиком; Алекс сломал магические печати.

Мы сделали допущение, что попасть в темницу было частью нашего плана по проникновению, и, соответственно ему, продолжили диверсию изнутри.

… Наших "стратегических" узников мы нашли.

Правда, они оказались не теми, на кого мы думали.

А именно, принцем с принцессой.

… Но наш коварный план раскрыли. Мы попытались уйти, но нам перекрыли все пути к отступлению. Кроме одного.

Подготовить шар к полету оказалось не так сложно. Собрали припасы и топливо.

Нам, конечно упорно не хотели дать так просто взять и улететь.

Страшнее всего для нас было то, что в нас стреляли огненными стрелами.

– Набирай высоту! – заорал Том.

– Я пытаюсь! – крикнул я.

Пламя горело уже на максимум. Но видимо, у нас был перегруз. Том спешно выкидывал балласт.

Но стрелы по-прежнему до нас добивали. Мы замучались сбивать пламя.

Том принялся пересматривать содержимое корзины. Тут-то и выяснилось наличие на борту… чертовой кучи "контрабандного" золота.

– Твою мать, Алекс! – зарычал Том, немедленно пытаясь избавиться от этого "балласта".

– Не-ет! – заорал Алекс, не давая ему подступиться: – Давайте выбросим припасы!

– Давайте выбросим Алекса! – рявкнул Том и, отпихнув его, эффектно отправил вниз все Алексово золото.

С диким воплем "Не-е-ет!" вслед за ними добровольно едва не выбросился сам Алекс в отчаянной попытке хоть что-то поймать. Но Том не дал ему так глупо убиться и за шкирку втащил назад, швырнув на дно корзины.

Шар начал стремительно набирать высоту.

– Твоя алчность уже дважды нас чуть не погубила! – наставительно проговорил Том.

– У меня и так все отобрали, – обиженно проговорил шаман, запустив руки в волосы: – Ни крошечки не оставили…

– Да ладно, Лекс, – повернулся к нему я: – Когда мы вернемся, Его Высочество наверняка компенсирует тебе все убытки.

– Ну так то – когда, – закатил глаза Том: – А у него уже сейчас ломка…

– К тому же, – добавил принц, с усмешкой выглядывая за борт: – Некоторая часть казны только что выпала в виде осадков над нижележащей территорией. Эх, вот ведь повезет кому-то.

(21 декабря)

Мы посадили шар неподалеку от какого-то окраинного византийского города.

Алекс сказал, что знает, как пройти в центр, но сетуя на "понастроили тут", малость заплутал.

– Заблудились, милорд? – весело окликнул нас какой-то мальчишка.

– Предлагаете нас проводить, леди? – нахально крикнул Лекс.

Видимо, желал поддеть мальчишку, тот был достаточно миловидный.

Мальчик гикнул и направил коня к нам. Подъехав, спрыгнул и повис у Лекса на шее:

– Братишка!

– Привет, Дари, – сказал Алекс, освобождаясь из объятий.

– Ух ты! – воскликнула Мэу: – Это твой брат?

– Ну-у, – поднял брови Алекс: – Это мой… сестра.

– Меня зовут Роза-Дарианна, – она сняла шляпу и выпустила длинные черные волосы. Особой женственности это ей, впрочем, не придало.

– Тебе, где-то, лет 17 – 18? – поинтересовалась Мэу.

– Почти. Двадцать пять.

Она взяла коня под уздцы и двинулась вперед.

– Алекс, будь другом, – немного погодя сказала Дари: – Купи хлеба, пожалуйста. И сельдерея.

Лекс повернулся и недовольно на нее посмотрел:

– Вот, не поверю, что у тебя нет денег!

– Есть, – легко согласилась она: – Просто мне сдачу с золотого не сдают.

Алекс закусил губу и чуть не прослезился.

– Да. И купи еще, знаешь что…

– Знаю, – отозвался шаман: – Так и быть, куплю.

– Прикольная прическа! – неожиданно крикнула девушка вслед: – Правда, выглядит, как будто сам себе спьяну резанул…

Мы бессовестно заржали; Лекс, перекосившись, поспешил скрыться в лавке. Роза-Дарианна, походу, даже не поняла, насколько попала в точку.

Всю дорогу мы трепались с Дари.

– А еще, я знала мальчика, который до тринадцати лет не выговаривал букву "р"…

– Да сколько ж можно-то, а?! – рявкнул Лекс, догнав нас почти около самого дома: – У меня уже в печенках сидят твои подколы!

Дари бессовестно расхохотавшись, согнулась пополам:

– Заметь, я же не говорила, что это был ты! Если бы не ты, они бы даже не догадались!..

Мы покатились со смеху.

– Не догадались бы, как же! – фыркнул шаман, вручая девушке сумку с покупками.

– Хорошие новости! – весело сообщила Дари с порога: – Мой брат приехал!

Судя по перекошенному лицу мужа, для него эта новость ну никак не была хорошей.

– Я тоже рад видеть тебя, Энтин, – нахально бросил Алекс.

… Энтин то и дело морщился, взглядывая на Лекса.

– Да чего вы? – тихонько спросила его Мэу: – Он же ее брат, что он ей сделает?

Муж мрачно хмыкнул.

– Он не ее брат. Они не родственники. Он ее друг.

(22 декабря)

Мы выезжали на рассвете.

С финансовой помощью Дари мы купили вчера шесть лошадей.

– О, у нас лишняя лошадь, – заметил Том.

– Это лошадь Дари, – сказал шаман.

– Разве она с нами? – удивился я. Девушка как раз подошла и Лекс передал ей поводья.

– Пусть едет, что тебе, – проговорил он.

Я пожал плечами.

Мэу нахмурилась, но смолчала.

Он не был ей братом. И другом тоже не был.

… Мэу подъехала к ней ближе к вечеру, когда уже начало смеркаться.

– Почему ты поехала с нами?

– Захотелось поехать с Алексом. А тебе-то что?

Мэу поджала губы:

– А ведь он тебе не брат… Думаешь, это хорошо – сбежать от мужа с любовником?

Дари повернулась к ней:

– Да что ты понимаешь в жизни, девочка? – неожиданно серьезным тоном проговорила она: – А ты, думаешь, это хорошо – когда тебя выдают замуж по расчету, не спрашивая твоего мнения?

Мэу ошарашено молчала; Роза-Дарианна продолжила, злобно сверля ее глазами:

– Мой отец – маг, мать умерла при родах. Нас, детей, было трое близнецов. У двоих других ярко выраженные магические способности. И отцу было вполне достаточно их. Поэтому меня с большим приданным заведомо пообещали обедневшему дворянину в обмен на титулованную фамилию. Такая вот сделка.

(25 декабря)

Пишет Юссариан.

Сегодня до нас начали доходить слухи, что освобожденный принц Эдвард собирает армию и идет на столицу.

Я едва смел надеяться, что это правда.

Мы принимаем решение подкорректировать курс и повернуть к столице.

(29 декабря)

Пишет Юссариан.

Мы встретились километрах в двух южнее столицы.

Мы пришли приветствовать принца.

– Ваше Высочество… – я поклонился и посмотрел на него.

Он кивнул. Стоял молча, словно подбирал слова. А потом бросился ко мне и заключил меня в объятья.

– Юсс… Как же я рад тебя видеть!

– О, Эд… – я похлопал парнишку по спине: – … Ну, полно… – смущенно проговорил я: – люди же смотрят…

… Отряд воссоединился. Теперь уже полностью.

… Юджин долго не знал, что сказать, ломал пальцы, подбирая слова, но так и не нашелся.

– Ты идиот, Юджин… – беззлобно вздохнул Ка-ну, прикрыв глаза.

– Хочешь, можешь меня побить, – с готовность сказал горе-командир.

– Еще чего, – усмехнулся Кариджану: – Я не бью инвалидов и убогих.

Помимо Ка-ну, Юджин помирился с Джуно и всеми остальными. Мэу помирилась с Айятой. В общем, перемирились все.

***

– А Антик и правда хорош. Мне стоит с ним помириться… – рассуждала Лай-лай: – Он любит меня, он все простит…

– Ты разбила ему сердце. Он научился жить без тебя. Теперь он мой, – ледяным голосом отчеканила Долорес.

(30 декабря)

Было ясно, что город придется брать приступом.

Мы собирались прорывать их из нескольких точек сразу. Нам придется работать чуть ли не поодиночке.

Началась последняя битва.

У противника явный численный перевес, плюс заведомо более выгодное стратегическое положение.

А еще, за него играет отчаяние. Потеря позиции для него равносильно смерти.

Мы начали наступление.

И противник обрушил на нас свой козырь. Настроенная против нас армия в тяжелом вооружении пошла громить ополчение. Мы всеми силами не позволяли ей нас теснить, но, в силу комплекса факторов, наши усилия не могли обеспечить прорыв вражеской обороны. Мы смогли продвинуться вперед, но на нас пришелся очередной удар.

– Юсс! – заорал Гюстав: – Они нас бьют!

Я понял, что еще чуть-чуть, и они разобьют наше ополчение.

Но что-то всколыхнулось на западе.

– Е-е-е! Они прорывают кольцо! – заорал Юджин, переходя в наступление.

***

– Нет выбора!

Дари, побледнев, вцепилась в его руку.

– Алекс это нереально!

– Уходи, Дари, прошу!

– Я не уйду без тебя-а!

Он схватил ее за запястья и столкнул с пологого склона холма. Она с визгом скатилась вниз, подняла голову…

– Том, Антик! – что есть силы заорал Лекс: – Готовьтесь!

Ослепительная молния, прорезавшая небо; первый громовой раскат…

Вражеское наступление захлебывалось, ряды смешались.

– Да-а! Это прорыв! – заорал Том, бросаясь вперед, в город.

– Шик, – улыбнулся Антик, взведя арбалет.

… Дари, еще сбиваемая потоками шквалистого ветра, карабкалась на холм. Впрочем, она знала, что когда она доберется, все уже будет кончено…

Небо догорало. Дари подбежала к нему. Он приоткрыл глаза, провел рукой по ее выбившейся из-за уха пряди. Рука опустилась на землю. "Не уходи!.."

Ему не хватило сил…

Дари до крови закусила губы и зарыдала.

***

Сразу после запада, почти одновременно с ним, прорвался юго-восток и юг.

Наши вошли в город и по радиальным, сходящимся к центру улочкам потекли к главному осиному гнезду этой гражданской войны.

– Это Лекс, что ли, эту бурю устроил?

Тим медленно кивнул.

– Поразительно, как ему хватило сил?!

– Не хватило, – мрачно ответил Тим.

– Ч-черт… – прошипел я.

***

Долорес прорывалась ко дворцу.

Не везло ей с огнем; у нее на пути горели дощатые настилы.

Она решила пробраться по строительным лесам, что стояли на уровне неогороженного балкона ближайшего здания.

Но они были повреждены сильнее, чем она думала…

Леса пошатнулись и начали крениться. Долорес с криком легла на доски.

Конструкция относительно стабилизировалась, но выходила из равновесия при малейшем движении.

"Хорошо бы кто-нибудь подержал бы леса, пока я перебираюсь на балкон", – подумала девушка. Она подняла голову и увидала стоящую на балконе Лай-лай.

– Лай-лай, хорошо что ты здесь! – крикнула Долорес: – придержи, пожалуйста, леса…

Лай-лай уперла ногу в дерево… и отодвинула от стены.

Долорес чудом уцепилась за отстающую доску. Конструкция потеряла еще несколько элементов…

– Лай! Ты что, с ума сошла?..

Она стояла на балконе, уперевшись ногой в леса, в любой момент готовая их толкнуть и опрокинуть…

– Знаешь, Долли… Мы подруги с тобой, конечно… Но Антик мой.

Лай-лай толкнула леса.

Долорес выпустила из рук доску, и почувствовала, как начинает падать…

Но руку ее схватили и она с криком качнулась вдоль стены и кое-как была втянута на балкон.

Долорес, лежа на полу, прижала руки к лицу и мелко задрожала.

– Антик!..

Антик с каменным лицом обернулся… и поднял арбалет.

У Лай-лай перехватило дыхание:

– Ты… как ты…

Арбалет был взведен и готов к выстрелу. Рука на спусковом рычаге напряглась…

– Нет, Антик! – закричала Долорес, вцепившись в его руку: – Прошу, не надо! Не трогай ее!..

Антик несколько мгновений не двигался. Потом опустил руку.

Он все с тем же выражением лица посмотрел на Лай-лай, жалкую, насмерть перепуганную.

– Проваливай, – прицедил он сквозь зубы: – И больше никогда не попадайся мне на глаза. В следующий раз рядом может не быть человека, который меня остановит.

Лай-лай стояла несколько секунд, не в силах поверить в то, что услышала. Потом развернулась и бросилась бежать…

***

Дворец был уже взят. Я прошел по коридору и открыл дверь.

Он стоял у окна, заложив руки за спину.

– Господин министр, – официально сказал я: – Вы арестованы.

***

Дари медленно подошла к Энтину. Он приехал сегодня, пару часов назад. Всего на день отстал от беглянки.

Дари подошла и ткнулась ему в плечо. Энтин вздохнул, покачал головой и приобнял ее за плечи.

– Я не верю, – прошептала Дари: – что он ушел насовсем. Он не мог уйти насовсем. Я точно знаю, что он вернется…

Вдали, на холме, догорал погребальный костер.

– Знаешь, – после небольшой паузы сказала она: – Своего первенца я назову Алекс…

– Господи, – страдальчески простонал Энтин: – Пусть у нас родится дочка!..

– Глупенький, – усмехнулась Роза-Дарианна: – Думаешь, меня это остановит?

(31 декабря)

Я стоял на краю города, прикрыв глаза, и встречал новый рассвет.

Занимался новый день. Война закончилась, словно страшный сон, и теперь всходило солнце нового дня. Новой жизни.

Я чуть повернул голову на тихий шорох шагов на снегу.

Ко мне подошла Лиана. На губах ее чуть заметно поигрывала улыбка.

– Ты знаешь, какой сегодня день, Юссариан? – прищурившись, спросила она.

– Знаю, – усмехнулся я: – Сегодня день твоего восемнадцатилетия.

Лиана улыбнулась, чуть закусив нижнюю губу.

***

Том и Мэу сидели на крыше двухэтажного дома на краю города.

Мэу жмурилась на рассвет, трогательно подрагивая ресничками.

Том посмотрел на ясное зимнее небо.

– Слышь, Мэу, я подумал тут… – начал Том: – Если Юссариан будет не против, и разрешит остаться в отряде, может… выйдешь за меня?

Мэу открыла глаза, повернулась к Тому, и рассмеялась:

– Ты бы, это, поосторожнее с такими предложениями! Я ведь могу и согласиться!..

Эпилог.

Мы с Айятой по семейно-отрядному вопросу приехали в некий окраинный византийский городок.

– А я знаю, где мы здесь можем бесплатно остановиться, – хитро прищурившись сообщил я.

… Я постучался в знакомую дверь.

Энтин отпер, поднял брови и глубокомысленно промычал.

– Юджин, привет! – весело крикнула Роза-Дарианна.

Нас пригласили к столу обедать.

Мы сели напротив мальчика лет четырех, с типично Энтиновской внешностью: такими же волнистыми каштановыми волосами и зелено-карими глазами.

– Как зовут? – спросил я у Энтина.

– Ну, догадайся! – хмыкнул тот.

– Ясно, – усмехнулся я: – Привет, Алекс.

– Здг'авствуйте, – осторожно ответил тот.

– М-м-м, – протянул я: – "Р" не выговаривает?

Энтин насупившись, скрестил руки.

– Ничего, – поспешил утешить его я: – К тринадцати заговорит.